Н. КОРОБКОВ

СТРАНА ГРОБНИЦ

ЕГИПЕТ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1930

МГ

Б И Б Л И О Т Е К А

N. KOROBKOV

LE PAYS DES TOMBEAUX

(L'EGYPTE)

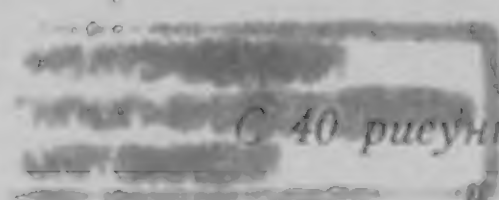
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ЭКСПЕДИЦИЙ и ПУТЕШЕСТВИЙ

Н. КОРОБКОВ

СТРАНА ГРОБНИЦ

(ЕГИПЕТ)

С 40 рисунками, 2 чертежами
и 1 картой

МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Экспедиции и путешествия. Египет

Обложка — гравюра на дереве работы худ. Н. П. Дмитревского

Типография Издат. „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 лин., 28. Зак. Изд. № 3255. Главлит № А-43330. Печатн. листов 16. Тираж 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть два Египта.

Один — богатая природой страна, с благодатным климатом, с плодороднейшей почвой, с посевами, созревающими четыре раза в году и с невежественным, нищим, полурабским населением — феллахами, коптами, арабами, изо дня в день влачащими жалкое существование. Египет — игрушечное государство с правительством, зависящим от разнообразнейших иностранных влияний, с запутанными финансами, с перезаложенными и распроданными иностранцам землями.

Народ этой страны—деревенский народ, простой и радушный, мечтающий о свободе и привыкший к порабощению. Он живет в примитивнейшей обстановке, работает, пользуясь способами и инструментами тысячелетней давности, и, бесконечно привязанный к земле, в силу невыносимых условий существования должен постепенно отходить от нее, чтобы на чужих, иностранных, заводах и фабриках нести такой же тяжелый труд, который выпадал на долю его отцов, строивших пирамиды. Вместе с терпением и выносливостью, вместе с древними обычаями и укладом жизни унаследовал он от предков важную приветливость, благодушие и широту нрава. Рядом с ним владеющие его страной люди—английские, французские, немецкие торговцы, жадные греки и хитрые итальянцы—кажутся настолько же более грубыми и вульгарными, насколько и более приспособленными к жизни.

Таков Египет наших дней.

Но есть другой Египет. Тот, которому посвящены многочисленные ученые исследования, который всегда привлекал и будет привлекать к себе внимание всех, кто хоть что-нибудь о нем слышал. Это—Египет прошлого, великая древняя культура, могущественное государство минувших тысячелетий, блестящий образец зарождения, развития и гибели цивилизации...

Если изучение прошлого собственной страны необходимо для правильного понимания текущей действительности, то полное воспри-

ятие современной культуры неизбежно требует знакомства с культурами минувшего, потому что именно в них углубляются ее невидимые корни. Культура же Египта была одной из виднейших, одной из влиятельнейших. И, конечно, она близка каждому из нас. Близка не как замечательное явление только, но и как нечто органически с нами слитое.

Нельзя не согласиться с Гете, назвавшим Элладу истинной родиной каждого европейца, потому что оттуда пришли к нам и развились, трансформируясь, искусство, философия, наука — все то, что мы называем культурой; но нельзя в то же время забывать, что сама Эллада и Рим многое унаследовали от Египта, а через их посредство восприняли все это и мы.

С первого взгляда египетская культура кажется малодоступной. Каноническая условность в искусстве, стилизация, сложная догматика в религии и связанных с нею вопросах являют нам много непонятного, много чуждого, благодаря чему прелесть и глубина этих памятников воспринимается большинством лишь неясно и смутно. Однако более короткое знакомство уже делает ее понятной и близкой нам, вскрывая общечеловеческие черты, своеобразно выраженные, но одинаковые по своей сущности во все времена, под всеми широтами. Более глубокое изучение не только не ослабит, но и значительно усилит это первое впечатление.

Египет не может не вызывать интереса и как государственная система и как творец своеобразного религиозно-философского направления, наложившего свою печать на религиозные построения многих народов; он дает интереснейшие материалы для историка и социолога, а памятники его искусства, которые при первом взгляде могут казаться замечательными курьезами, должны быть оценены как высокие произведения художественной мысли, и между ними найдется немало вещей, имеющих право числиться среди шедевров мирового искусства.

Археологической сохранности древнего Египта содействовала созданная им своеобразная религиозная система. Веря, что жизнь после смерти для души—двойника покойного—будет формой существования, совершенно адэкватной земной жизни, египтяне в усыпальницах, построенных на вечные времена, с необычайной полнотой отразили свой быт, свои воззрения, всю сущность своей культуры. Так древняя жизнь сохранилась в гробницах, покрывающих страну.

Предлагаемое здесь описание путешествия в Египет—это описание второго Египта—страны гробниц. Материалы были собраны нами в 1913—14 гг., когда мы совместно с английским исследователем г. Альджерпуном Хольворд (Оксфорд) были приглашены г. Теодором Дэвисом на его раскопки, которые он заканчивал в „Долине Царских Гробниц" и затем перенес в ее окрестности, в соседнюю северную долину, где он искал усыпальницы царей-жрецов XVIII династии. Это было время, когда возбуждался вопрос о местонахождении гробницы Тутанхамона, которую впоследствии так счастливо удалось открыть г. Картеру и лорду Ка нарвону *.

Работы Т. Дэвиса велись также в окрестностях храма Мединет-Абу и в других местах, и мы имели возможность познакомиться с целым рядом интереснейших деталей этих раскопок. Затем мы спустились по Нилу до Ассуана, осмотрев все наиболее важные памятники и употребив на это путешествие несколько больше четырех месяцев — от января до середины мая 1914 года.

Археологические материалы не могут, конечно, служить, объектом полного изложения в издании, не носящем строго специального характера; поэтому они сужены, упрощены, даны только в главных своих частях и в то же время дополнены сведениями, которые дают нам источники и новые ученые труды в области египтологии. В изложение введены также отдельные страницы, посвященные современному Египту; его своеобразный характер производит большое впечатление на всякого человека, приезжающего в Нильскую страну даже с самыми узкими целями. Быть может, эти страницы помогут читателю реальнее воспринять и ту историко-археологическую часть книги, куда нам неизбежно пришлось включить также краткие очерки по различным областям культуры страны.

Едва ли нужно говорить о том, что многогранность и сложность исторической и культурной жизни Египта не могут быть с достаточной полнотой освещены в небольшой работе общего характера. Ни в какой степени, конечно, не может она исчерпать также и богатство материалов, находящихся в распоряжении науки; поэтому многие вопросы затронуты нами лишь вскользь и разработано более или менее полно только самое важное, самое характерное и необходимое для правильного представления о Египте.

* Описание этого открытия дано в приложении к настоящему изданию.

В связи с характером изложения посвященные отдельным вопросам очерки не выделены в особые главы, а даны по частям. Если это несколько мешает систематичности, то в то же время должно меньше утомлять читателя и содействовать удобству восприятия. Многочисленные цитируемые нами тексты подлинников, так же как и иллюстрации, лучше чем какие бы то ни было описания дадут представление об эпохе и памятниках.

Пояснения к тексту вынесены в примечания, где помещены также и подробности более специальные, касающиеся отдельных вопросов, а также ссылки и указания на литературу.

Автор

РАЗВИТИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Древние историки и путешественники в страну Нила оставили нам свои описания Египта, более или менее верно представляющие жизнь этой страны. Такое описание дает Геродот [1] во второй книге своей истории, где он помещает также и относящиеся к прошлому страны сведения, большая часть которых основывается на народных сказаниях и весьма мало достоверна. Далее в начале III века до Р. Х., в царствование Птолемея I [2] (305 — 285 гг.), себенитский жрец Манефон [3], пользуясь, кроме народных сказаний, царскими летописями и списками из Абидоса, Карнака и Сакары, знаменитым Туринским папирусом и другими источниками, написал на греческом языке историю египетского народа, дошедшую до нас, к сожалению, лишь в отрывках у Иосифа и Юлия Секста Африканского.

Затем уже в IV веке по Р. Х. (379—395 гг.) некий Гораполлон из Нилополя пишет на коптском языке книгу, известную нам по греческому переводу Филиппа (XIV век). Автор ее знаком с древнеегипетским языком, но главным образом с его позднейшими формами; трактуя же о гиероглифах [4], он ничего не говорит нам об их фонетическом значении.

Все эти скудные сведения [5] о Египте не могли, конечно, рассеять у европейских народов тот мрак

таинственности, которые окружали страну, ее население и письмена; до конца XVIII века Египет оставался страной мистерий и тайной мудрости.

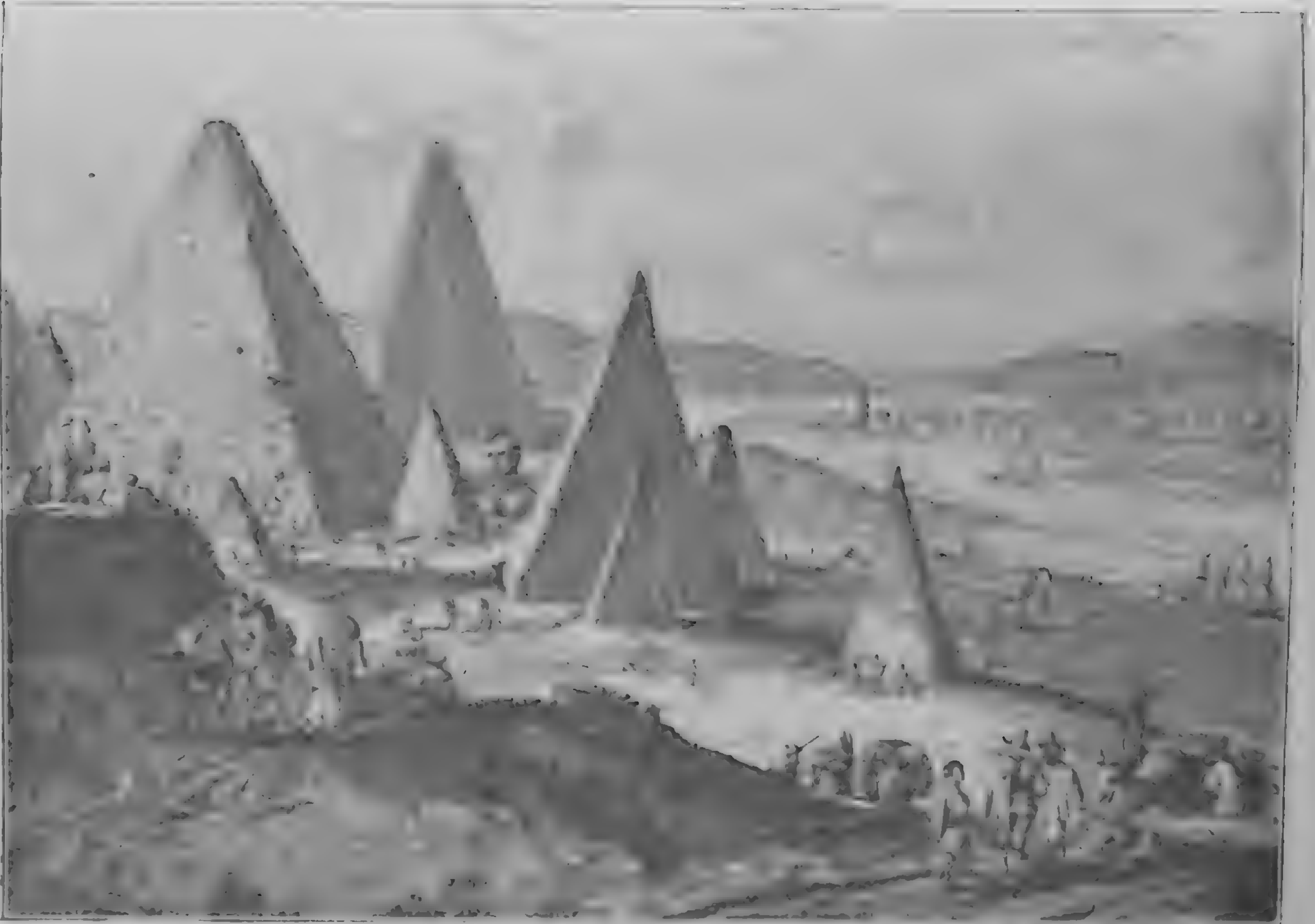
Полагая, что иероглифы, каждый в отдельности, представляют целые понятия, старые ученые пытались ребусообразно разгадывать египетские надписи, вычитывая из них всякие нелепости. Таковы попытки Афанасия Кирхера (XVII в.), аббата Плюш и других. Путешествие в Египет Ричарда Пакок (1734—36 гг.) дало для науки очень немного, и лишь в самом конце XVIII в. работа датского ученого Георга Цоэга „О происхождении и значении обелисков" знаменует начало серьезных научных исследований в области египтологии.

Поворотным пунктом и решительным толчком к развитию нашей науки послужила наполеоновская экспедиция в Египет. Вместе с штабом главнокомандующего прибыла в страну пирамид и группа ученых, во главе которых стояли Денон [1] и Доломье [2].

Двигаясь вслед за войском, они изучали и зарисовывали памятники, проникали в гробницы, исследовали храмы. Археологический материал сносился в Каир и помещался в основанном здесь Египетском Институте.

Среди собранных во время экспедиции памятников находился и знаменитый Розеттский камень, благодаря которому впервые были расшифрованы иероглифы. На камне этом высечена посвятительная надпись с ее переводом на греческий язык; встречающиеся в тексте собственные царские имена, заключенные в картуши [3], послужили исходным пунктом для определения отдельных знаков.

Над вопросом работали несколько ученых, но окончательное его разрешение принадлежит прославленному

Египет по гравюре XVII века.

Шампольону[10]. В 1821 году он прочел часть надписи, а в 1824 году опубликовал работу, посвященную египетской гиероглифике и послужившую базой для дальнейшего развития науки о Египте.

С этого времени начинается систематическое изучение страны и ее древней культуры. Снаряжаются экспедиции, развертывается широкая исследовательская работа, ведутся раскопки, приобретающие все более планомерный и систематический характер и проливающие свет на историю, религию, искусство, быт и нравы Египта.

Нельзя не упомянуть, хотя бы бегло, о наиболее ярких моментах в истории развития египтологии за это время. Так, прусская экспедиция 1842 — 45 гг. охватила территорию от Дельты до Судана; было открыто сто тридцать мастаб, шестьдесят семь пирамид, могилы в скалах Ком-эль-Ахмара; в Фивах исследован Рамессей, изучен храм Абу Симбела. Результаты экспедиции были опубликованы в монументальном труде руководителя экспедиции Лепзиуса[11], немало поработавшего также над учреждением египетского отдела при Берлинском музее.

Двадцатилетней работе Мариетта[12] мы обязаны исследованием храмов Эдфу, Карнака, Деир-эль-Бахри; им же был откопан Абидос и Серапеум в Мемфисе (1851 — 55 гг.) Среди многочисленных памятников искусства, открытых им, особенно замечательны статуи писца (хранится в Лувре) и „старосты" (Шейх-эль-Белед, Каапер).

Работы Масперо[13] в пирамидах Гизэ и Сакары дали интересные тексты, освещающие религию древнего Египта; им же собраны многочисленнейшие материалы

по истории и особенно искусству страны, опубликованные в многочисленных трудах.

В 1882 г. было основано знаменитое английское Общество Исследования Египта [14], предпринявшее раскопки и исследования и выпустившее издания первостепенной важности. Были изучены Навкратис, развалины Фаюма (раскопки Флиндерс Петри); в 1891 г. исследована Тель-эль-Амарна — замечательный город, быстро погибшая резиденция Аменхотепа IV Эхнатона. Раскопки в Нагадэ, Абидосе и Балассе, так же, как исследования храмов Луксора, Карнака и Мединет-Абу, не менее замечательны, чем открытие Солнечного Храма в Абусире и другие.

За самые последние годы ряд открытий принадлежит Теодору Дэвису; Говард Картер, работавший совместно с лордом Карнарвоном, прославил свое имя открытием (в 1922 г.) богатейшей гробницы Тутанхамона, а американец Рейснер обнаружил (в 1925 г.) и исследовал могилу царицы Хетеп-Херес.

Несомненно, что еще и теперь наши знания о культуре древнего Египта страдают значительной неполнотой, оставляют много неясностей и много места для разнообразных предположений. Не прекращающиеся исследования, которые из года в год ведутся в Нильской стране, должны уяснить еще многое, и мы в полном праве ждать от них новых и новых пополнений наших знаний.

Но уже и сейчас мы имеем яркую картину этой замечательнейшей из древних культур, истоки которой отделены от нас свыше чем семью тысячелетиями. Жизнь городов воскресает во всем своем многообразии, пышности и столкновении социальных интересов; бесчис-

ленные рельефы иллюстрируют сцены из жизни ремесленников, крестьян, воинов, сановников; догматы египетской религии встают перед нами в развитой символике, изучаются по текстам на папирусе и надписям на памятниках. Произведения искусства в виде статуи, рельефов, фресковой росписи, несмотря на свою условность, пленяют тонкостью художественной техники, замечательной наблюдательностью мастера, умеющего передать все самое характерное и яркое, и наконец той непосредственной красотой, которая отмечает все подлинно великие произведения искусства.

Колоссальные колоннады египетских храмов, грандиозные пилоны подавляют воображение; египетские гробницы никогда не перестанут нас удивлять, а пирамиды недаром считались у всех народов памятниками не превзойденной мощи.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕГИПТА

Во времена, до которых достигают наши исследовательские возможности, доисторические египтяне обладали уже довольно высокой культурой.

Они одевались в короткие полотняные передники, иногда носили на плечах шкуру; женщины ходили в длинных одеждах; сандалии были во всеобщем употреблении. Тело украшали татуировкой; охотно носили браслеты, кольца, разнообразные бусы. Жили в камышевых хижинах, обмазанных глиной или обложенных кирпичом-сырцом.

К концу доисторического периода египтяне знакомятся с медью, и она все больше вытесняет камень, из которого первоначально вырабатывались все необ-

ходимые для жизни и промышленности, охоты и войны предметы. Воспоминания о каменном веке однако еще долго сохранялись в древнем Египте, и священные предписания нередко обязывали для тех или иных целей, особенно ритуальных, применять только каменные инструменты, невзирая на то, что и бронза и медь давно стали известны и вошли во всеобщее употребление.

Каменная техника доисторических египтян стояла высоко; от тех времен дошли до нас каменные вазы, ножички, наконечники стрел, топоры, скребки и проч. таких изысканных очертаний и такой тонкой художественной отделки, что они невольно вызывают восхищение.

Население жило отдельными племенами, мелкими княжествами, которые около 5000 лет до Р. Х. объединялись в два самостоятельных государства — Верхний и Нижний Египет.

После трехсотлетнего существования обе эти страны слились под властью верхне-египетского царя Менеса, возложившего на свою голову пшент — двойную бело-красную корону объединенного Египта. Столицей первых двух династий был город Тис в верхнем Египте.

О жизни того времени нам известно немного. Фараоны III династии перенесли свою резиденцию в Мемфис; около него выстроили они себе огромные мавзолеи в виде уступчатых башен, послуживших прототипом великих пирамид, сооруженных царями следующей династии. Хеопс, Хефрен, Микерин — имена наиболее знаменитых из них — общеизвестны.

Следуя примеру своих повелителей, сановники тоже сооружают себе монументальные гробницы, украшенные

рельефами, изображающими их жизнь, деяния и все то, что они рассчитывали получить в загробном царстве. Находящиеся тут же их биографии позволяют нам составить себе полное представление об устройстве правительственного аппарата и чиновничьей иерархии того времени.

Царю принадлежит большая часть земель, обрабатываемых крепостными крестьянами; урожай поступает в собственность двора. Подчиненные царю правители сидят в областях и управляют ими, обладая обширными поместьями и массой крепостных людей. Получающие скудное вознаграждение низшие классы населения несут еще и различные повинности: роют каналы, воздвигают храмы и пирамиды, проводят дороги, сооружают плотины. Общественная трудовая повинность признается обязательной для всех, но она может быть заменена денежным взносом, от нее могут освобождать те или иные должности; вся тяжесть ее падает таким образом на широкие народные массы.

В связи с некоторым ослаблением царской власти постепенно растет влияние правителей отдельных областей, приобретающих наследственные права. Фараоны уже не имеют достаточных средств на сооружение столь грандиозных гробниц, как воздвигнутые их предшественниками; власть и влияние местных князей все усиливаются.

Безучастная политика феодальных властелинов в течение VI, VII и VIII династий обрушивает на народ самую жестокую эксплоатацию, самое непомерное давление. Страна раздирается междуусобными войнами и соперничеством отдельных властителей. Народ начинает восстания и объявляет своими врагами и фараонов,

и феодальных князей, и их сановников. Он разрушает усыпальницы царей Древнего Царства, разбивает и опрокидывает статуи, низвергает даже храмы богов.

Ко временам XII династии, сделавшей Фаюм столицей государства, феодальная система достигает расцвета; владетели ленов окружают себя дворами, построенными по образцу царского, имеют крепости и держат войска, чрезвычайно напоминая своим положением средневековых герцогов, графов и баронов. Правительство фараона имеет однако достаточно средств и возможностей для поддержки политического равновесия в стране и для проведения грандиозных работ, имеющих целью урегулировать нильские разливы. Была создана сложная система плотин и шлюзов, расширено и увеличено озеро Эль-Карун — здесь при разливе собиралась нильская вода и при понижении уровня реки вновь изливалась в нее, таким образом пополняя недостаток воды.

Города украшались многочисленными храмами, окружались стенами; страна имела цветущий вид. Началась обширная разработка медных синайских рудников, снаряжались торговые экспедиции, отправлявшиеся морским путем.

Границы государства продвигаются на юг к Нубии, где эксплоатируются золотые рудники и ведется торговля с Суданом. Негрские племена доставляют войскам фараона людей и служат в самом Египте в качестве полицейских. Замечается подъем во всех областях искусства, естественно сопутствующий росту богатства страны.

В 1928 г. до нашей эры над Египтом разразилась катастрофа. Постепенно все более ослабевавшая цен-

тральная власть, пышность феодальных дворов, изнеженный тон жизни высших классов и невыносимое положение народной массы сделали государство неспособным к серьезной борьбе; оно пало под ударами диких семитических орд гиксосов, двинувшихся с востока, прорвавшихся через Синайский перешеек и наводнивших Египет.

Опрокидывая все на своем пути, кочевники захватывали города, жгли и разоряли их, с неимоверной жестокостью истребляли мирное население и наконец закрепились в созданной ими крепости - столице Аварисе, подчинившей себе весь нижний Египет.

Цари пришельцев образовали XV и XVI династии; они подчинялись однако культурному влиянию покоренного ими народа и постепенно восприняли его обычаи, нравы, систему управления страной.

В то же время они передали египтянам особенности своей одежды, ввели целый ряд новых, не употреблявшихся дотоле семитических слов, научили технике своего военного строя и переселили в Египет лошадь, которую там раньше не знали.

Вынужденный подчиниться завоевателям, народ скоро однако начал развертывать сопротивление, исходившее из Верхнего Египта, сумевшего сохранить свою самостоятельность. Сначала он платил гиксосам дань, затем, усилившись, отказался от нее; мало-по-малу весь Верхний Египет оказался свободным; затем был занят и Мемфис. История развившейся борьбы известна нам из интересной автобиографии видного деятеля фиванского движения — адмирала Яхмоса:

„... Я возрос в городе Нехебе. Отец мой был офицером царя Секененра; Баба, сын Раинты — имя его. Я стал

вместо него офицером на корабле „Бык“ во дни царя обеих земель Небнехти-Ра...[15]

Взяли Аварис[16]. Я захватил там добычу — одного мужчину и трех женщин, всего четыре головы. Его величество отдал их мне в рабы. Осаждали Шарухен[17] шесть лет. Его величество взял этот город... После того как его величество истребил азиатов Ментиу[18], он поплыл вверх, в Нубию, чтобы уничтожить троглодитов. Его величество сделал из них огромную груду трупов.

... Когда его величество плыл на север, сердце его радовалось храбрости и победе — он покорил и южан и северян...

... Был поход против Сирии, чтобы омыть свое сердце на горах Азии. Прибыл его величество в Нахарину[19], нашел его величество этого поверженного. Он повелел разрушение. Его величество сделал из них большую груду трупов.

Нет числа пленным, увезенным его величеством своей победой. Я был во главе наших войск, видел его величество мою храбрость. Я отбил колесницу и ее коней и представил его величеству. Наградили меня золотом сугубо...“[20]

Объединение страны для борьбы с врагом далось нелегко. Как это часто бывает в аналогичных случаях, успех национальной партии, возглавляемой фиванским князем, подрывался внутренними несогласиями и столкновениями партийных и личных интересов. Колеблющиеся отказывались от начатого дела, считая задачу освобождения родины непосильной и неосуществимой. Возникали восстания против национального вождя, но настойчивость и решительность руководителей дви-

жения помогли им загнать войска противника в глубину Дельты, изолировать Аварис и взять его после жестоких боев. Враг был изгнан; преследуя его, египтяне вторглись в Сирию и осадили Шарухен, на который думали опереться гиксосы. Падение этого города знаменовало окончательную победу Египта.

Государство теперь слагалось в новых формах, устанавливая строго централизованную власть.

Феодальные права ленных владетелей упраздняются, и они становятся простыми помещиками. Родовая аристократия подвергается жестоким преследованиям, отдельные ее представители отправляются в ссылку и приговариваются к конфискации имений. Аристократический заговор, дважды возникавший и сопровождавшийся широкими восстаниями, остался безуспешным; и усилившиеся в результате его репрессии окончательно сломили старую феодальную знать и оставили Амозе, родоначальника XVIII династии, единственным и неограниченным владыкой государства.

Очередной задачей явилось восстановление поколебавшегося влияния в Нубии, и страна эта была покорена несколькими удачными походами. Проведенная у Напаты [21] возле четвертого катаракта граница оказалась продвинутой на шестьсот километров южнее, чем то было раньше.

Походы на Сирию [22] начинаются Тутмесом I, которому удалось захватить почти всю эту страну, нанести жестокое поражение войскам граничившей с ней Нахарины и, дойдя до берегов Евфрата, воздвигнуть здесь стелу - памятник, прославлявший египетские победы. Не без основания говорит он о том, что эти победы

подчинили царю страны, до того неизвестные египтянам даже по своим названиям [23].

В истории Египта начинается интересный период соправлений, основанный на столкновениях интересов жречества и влиятельных придворных кругов. Реальное соотношение сил этих классов сказывается то в одновременном существовании двух фараонов, делящих между собою верховную власть, то в победе того или иного ставленника класса. Официальным мотивом для этой борьбы послужил своеобразный закон о престолонаследии, существовавший в Египте. Тутмес I под давлением жрецов оказался вынужденным уступить престол одному из своих сыновей—Тутмесу III, женившемуся на его дочери [24] Хатшепсут, законной наследнице престола. Вскоре ей удалось оттеснить своего мужа на второй план и объявить себя фараоном. Но это продолжалось недолго: Тутмес II, брат Тутмеса III, объединившись со своим низвергнутым отцом, заявил права на престол и занял его в качестве соправителя Тутмеса I. После его смерти снова выступает на сцену поддержанный жрецами Тутмес III, сначала в качестве соправителя, а затем и единодержавного монарха. Опиравшаяся на могущественную партию аграриев-легитимистов царица Хатшепсут однако вновь заставляет его поделиться с ней властью и вновь отодвигает его на второй план.

После смерти царицы Тутмес III обрушил жестокие преследования на сторонников своей бывшей супруги: казнил одних и приказал разрушить могилы успевших умереть раньше. Имя царицы, начертанное на стенах храмов и памятников, повелено было стереть, чтобы уничтожить в потомстве всякую память о ней.

Дальнейшая деятельность этого фараона создала ему репутацию непобедимого вождя, прославившего египетское оружие во всем тогдашнем мире.

Возникший под руководством царя Кадеша в средней и северной Палестине союз туземных князей, поддержанный восстанием в Сирии, был уничтожен им; Кадеш и Мегиддо [25] после жестоких сражений взяты и обращены в оплот египетского могущества.

Несколькими походами была покорена богатая Финикия [26] с ее городами: Арадом, Тунипой, Семирой и другими. Утвердившееся на Средиземном море влияние фараонов надвинулось непосредственной угрозой на Егейское государство Крит и Кипр. Мировая роль Египта была окончательно закреплена военными экспедициями против его главного врага — Митанни, страны, находившейся у верхнего течения Евфрата и называвшейся у египтян Нахариной.

Обеспечив северные границы завоеванных областей, Тутмес сделался владыкой величайшей империи. Ассирийский царь, Великая Хета, Вавилон, егейцы и критяне, Кипр и другие острова Средиземного моря посылали ему дары. Богатая дань с побежденных стран наводнила Египет и его столицу Фивы изделиями из слоновой кости и черного дерева, великолепными колесницами, рабами, драгоценными прозрачными финикийскими тканями, золотыми и серебряными сосудами из Сирии, бронзовым оружием и различными продуктами менее прекрасными, но более необходимыми для жизни.

Государство имело теперь перед собой лишь задачу охранять новые свои границы, что им и выполнялось с успехом благодаря неистощимым запасам

людских и материальных ресурсов, которые оно могло черпать в южных провинциях.

Правители Египта в целях поддержания своего международного положения заключают союзы и договоры с соседними государствами и закрепляют брачными узами с дочерьми того или другого могущественного монарха свои дипломатические успехи. Эта мирная международная политика, не ищущая новых завоеваний и ставящая целью лишь поддержание и укрепление высоко стоящего престижа государства достигает апогея в царствование Аменхотепа III, одного из величайших фараонов Египта.

Обширная дипломатическая переписка, сохранившаяся от тех времен до наших дней, позволяет судить об исключительно блестящем положении и влиянии, которым пользовался тогда Египет.

Страна, жившая раньше замкнутой и изолированной жизнью, в торговых, дипломатических и военных предприятиях входит теперь в соприкосновение с самыми отдаленными народами и обогащает свою культуру знакомством с вавилонской письменностью, с переднеазиатским и егейским искусством, с торговлей, промышленностью и финансовым делом Финикии, Ассирии и других стран.

Египетские дипломаты и ученые изучают иностранные языки, необходимые для международной переписки и знакомства с подлинными произведениями. Египетский словарь обогащается рядом иностранных слов, литература вырабатывает новый стиль и проявляет реалистические тенденции. Новый стиль назревает и в сфере изобразительных искусств; появляются неизвестные раньше формы музыкальных инструментов; развивается хореография.

Общее утончение культуры, расширение потребностей и пышный строй внешней жизни меняют также и облик самого египтянина. Вместо простого передника, раньше носившегося мужчинами, и короткой, узкой, облегающей тело одежды женщин появляются теперь сложные одеяния, драпируемые изысканными складками, подчиненные требованиям развивающейся моды. Пышные парики со сложно завитыми локонами украшают голову; применяются разнообразнейшие косметики, множество туалетных принадлежностей, различные духи и драгоценные украшения. Придворная жизнь обставляется сложным и торжественным этикетом; утонченность манер проникает во все классы общества.

Архитектурные сооружения этой эпохи великолепны; они воздвигаются в Эль-Кабе, на Элефантине, в нубийском Солебе, но больше всего, конечно, в Фивах. Луксорский храм был украшен великолепными, высочайшими в мире колоннами с капителями в виде распускающихся бутонов. От грандиозного пилона, воздвигнутого перед Карнакским храмом, проведена пальмовая аллея, украшенная колоссальными обелисками и громадной статуей царя, высеченной из целого камня. Позолота покрывала двери и колоннады зданий, полы выкладывались серебром, великолепные сады украшались аллеями каменных сфинксов. Узорные ткани, глазированные изразцы, сосуды из драгоценных металлов, разнообразные фаянсовые изделия, хрустальные вазы наполняли дворцы и храмы.

Иностранные влияния не прошли бесследно и в области религиозных представлений, всегда занимавших центральное место в сознании древнего египтянина. Идея монотеизма, уже давно жившая в жреческих учениях,

проникает за пороги храмов, и главное божество Фиванской эпохи Амон начинает приобретать черты вселенского бога. На ряду с ним однако все еще продолжают существовать различные местные триады (троицы) и разнообразнейшие божества, до Бэсу—бога туалетных принадлежностей — включительно.

Различные противоречия, обусловленные существованием местных культов, не могли, конечно, казаться желательными с точки зрения государственного единства. Может быть, отчасти именно этим можно объяснить настойчивые старания фараонов, направленные на возвышение того или иного бога, которому они хотели приписать характер общенациональный, общеегипетский. Заботы эти оказывались тем более своевременными, что поддерживать спокойствие и порядок в стране было нелегко. Тяжелое экономическое положение низших классов постоянно толкало их на мятеж, заставляло поддерживать выступления лиц, с которыми они связывали надежду на улучшение своей участи, или даже предпринимать открытые восстания против власти. Только хорошо обученная жандармерия, полиция и войска могли поддерживать в стране установленное соотношение классов и внешнее единство, олицетворявшееся божественной властью фараона и его двуединым пшентом.

Попытка реформирования религии принадлежит наследнику Аменхотепа III Аменхотепу IV. Основы нового религиозного культа не были, конечно, измышлением самого царя; они существовали в Египте издревле в религии солнечного бога Ра-Горахте, являвшего собой соединение двух древних культов. Один из них существовал в Верхне-египетском Эдфу; под именем

Гора почитался там крылатый солнечный диск, связанный религиозными представлениями с Гором-Соколом, победителем зла и мрака; это солнечное божество именовалось Горахте – Гором двух горизонтов (востока и запада).

Другой солнечный культ культ Ра имел своим центром Гелиополис, город Нижнего Египта, именовавшийся на языке страны городом Он. Здесь поклонялись солнцу в виде символизирующего его обелиска. Если присоединить сюда представление о заходящем солнце — боге Атуме—и боге вечного становления Хепере, то база для утверждения чистого солнечного культа окажется достаточно широкой.

Само собой понятно, что реформационная попытка должна была столкнуться с сопротивлением влиятельного фиванского жречества, служившего богу Амону. К тому же к моменту реформы жречество это обладало чрезвычайно сильным влиянием на умы масс населения и оказывало сильнейшее давление на общий ход государственной жизни и государственного хозяйства, чему в значительной степени содействовали огромные капиталы, скопившиеся в храмах и находившиеся в распоряжении жреческих коллегий.

Эта могущественность жречества, принимавшая размеры и характер, несомненно, угрожающие неограниченной власти фараона, естественно, вызывала недовольство оттесняемого на второй план военного сословия и всей той служебной знати, которая держала в своих руках правительственный бюрократический аппарат и желала сохранить в государстве первенствующее место для себя. Опираясь на эти социальные и политические моменты, царь провозгласил

единственным богом Египта Атона — солнечный диск — и нанес этим решительный удар фиванскому жречеству.

Все иные боги были лишены их алтарей; храмы Амона закрыты, начертание его имен уничтожено повсеместно. Храмовые капиталы были секуляризированы и поступили в царскую казну. Сам Аменхотеп принял новое имя—Эхнатон, то-есть угодный Атону.

Чтобы вполне осуществить новый культ и ослабить влияние Фив, столицы государства и старой религии, Эхнатон избрал своей резиденцией вновь заложенный им город Ахетатон (Горизонт Солнечного Диска), выстроенный в посвященной новому божеству области; границы ее точно определялись особыми пограничными столбами.

Вслед за царским двором в новую столицу перешли центральные правительственные учреждения, стянулась армия обслуживавших их чиновников, собрались со всей страны рабочие и ремесленники, занятые на постройках, художники, украшавшие вновь созданные храмы и дворцы.

Отказавшись от традиционных представлений в религии, Эхнатон отверг также принципы идеализации и условности, существовавшие в искусстве. Под его влиянием оно становится реалистическим и, развиваясь в этом направлении, доходит до крайностей.

Сам царь проявляет демократические тенденции, является перед народом окруженный семьей, приближает к себе людей, вышедших из низов общества.

Увлеченный своей религиозной миссией, он считает себя пророком Атона и ведет энергичную и решительную борьбу против всех поборников старого уклада.

Захваченный внутренними делами, он обращает мало внимания на международную политику и заботится лишь о поддержании мира с соседними народами.

Эхнатон умер в 1362 г. до Р. Х., и его смерть послужила сигналом к общему выступлению всех недовольных. Семенкара, соправитель в последние годы царствования Эхнатона, едва ли пережил его или, быть может, лишился власти, не сумев подавить волнения. Следующий фараон, Тутанхатон, сын от одной из наложниц и зять царя-еретика, еще очень молодой (при вступлении на престол в 1362 г. ему было, вероятно, около 11 лет), вскоре отказался от культа Атона и возвратился в Фивы. Религия Амона сделалась государственной, жречество вернуло себе утерянное положение; сам царь стал именоваться Тутанхамоном.

Ахетатон (теперь Тель-эль-Амарна) был заброшен, храмы его разрушены, имена и изображения Атона и пророка-царя стерты и уничтожены, все ритуальное имущество вместе с певицами и танцовщицами после предварительного очищения передано в храмы Амона.

Воинственные фараоны следующей, XIX династии, могущественные Сетосы и Рамсесы, поддерживают величие своей империи, занимаются строительством, но падение мощи Египта уже предчувствуется во всем: начинаются нападения южно-европейских народов, становится все труднее отражать натиск ливийцев. Внутренние неурядицы, ослабление центральной власти и не последовательная политика окончательно ослабляют страну, и при XXI династии (в 952 г. до нашей эры) Египет становится добычей ливийцев, подчиняющих его своему вождю Шошенку I.

Эта ливийско-эфиопская эпоха длится почти триста лет, пока наконец цари Саиты не освобождают страны. Еще сто двадцать пять лет Египет живет как самостоятельное государство и, как бы сознавая неизбежность гибели, обращает взоры к минувшим векам своего величия и славы. Он почти не верит в себя, не верит в будущее и мотивы для своего художественного творчества черпает из великих произведений древности, восстанавливает архаические стили, подражает великим образцам минувшего.

Гибель государства приходит с руководимыми Камбизом персидскими полчищами; покоренный ими Египет не воскресает уже никогда.

Как военная добыча, он достается победителю персов Александру Македонскому; после крушения его монархии переходит к грекам, потом к римлянам. Арабы овладевают им в 642 г. по Р. Х.; далее он делается турецкой провинцией, переходит в руки хедивов и наконец, став полусамостоятельным государством, остается объектом эксплоатации иноземцев— маленькая нищая, полудикая страна с забытым великим прошлым.

Карта древнего Египта

(Для ориентации на карте указано местоположение Каира)

Глава I

АЛЕКСАНДРИЯ. КАИР

Синее, блестящее как эмаль море, спокойное и гладкое синее небо, теплый голубой прозрачный воздух. Впереди, где горизонт окутан нежно-тающей дымкой, медленно вырисовывается серая полоска земли; по мере приближения парохода она ширится, растет, окрашивается желтоватым тоном; белое пятно слева обращается в кучу строений — Абукирская крепость. Появляются зеленые пятна садов, расцветают четкими венцами пальм, и среди них белые фасады вилл пригородного местечка Рамлэ показываются и исчезают в тени апельсинных и лимонных рощ.

Дальше длинная вереница домов растянулась вдоль низменного берега; стройное очертание маяка резко вырисовывается на фоне неба.

Александрия.

Оживленный порт, через который совершается почти девяносто процентов внешней торговли Египта; английские, французские, немецкие, итальянские пароходы, лес мачт, суетливое движение катеров, моторных лодок, тяжело нагруженных фелюг; огромные склады, навесы, сложенные штабелями тюки товаров, шумная толкотня, лязг и скрежет лебедок. В пестрой толпе множество темно-коричневых и совсем черных негритянских лиц, иногда украшенных татуировкой в виде широких надрезов на щеках; сирийцы, бедуины, харак-

терные местные евреи; французы, англичане, немцы в европейских костюмах, люди в туземной форме; арабы-носильщики в рваных грязных бурнусах с плотно обмотанными бритыми головами и резкими профилями потных лоснящихся лиц; кавасы различных консульств и бездна комиссионеров в обшитых галунами фуражках.

Европейская часть города банально красива, как все европейское вне Европы. Южный город—такой же, как все другие, только много пальм в садах, прикрепленные цепочками к деревьям, пестрые попугаи, кое-где обезьяны, да у дверей туземная цветная прислуга.

Мы не думаем долго оставаться в Александрии, хотя тут есть интересные вещи: знаменитый столб Помпея, демонстрируемый всем приезжим иностранцам, древнее кладбище Ком-эш-Шугафа и греко-римский музей.

Подлинно египетского в Александрии мало. Если и всегда была она международным городом, то теперь это чувствуется с особенной яркостью. Европейская торговля захватила ее, на все наложила свою печать и сделала похожей на те колониальные города, в которых есть туземцы, туземные местные костюмы, здания, нравы, но совсем нет собственного лица, собственной души.

Самое интересное, самое колоритное в Александрии — это арабские и турецкие кварталы. С извилистыми узкими улицами, с выходящими на них глухими стенами домов, с характерными восточными базарами и кладбищами, украшенными куполообразными белыми памятниками, они настолько же живописны, насколько грязны.

На базаре арабы и негры продают цветы, холодную воду, жареное на вертеле мясо, лепешки из кислова-

того теста и множество разнообразных товаров, пестрых, ярких, сверкающих под солнцем. Смуглые полуголые дети просят милостыню; женщины прячутся под чарчафами; ремесленники работают, сидя у стен домов; пестрая толпа шумит и переливается...

Все это довольно обычно, встречается во всяком восточном городе и все-таки гораздо привлекательнеи и ярче официально-европейской Площади Консулов с ее комфортными домами, здания международного суда, хедивского дворца и украшенного памятником сквера Магомета - Али.

Для страны фараонов Александрия не старый город. Когда древне-восточный мир, объединенный в Персидском царстве, пал под ударами Эллады, руководимой военным гением Александра [27], для Египта наступил период, известный под названием эллинизма. Александрия—новый город, заложенный македонским завоевателем—возник в Дельте и со своими музеем, библиотекой и всякого рода учеными учреждениями сделался главным культурным центром страны и тем очагом, в котором переплавлялась умиравшая древне-египетская цивилизация...

Железная дорога в Египте организована великолепно. Блестящие вагоны экспресса отделаны изнутри с всевозможной роскошью, но за все это, конечно, нужно платить соответствующим образом. В Египте железная дорога существует не для египтян.

До Каира три часа езды. За окнами мелькает степной пейзаж, кое-где прорезанный песчаными пространствами; зеленые поля во всех направлениях пересечены

сеткой каналов; мелькают арабские деревушки, жалкие домики, сложенные из высушенного нильского ила, и уже в них чувствуется глубокая первобытность, архаика, невольно напоминающая изображения древне-египетских жилищ, существовавших на заре истории.

Египет всегда был глубоко консервативным. Теперь, когда он больше чем два тысячелетия не существует как самостоятельное государство, он продолжает держаться старых форм, и не во внешней только материальной культуре, а и в культуре внутренней, смутно и глухо отражая в своих переживаниях великое прошлое отдаленных предков.

Феллахи в широких синих одеждах, некоторые обнаженные до пояса, работают на полях, качают воду из глубоких каналов, дно которых на 8 — 10 метров ниже уровня почвы, так что нильская вода держится в них даже во время засушья. Воду из этих каналов (они именуются здесь „сефи") поднимают на поля поставленные кое-где водоподъемные машины, но гораздо чаще, особенно на своих собственных участках, феллахи качают воду при помощи приспособлений тысячелетней древности. Одни из них, „сакие", состоят из ожерелья глиняных сосудов, привязанных к вороту, приводимому в движение при помощи буйвола или верблюда: постепенно опускаясь в канал, сосуды один за другим наполняются водой, поднимаются, опрокидываются и, вылив воду в подставленный жолоб, снова бегут вниз. Другое приспособление— „шадуф" — еще примитивнее, поэтому встречается особенно часто. Это нечто в роде „журавля" над колодцами в русских деревнях: к одному концу длинного качающегося на подставке шеста прикреплена тяжесть,

а к другому — кожаный мех или корзина очень частого плетения или сшитый из плотной ткани мешок. Вода черпается, выливается на поля руками феллахов, журавли кланяются снова и снова, и скрипучий визг раздается по всей стране над каналами, над полями, над берегами реки.

Каирская цитадель.

Тяжелые буйволы, верблюды, первобытные сохи и мотыги и неустанно гнущиеся у шадуфов темные спины феллахов — все не современно, бесконечно далеко от цивилизации наших дней, как-будто эти земледельцы живут совершенно изолированно, не развиваясь, не совершенствуя форм хозяйства и быта. И особенно странно смотреть на все это из окон быстро мчащегося экспресса—точно два разных мира подошли друг к другу вплотную и живут не смешиваясь...

Каир—один из самых удивительных городов в мире. Созданный мусульманской культурой, полный чудеснейших памятников арабского зодчества, он воспринял в себя и влияние той древней цивилизации, в стране которой он возник. Его тысячелетняя история, полная

кровавых и мрачных воспоминаний, ярко отражена в его мечетях, дворцах и усыпальницах; ведь именно сооружением этих памятников арабы лучше всего отметили свои победы, величие и падение.

К несчастью, последние страницы каменной летописи Каира не очень колоритны, потому что создали их европейские чиновники и купцы, не идущие дальше утомительной роскоши своих гостиниц и домов, постройки казенных зданий и прокладывания прямых улиц Измаилиэ квартала, занятого европейцами. Их множество здесь, этих европейцев — англичане, французы, итальянцы, греки — и все они чувствуют себя господами, людьми высшей расы и ко всему местному проявляют высокомерное любопытство носителей высокой культуры, попавших в полудикую колонию. Их европеизм подчеркнут, усугублен в своеобразной экстерриториальности, освобождающей их от подчинения местному суду, поддержан влиянием европейских советников в правительственных учреждениях, укреплен штыками английских солдат и охраной англизированной полиции.

Из своего квартала, спокойного, светлого, чистого, с домами, скрытыми вьющимися растениями и цветами, они растекаются по всему городу в блестящих, сверкающих автомобилях, удобных колясках, верхом на чистокровных лошадях или, по-экзотически, на тех маленьких белых осликах, которыми пользуется обычно местное население. Есть несомненные связи с Каиром у этих европейцев, и все-таки они настолько же чужды ему, как и красивые, правда, и очень удобные электрические трамваи, поразительным диссонансом врезающиеся в арабские кварталы старого города.

Старый Каир... Здесь все полно своеобразнейшего яркого колорита, насыщено востоком, дышит фантастикой. Узкие кривые улицы, полные солнца и пыли, извиваются причудливо, стискивают бурное движение между высокими стенами своих домов; мушараби — балконы, заделанные решетками из точеного крашеного дерева — нависают над улицей, порои соприкасаясь с балконами, выступающими с противоположных стен.

Толпа пестрая, необыкновенно смешанная, в комбинациях, не повторяющихся нигде, кроме этого удивительного города, течет не прерывающимся потоком, темнеющим в тени, сверкающим на солнце своими пестрыми красками. Телеги, запряженные мулами, тянутся со скрипом и мягким стуком деревянных колес, катящихся по горячей пыли. Феллахи в длинных синих и голубых, распахнутых на груди кафтанах, в широких шароварах, в красных тарбушах на голове толкают тележки, нагруженные овощами, торгуются с сирийцами, тут же на тротуаре продающими жирные жареные лепешки, белую нугу, пестрые клейкие сласти. Женщины, закутанные в длинные черные покрывала, скрывающие очертания тела и оставляющие открытыми только глаза, движутся около стен, едут на примитивных длинных арбах, несут на голове кувшины или поддерживают рукой сидящего на плече ребенка.

Одна за другой, качаясь, звеня бубенцами, выдвигаются из-за угла пыльно-бурые головы верблюдов, нагруженных тяжелыми вьюками; погонщики ровным шагом идут перед ними, держа в руках длинные узды, и останавливают оторвавшийся конец каравана, чтобы пропустить медленно катящийся автомобиль, повто-

ряющий свои резкие настойчивые гудки. Бедуины, арабы в темных гандурах, закутанные сверху широкими белыми бурнусами, проходят мимо сидящих у своих лавок армян и греков в европейском платье и красных фесках. Бородатые евреи в длинных халатах, ленивые смуглые турки движутся рядом с неграми то почти голыми, то сверкающими белизной своих крахмальных воротничков и яркостью галстуков. Продавец воды сгибается под тяжестью огромного бурдюка, который он несет на спине; цирюльник, оставивший щеки своего клиента недобритыми, подбегает к водоносу, чтобы выпить несколько глотков сладкой воды.

Улица заворачивает, вьется, ломается переулками. С вершины белого тонкого минарета, врезающегося в темно-синее небо, слабо доносится голос муэдзина, заглушенный уличным шумом...

Опираясь на покорно наклоненную голову белого ослика, погонщик-феллах советуется о чем-то с сидящим на корточках в архаической позе писцом, на которого навела фотографический аппарат англичанка-туристка с резкими характерными чертами лица, комментирующая свои фото-этюды элегантному господину в безукоризненно белом костюме. Стоящий невдалеке экипаж отъезжает, чтобы дать дорогу завешенной коврами тяжелой карете, запряженной великолепной парой лошадей, перед которыми бегут два саиса в развевающихся белых одеждах. Криками и ударами длинных тростей они расчищают в толпе дорогу для едущих в карете знатных гаремных дам — жен какого-нибудь туземного сановника.

Потом опять европейцы группами или в одиночку, восхищающиеся по Бедекеру перед мечетями, движу-

щиеся к базару, делающие фотографии, озабоченные торговыми операциями или просто истомленные жарой и пылью...

Древняя египетская цивилизация давно умерла, потеряла жизненную силу и способность развития, но, воплощенная в странных, непонятных для самих представителей расы обычаях и переживаниях, она существует до наших дней и даже обладает действенностью, пропитывая ароматом древности Каир, этот молодой[28] и дважды чуждый для страны фараонов город.

Египетский водонос.

Голубые и синие бусы, украшающие головы ослов, форма браслетов на руках и ногах прошедшей женщины, амулет на шее смуглой девочки „от дурного глаза“—все это очень сходно с тем, что мы видим в египетских залах музеев, на рельефах гробниц, находим в раскопках.

Над входами многих домов Каира прибиты иссохшие чучела ящериц, змей, маленьких крокодилов; они тоже были когда-то священными животными, получавшими обильные жертвы; своеобразная форма гробов невольно напоминает древние ладьи, в которых умершие египтяне отправлялись в посмертное плавание в загробное царство Аменти. И так во многом...

Муски — главная промышленная артерия Каира.

Те же высокие, многоэтажные дома с решетчатыми окнами и выступающими балконами, от которых улица кажется еще уже. Навесы закрывают от солнца движущуюся шумную, пеструю толпу и магазины, принадлежащие немцам, евреям, сирийцам, грекам. Здесь вместе с последними новинками Парижа и Лондона продаются наргилэ, тарбуши, наивные туземные украшения; фески и тюрбаны лежат рядом с пробковыми шлемами, старинными лампадами, кодаковскими фотографическими аппаратами; колониальные костюмы мешаются с пестрыми восточными халатами.

Концом своим Муски упирается в базар — целый лабиринт узких, неровных переулков, иногда крытых досчатыми навесами. Тут шум шагов, выкрики разносчиков, мешаясь с звоном и шумом, стуком и шорохом, расплываются в дробном гуле человеческой речи, прерываемой резким ревом и воплями ослов.

Разноплеменные торговцы движутся с лотками товаров, важно сидят у своих лавок или в глубине их на коврах, продавая звериные шкуры, чудесные пестрые шелка, фантастическое оружие, филигранные безделушки, янтарные чубуки, прекрасную голубую бирюзу, укрепленную на осмоленных концах связанных в пучки палочек. Передвигается походная кухня, нищие арабы неотвязно выпрашивают милостыню, дервиши сидят на земле, подогнув ноги.

Свечи, мыло, разнообразные масла, краски; невыносимая, никому не нужная рухлядь; поддельные древности, печатные и рукописные разноязычные книги, целые горы цветных туфель, ковры, чубуки, длинные извивающиеся трубки кальянов, сверкающие цветные камешки в малень-

ких витринах ювелиров; жирные, тяжело благоухающие духи в микроскопических стклянках, золотое и серебряное шитье, медная и жестяная посуда, железный лом, глиняные горшки, всевозможные лакомства, кислые лепешки, фрукты, разнообразнейших форм кольца, браслеты и иные украшения.

Собаки, обезьяны на цепочках, пляшущие под окрики вожаков, крик и ярая восточная торговля из-за несходной цены на пару бабушей...

Совсем недалеко, через несколько переулков — тишина и полное безлюдье. Глухие стены домов с осыпавшейся штукатуркой дремлют, разогреваясь на солнце; вьющиеся розы ползут из-за изгороди; издалека, из-за решетчатого оконца гарема, плывут звуки музыкального инструмента, и однообразный восточный мотив повторяется певучим женским голосом...

Отдельные фигуры изредка пересекут улицу и скроются в глубоких воротах или скользнут за угол, в переулок, на минуту подняв за собой маленькие тонкие облачка пыли; потом опять тишина, и горячая беловатая пыль плотными ровными полосами спокойно лежит под горячим солнцем.

Воздух очень прозрачен. Грязь и мусор, которого так много на улице, не зловонен и не кажется отталкивающим, должно быть, оттого, что его быстро опаливает и выжигает солнце. Старые, однообразные, выкрашенные широкими полосами дома хранят в себе всю прелесть дремлющего востока, пленяющую европейца еще со времен крестовых походов. Пальмы темными венцами вырезываются на глубоком небе, минареты возносят в высь свои стрелы, прохладный сумрак дышит из-за резных деревянных решеток, закрывающих окна...

Круглая площадь Румелэ. Новая мечеть и за ней другая, сооруженная в XIV веке Гассаном-Ибн-Калуаном, колоссальная и простая до бедности. Под куполом венцом идет черная орнаментальная полоса арабесок; посередине — каменная гробница Гассана растет из гулкого каменного пола. В тишине шаркают, отражаются перекатывающимися шорохами наши туфли, и эхо повторяет в углах голос седобородого муллы, с вежливой приветливостью показывающего нам свою мечеть, лампады и старинные списки Корана.

Эль-Азар. С Муски она почти незаметна — слишком тесно толпятся вокруг нее разнообразные здания; да она и не похожа на мечеть, потому что строилась в те времена, когда архитектурный тип мечети еще не был выработан. Обширный внутренний двор окружен с трех сторон крытыми колоннадами; в глубине огромной крытой внутренней части мечети — лиуане — пропадают восемь рядов колонн, собранных сюда из прекраснейших зданий античного мира. Строгие дорические столпы с очертаниями простыми и чистыми, пышная аканфовая листва коринфских капителей [29]; колонны гладкие и украшенные канелюрами, с разнообразными цоколями строгих древних форм и измышленные фантазией падающего византийского искусства.

Без мечетей Каир, конечно, потерял бы половину своей прелести, но как мало он бережет их! Гама-Эль-Амр — замечательнейший из памятников города — мечеть, в X веке обладавшая почти двумя тысячами редких рукописных списков и освещавшаяся восемнадцатью тысячами лампад, теперь заброшена и близка к разрушению со своими посвященными каждому дню года тремястами шестьюдесятью шестью колоннами.

Все еще прекрасные, клонятся к упадку и, забытые, ветшают, овеянные древними легендами Эль-Тулун, Хаким. Лучше содержатся более новые, но менее красивые мечети Муайад, Акбар, Каср-Эль-Айн.

Европейские туристы, впрочем, вместе с каирской толпой любят посещать эти новые мечети, так же, как

Гробницы мамелюков.

обязательно ходят они смотреть по Бедекеру „скачок мамелюка“, хедивские дворцы и всякие новые памятники.

Под высокой скалой, увенчанной каирской цитаделью и куполом мечети Магомета-Али, около которой прорезают небо две белых стрелы минаретов, начинаются гробницы калифов и уходят к северу. Эти восхитительнейшие памятники старого Каира, пленительные образцы сарацинской архитектуры, как все прекрасное в этом городе, заброшены и медленно разрушаются.

Под изысканно выгнутыми, очаровательно простыми, разнообразно очерченными куполами покоятся в своих гранитных и мраморных гробницах повелители арабского государства. То квадратные мавзолеи, странно близкие к древне-русским памятникам, то целые дворцы и храмы с минаретами, башнями, цветными аркадами, портиками и колоннами, бесконечно разнообразными, собранными из христианских и языческих храмов, они напоминают Индию и вдруг неожиданно разнообразят эту восточную фантастику венецианскими мотивами или античной простотой прямых линий. В этих гробницах, дворцах-сказках во всей напряженности отразилась творческая мысль араба-художника, для которого архитектура была единственным способом воплощения образов прекрасного, так как изобразительные искусства были ему запрещены кораном...

Купола гладкие, округленные, вытянутые, изрезанные стекающими по ним валиками, покрытые чудеснейшим кружевом ажурных арабесок, вырезанных в камне; пестрые потолки кедрового дерева с блекнущей мозаикой красок и тусклой позолотой; арабески архитравов [30], изумительная ковка железных дверей и другие двери — огромные, из кедрового дерева, выложенные любимым арабами переливчатым перламутром — все сказочно, все пленительно, все прекрасно.

В этих гробницах не чувствуется смерти; она лишена здесь своей мрачности, в ней нет метафизики, нет мистики. Она — жизнь, но более красивая, пышная и богатая, чем обычная земная жизнь — такая, как ее обещал Магомет.

Может быть, именно оттого эти гробницы больше похожи на дворцы, а выложенные мозаикой ниши — на гаремные альковы.

Выросшие из желтоватой каменистой пустыни, они видны издалека, и их совершенные очертания, воздушность минаретов, прозрачная ажурность балконов и арок выступают из нежной золотистой пыли, как фантастический сон сознания, опьяненного сладким дымом опиума

Гробницы калифов.

Глава II

ГИЗЭ

Мимо казарм Каср-Эль-Нил, через мост, висящий над рекой, идет дорога к великим Гизэхским пирамидам. Дальше, обсаженная африканскими акациями, она имеет вид прекрасной аллеи, растянувшейся на восемь километров, до самого подножия пирамид, где оканчивается проведенная из города трамвайная линия.

Дорога расположена выше окружающих ее живописных полей, покрытых яркой зеленью, прорезанных сложной сетью каналов. На этом веселом фоне выделяются поселки, окруженные темными контурами пальм; медленно движутся фигуры работающих у каналов феллахов; буйволы и верблюды вращают колеса сакие; пейзаж плывет однообразный и ровный; очертания Каира, удаляясь, делаются голубыми и нежными.

На самой границе долины Нила, между смеющимися полями и уходящим в даль бесконечным, блестящим под солнцем желтым пространством пустыни, возвышается плоскогорье, на котором воздвигнуты пирамиды. Издалека очертания их кажутся ровными и правильными, но по мере приближения начинаешь замечать выщербины в их поверхности, все увеличивающиеся вместе с тем, как растут сами гигантские памятники.

Это следы работ арабских калифов. Сооружая в Каире свои дворцы и мечети, они обратили в каменоломни пирамиды, содрали с них полированную облицовку и украсили свою столицу зданиями, построенными из похищенного отсюда камня. Пирамиды пострадали, конечно, но массив их так колоссален, что повреждения совсем незаметны издалека.

Раньше, когда пирамиды представляли собой сплошной сверкающий монолит, они, вероятно, не так подавляли воображение, потому что не казались работой человеческих рук. Теперь впечатление усиливается обнаженностью массивных, правильно обтесанных огромных каменных глыб, уходящих вверх, не скрепленных цементом, но с удивительной точностью пригнанных одна к другой; и это потрясающее впечатле-

ние не индивидуально. Его переживал всякий, кто когда-либо видел эти памятники.

Первая из Гизэхских пирамид, именовавшаяся „Горизонтом“, достигала 147 метров высоты при 233 метрах

Дорога из Каира к пирамидам Гизэ.

стороны основания, вторая — 138×215 метров — именовалась „Большой“; третья — „Великая“ — значительно меньших размеров — лишь 66 метров высоты и 180 метров в основании.

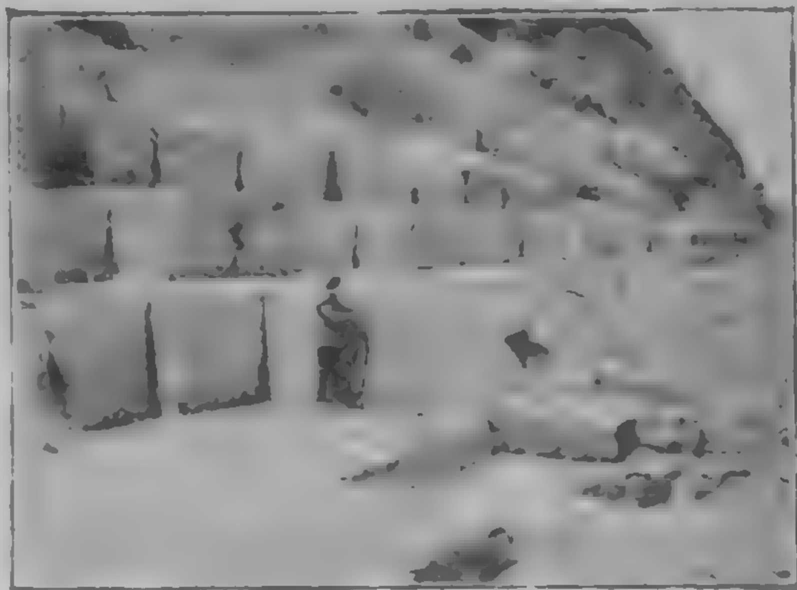
Вопрос о способе постройки пирамид долгое время оставался спорным. Едва ли он может считаться окончательно разрешенным и теперь; однако вероятнее всего, сооружения эти возводились следующим образом: первоначально строилась пирамида, имевшая совер-

шенно законченную форму, но небольших сравнительно размеров – около 50 метров по основанию при соответствующей высоте; затем начиналось постепенное наращивание каменной массы; для этого устраивались уступы, постепенно заполнявшиеся глыбами, поднимавшимися с площадки на площадку. Когда постройка считалась завершенной, в законченные ступени вмуровывались камни с наклонно ссеченной стороной, и вся пирамида, начиная с вершины, обделывалась полированной облицовкой — гранитной одеждой, придававшей всему сооружению монолитность и математически правильную законченность.

Вход в один из коридоров воздвигнутого Хеопсом [31] „Горизонта" открывается на высоте 12 метров выше основания северной стороны. Четыре грандиозные перекладины из известняка, попарно прислоненные друг к другу, повторяют треугольный очерк пирамиды и обтесаны изнутри в виде арки. Вход замыкался некогда каменной глыбой, вращавшейся на шипах. Отсюда низкая галлерея в 22 метра длины и 1 метр ширины спускается наклонно вниз.

Высеченные в полу подобия ступеней, стертые множеством прошедших по ним ног, не содействуют удобству нисхождения по этому странному, скользкому, гладко отшлифованному ходу, проложенному в каменном массиве по математически правильной прямой линии. Дальше коридор идет горизонтально, затем снова наклоняется и выходит в замурованный когда-то и не законченный отделкой зал, высеченный в скале под пирамидой на глубине тридцати метров; зал этот, вероятно, имел целью сбить с пути грабителя, проникшего в пирамиду.

Чтобы добраться до царской камеры, надо вернуться по коридору назад и проникнуть в галлерею, начинающуюся из среднего горизонтального коридора. Три грандиозные опускные двери ее замыкали. Никто из грабителей не смог преодолеть это препятствие. Более простым оказалось выдолбить в массе самой пирамиды новый туннель, через который мы и проникаем в низкий коридор 33 метров длины, ведущий к площадке, разделяющейся на две галлереи: одна, горизонтальная, в 36 метров длины, ведет в погребальный покой с потолком в виде трехгранного каменного шатра, другая, восходящая, имеет вид обширного хода в 8,5 метров высоты, 2 метра ширины и 50 метров длины.

Нижние ряды кладки пирамиды.

По сторонам ее внизу устроены выступы шириной в 50 и высотой в 60 сантиметров; вырубленные на них подобия ступеней помогают передвигаться по этому крутому гладко отшлифованному подъему. Потолок сложен из семи пластов громадных каменных плит, выступающих одна над другой и образующих ложный свод.

Гранитный царский покой помещается за этой галлереей, отделенный от нее порогом в 90 сантиметров вышины. Дальше тянется очень низкий коридор; в середине его помещается преддверие 3 метров высоты, служившее для постановки четырех опускных дверей. Первая из них почему-то осталась неспущенной, удер-

живаясь на высоте 1 метра от пола еле заметным выступом ската стены. Три остальных, по неизвестным причинам, вовсе отсутствуют. Возможно, что, если бы они были на месте, царский покой еще долго не был бы никем потревожен.

Погребальная камера помещается по оси пирамиды на высоте 40 метров над основанием и в 100 метрах от вершины пирамиды. Этот гранитный склеп имеет 10,5 метра длины, 5 — ширины и 6 — высоты. Грабители проникли сюда еще в древние времена, нарушили покой мумии и расхитили принадлежавшие ей сокровища. Только стены из гладко отполированного камня остались в такой же неприкосновенности, как в дни царского погребения. Невзирая на гигантское давление вышележащей каменной массы, ни одна плита не поддалась, не осела. Линии соединения отдельных глыб настолько точны, что между ними нельзя просунуть ни иголки, ни волоса. В зале остался саркофаг из порфира, разбитый грабителями — в нем раньше почивала царская мумия.

Строитель, создавший великую пирамиду, учел колоссальность давления каменного массива сооружаемой им гробницы; он воздвиг ее на скалистом плато и в середину ее основания включил площадку живой скалы, где была высечена подземная не законченная камера.

Чтобы уменьшить давление на погребальный покой, он поместил над ним пять пустых комнат, так называемых целл, поднимающихся одна над другой; сюда можно проникнуть из галлереи по приставным лестницам. Все расчеты архитектора оказались правильными. Сооружение его не поддалось течению тысячелетий;

ошибся лишь владелец пирамиды, великий Хуфу (Хеопс), думавший за толщей каменных стен в полной безопасности скрыть навсегда свою мумию, чтобы, не тревожась людьми, вечно жить призрачной жизнью в сердце несокрушимой своей гробницы...

Вскрытые мастаба — массивные мрачные усыпальницы сановников — теснятся около могил повелителей Египта; часовни и храмы в виде развалин разнообразных форм и размеров выступают из-под земли, откопанные археологами. Все вместе как нельзя лучше олицетворяет смерть, мрачную неподвижность и немое спокойствие.

При пирамидах воздвигались обычно посвященные умершим царям поминальные храмы, но все они очень плохо сохранились.

В храме Хеопса остался один только базальтовый пол. С восточной стороны пирамид Хефрена и Микерина сохранились остатки стен, в Сакаре в погребальном храме Унаса уцелели колонны розового гранита и барельефы.

Обряды, совершавшиеся здесь, более или менее освещены исследованиями Масперо, открывшего тексты, начертанные на стенах малых пирамид Сакары (V и VI династии).

Пирамида Хефрена, стоящая неподалеку от Хеопса, менее грандиозна и имеет другой план внутреннего расположения. Один вход в нее находился внизу, другой начинался в 15 метрах выше основания. Коридор идет вниз, наклоненный под углом в 26°2′, и приводит в зал. Четыре грандиозных камня преграждали некогда вход сюда; дальше, глубоко в скале, под пирамидой, находится камера, имеющая такой вид, как-будто ее

только-что начали обрабатывать и бросили; это должно было отвлечь от нее внимание грабителя. Между тем в углу этой комнаты имеется тщательно замаскированная и заделанная шахта, уходящая вниз и оканчивающаяся в погребальной комнате царя [32].

Приблизительно в километре от великих пирамид лежит знаменитый сфинкс, высеченный из огромной цельной скалы. Пески пустыни занесли его до половины. Делались попытки откапывать его в целях исследования, но пустыня снова его заносила; постепенно в течение тысячелетий осыпая сфинкса мелким дождем песчинок, она источила его тело, утончила и изуродовала шею, повредила лицо. Мамелюки избрали себе голову его мишенью для стрельбы, искалечили лицо, отбили нос. Но совсем так же, как в глубокой древности, и теперь нельзя не удивляться этому поразительному памятнику, воздвигнутому в отдаленнейшие времена.

Воплощение абсолютного спокойствия и глубокой бесстрастной мысли, он производит впечатление неизгладимое, впечатление нечеловеческой мощи и вечности.

К сфинксу прилегает храм; от него уцелели только огромные четырехгранные колонны розового гранита, узкие низкие святилища с потолком из одной колоссальной плиты и сложенные из алебастра ограды.

Стремлением к грандиозности, выразившимся в этих памятниках, отмечено и удивительное сооружение Тинитской эпохи возле Заует-Эль-Ариана, на полупути между Гизэхом и Сакарой. Это вытесанная в форме буквы *Т* в известковом грунте яма 100 метров длины, 25 — ширины и 30 — глубины. Ее стены, совершенно

гладкие, срезаны с абсолютной точностью. Крутой наклон в одной из них является спуском. Посередине идет дорога, скользкая и гладкая, а с боков устроены лестницы со стершимися теперь ступенями.

Вся яма была засыпана, и архитектор Барсанти, открывший и исследовавший это сооружение, извлек

Великий Гизэхский сфинкс.

оттуда 4 000 куб. метров песка и щебня. Тогда обнаружился пол, выложенный из исполинских плит розового гранита. Под первым слоем этой массивной настилки лежал второй, под ним третий, ниже находился гладко обделанный скалистый грунт.

В одной из гранитных глыб вытесана овальная чаша 2 метров длины и емкостью около кубического метра. Великолепная крышка с четырьмя ручками покрывала

ее. Чаша когда-то, вероятно, была наполнена вином или какой-то другой жидкостью.

Сооружение принадлежало царю Неферке (II династии) и является началом незавершенной [33] постройки пирамиды; однако, и незаконченное, оно так грандиозно и исполнено с такой поразительной тщательностью, что производит потрясающее впечатление.

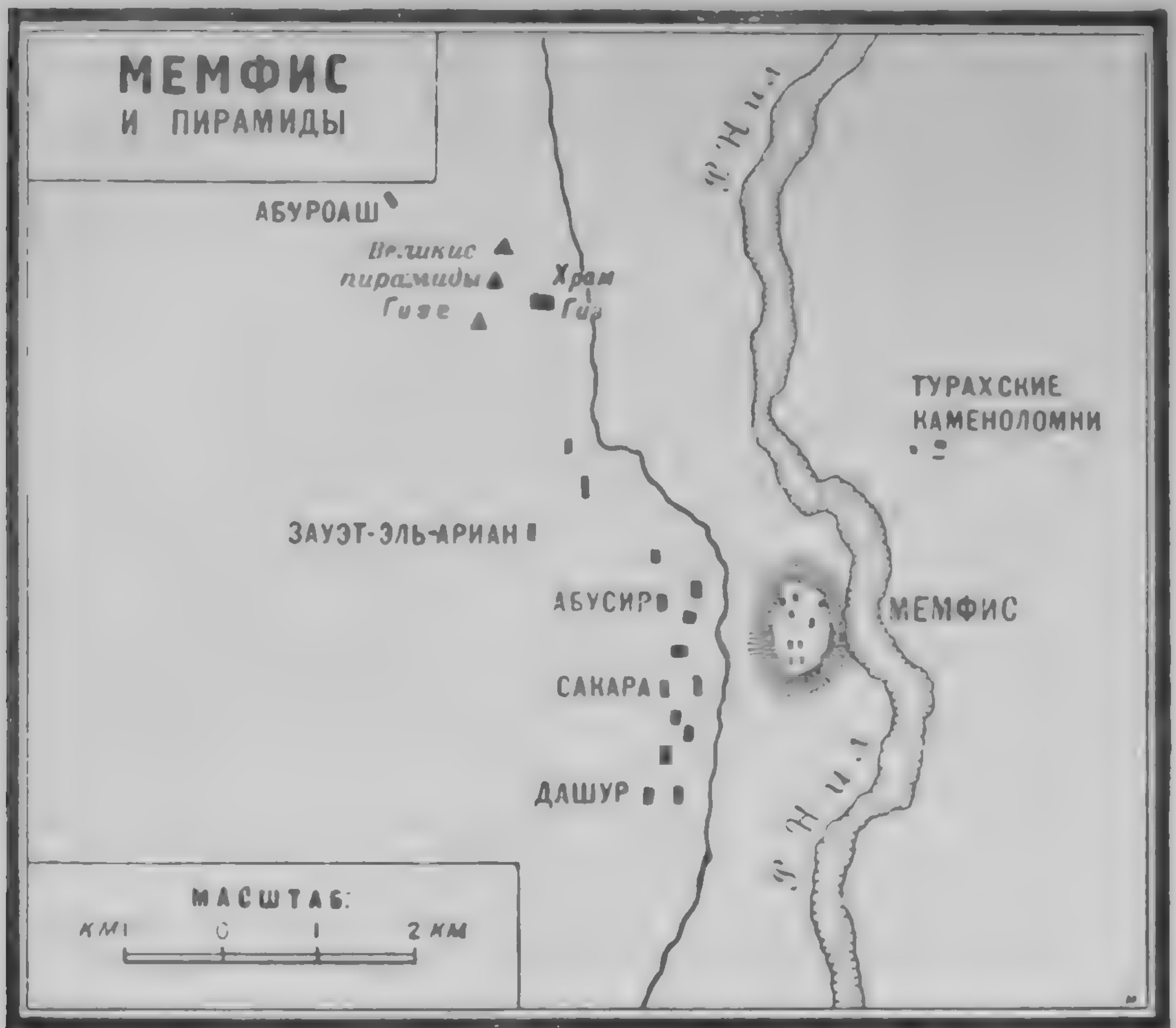
Глава III

МЕМФИС

Широкая зеленая плодородная долина. Яркие поля, блестящие полоски каналов; небольшие очаровательные озерки сияют среди сочной зелени; высокие леса финиковых пальм окружают феллахские деревушки, которые среди этого веселого пейзажа, маленькие, мирные, кажутся восхитительными.

Дорога спускается вниз, пробегает по мостикам, проложенным над каналами, по свежим пастбищам и скрывается в лесу. Феллахи работают в полях, высокие, загорелые под солнцем, одетые нередко в одни передники, подобно их отдаленным предкам. Небольшой караван верблюдов в сопровождении конных арабов проходит неспешно; теплая тонкая пыль низко стелется за ногами животных. Изредка попадаются пешеходы, телеги, запряженные буйволами. С криком и визгом купается в круглом пруду толпа детей, невидимая за высокой растительностью берега. Воздух прекрасный, чистый, немного жаркий, но какой-то ласковый воздух; он дает особенную бодрость и опьяняет.

Далеко на востоке широкая полоса однообразной пустыни, перед ней лента Нила; силуэты Гизэхских пирамид, протянувшихся до Абусира; пирамиды Сакары

и Дашура на юге вырисовываются в темной глубокой синеве неба.

Лес редкий, полный света и причудливых солнечных пятен, скользящих по твердой сухой земле. Одетые чешуйчатым панцырем, уходят вверх пальмовые стволы, похожие на колонны, и широко раскинутые

венцы их качаются, пышные, бледно-зеленые, просвечивающие на солнце.

Приближается вечер. Мы будем ночевать в деревне, построенной на развалинах Мемфиса. Длинные тени уже падают здесь от финиковых пальм и деревенских домов, коричневато-серых, сложенных из не обожженных, высушенных на солнце кирпичей. Дома располагаются то тесно, то на некотором расстоянии один от другого и, маленькие перед высотою поднимающихся над ними пальм, чудовищных зеленых метелок, воткнутых палками в землю, кажутся похожими на небольшие форты со своими глухими стенами и совершенно плоскими крышами, под которыми темнеют, как бойницы, редкие маленькие окна.

По кривым узеньким уличкам нас провожают местные люди; женщины в широких черных одеждах останавливаются, чтобы на нас посмотреть, хотя они должны были бы уже привыкнуть к появлению европейцев в их деревне.

Мимо глиняных домиков и стоящих рядом с ними низких, широких, увенчанных куполом сооружений, служащих для ссыпки зерна—совершенно таких же, как четыре тысячи лет тому назад,—уличка тянется к дому сельского шейха. Ворота, образующие глубокий узкий ход, ведут во внутренний двор, куда открываются окна и двери окружающих построек.

Шейх встретил нас во дворе и с радушной приветливостью, в которой совсем не чувствовалось льстивой приниженности, щедро расточаемой арабами, пригласил войти в дом.

Комната была небольшая, ничем не украшенная, вся глиняная, и только на гладко утрамбованном полу

лежали цыновки и подушки да вдоль стен тянулись скамьи, низкие, широкие, покрытые выцветшими тканями.

Хозяин, этот деревенский человек, простой египетский крестьянин с полной достоинства любезностью приветствовал нас, задавая вопросы, предписанные правилами этикета. Все это было так старинно-торжественно, что мы даже не решились просто и сразу изложить ему наше дело желание на несколько дней поселиться в этой деревне. Казалось прямо невежливым говорить о деле, когда нас принимают как гостей.

Окончив предварительный разговор, шейх настойчиво пригласил нас оказать ему честь и пообедать у него в доме. Они очень бедны, эти люди, они не имеют основания любить иностранцев; но, право, наше согласие доставило ему истинное удовольствие, и казалось бы странным думать, что тут был только расчет на хорошую плату: нет, он был доволен как гостеприимный и радушный хозяин.

Несколько крестьян-феллахов вошли один за другим, вежливо кланяясь, произносили обычные приветствия и располагались на цыновках в тех старинных позах, которые так знакомы нам по египетским статуям и могильным рельефам.

Разговор, очень сдержанный, велся через переводчика и иногда оживлялся своеобразной смесью неправильно произносимых французских и английских слов. Наши археологические интересы мало увлекали феллахов, однако они охотно говорили о раскопках около деревни, и открытия, сделанные здесь, в их изложении приобретали характер мистической таинственности: они любят сказки и умеют фантазировать. Потом очень

осторожно, но с большой горечью говорили они о земле, которой так мало, о машинах на плантациях иностранных концессий, о тяжелых налогах...

Здесь рано начинают работать и потому рано ложатся спать. После утомительного дня постель в виде рамы с натянутой цыновкой кажется удобной и приятной...

Деревня Мит-Рахинэ уже передвинулась, отступив перед раскопками, но все еще существует над развалинами Мемфиса[11] — великой столицы, средоточия военного могущества, сложной администрации, промышленной и художественной жизни египетского государства; все это поглощено теперь землей и лежит глубоко, ниже основания скромных деревенских домиков.

Раскопки постепенно вскрывают отдельные улицы и кварталы древней столицы; по обе стороны ведущей в гору дороги широкими траншеями осторожно, слой за слоем удаляется почва, и остатки сложенных из необожженного кирпича зданий открываются одно за другим. Отчетливо видны план и расположение комнат, но, конечно, все сохранилось плохо из-за непрочности строительного материала, неспособного сопротивляться бегу времени.

Дальше находилось великое святилище бога Пта, при котором в особой часовне жили священные быки Аписы. О грандиозности этого храма можно судить по сохранившимся до нас статуям Рамсеса II, когда-то стоявшим у входа в качестве декоративных украшений; величина одной из них равняется тринадцати метрам другой—десяти.

Но египетские храмы усердно разрушались и завоевателями, захватывавшими Мемфис, и христианскими императорами в роде Феодосия Великого, искоренявшего таким образом язычество, и арабами, строившими Каир из камня, взятого с Мемфисских построек. Так было уничтожено и великое святилище Пта.

Жизнь всегда временна, преходяща, и никто в Египте не заботился о вечности своих домов; только гробницы не должны были бояться времени; их строили с особой тщательностью, рассчитывали на тысячелетия, и неудивительно поэтому, что, когда самый город погиб, его кладбища остались жить.

И кладбища эти — подлинный город мертвых. Вся полнота египетской жизни представлена здесь. Вечные дворцы фараонов — их пирамиды - господствуют над всем; навсегда преданные своим владыкам, почивали в мастабах [35] князья, генералы, сановники. В широких песках пустыни мумии простых людей лежали в вечном сне, а воплощенные боги Аписы в своих грандиозных гробницах еще и теперь напоминают об окружавшем их поклонении.

Много археологов работало здесь, но наиболее счастливым из них был Мариетт. В 1857 г. сильная буря, разметав пески пустыни, обнажила каменный сфинкс, и Мариетт узнал в нем одного из тех, которые по указанию Страбона [36] находились у храма Сераписа. Он приступил к раскопкам и скоро обнаружил целую аллею сфинксов; в двух концах ее находились сооружения — одно более позднее, эллинистической эпохи, другое более древнее, храм-мавзолей священных быков, которые вели свое мистическое происхождение от белых телиц, оплодотворенных лучом

света, сошедшим с неба [37]. С течением времени открытые Мариеттом сфинксы и отчасти серапеумы снова были занесены песками; оставшиеся доступными для посещения тем не менее представляют риск вследствие происходящих здесь обвалов, и в них ведутся реставрационные работы. Но один из мавзолеев сохранился хорошо.

Огромная подземная галлерея, свыше ста метров длины и пяти с половиной метров вышины, высечена в целой скале. Маленькие ниши устроены в стенах; в них помещались обетные статуэтки, плиты с молитвами и таблицы, обозначавшие, в какой день, месяц и год правления данного фараона скончался или родился священный бык.

„... Год 23, первый месяц третьего периода (девятый месяц), день 15 при его величестве царе Нижнего и Верхнего Египта Хнемибрэ (Амасисе), дающем жизнь навеки.

Бог (т. е. Апис, сын Осириса) был препровожден в мире на блаженный Запад, соизволив, дабы ему было присвоено это место в городе мертвых... Вслед за сим было сделано ему все, что совершается в доме чистоты [38].

Вот в воспоминание о нем его величество, как Гор для отца своего Осириса, сделал великий саркофаг из гранита [39]. И вот его величество признал за благо сделать (этот саркофаг) из дорогого камня (великолепнее?), чем сделали все цари всех времен. Он сделал пелену из прекрасного полотна Резенетского и Мехенетского [40] (приказал), чтобы были привязаны к нему его амулеты и все его украшения из золота и из вечно блестящего драгоценного камня... Величество сего бога

отошло на небо в год 23, в третий месяц второго периода (седьмой месяц), в день 6-й...

Блаженного жития сего бога было 18 лет 1 месяц 6 дней.

Ахмос, дающий беспечальную жизнь навеки, сделал сие для него[41] ...“

Делая поворот влево, галлерея становится еще более широкой и приобретает характер грандиозности. По обе стороны, справа и слева, высечены обширные залы, пол которых опущен ниже уровня коридора на полтора метра. Они грубо вырублены в скале, но их своды и полы, так же, как и в центральном коридоре, отделаны моккатамским камнем. В глубине этих погребальных комнат возвышаются гигантские саркофаги, высеченные из цельных глыб черного и красного гранита. Массивнейшие крышки, теперь частью снятые, покрывают их. Все сработано с величайшей тщательностью, точностью линий, форм и пропорций и блестит от полировки.

Свыше шестидесяти погребальных зал серапеума к моменту открытия заключали в себе лишь двадцать четыре саркофага, и почти все были разграблены; лишь два, стоявшие в боковой галлерее, замурованной в царствование Рамсеса II, уцелели вполне. Проникнув туда, Мариетт нашел их во всей „драгоценной неприкосновенности“: священные быки лежали здесь набальзамированными, обернутыми погребальными пеленами со всеми сопутствовавшими им священными символами, украшениями и амулетами.

Тысячелетия, казалось, прошли мимо них, ничего не коснувшись; на извести каменной перегородки, замуровавшей вход, сохранились даже следы пальцев

рабочего, заделывавшего стену, а в самом погребальном склепе следы голых ног, оттиснувшиеся в песке — следы ног человека, умершего более трех тысяч семисот лет тому назад...

В подземельи жарко, почти душно; температура держится здесь всегда, и зимой и летом, около двадцати шести градусов по Цельсию; только благодаря такой термической устойчивости, неподвижности и сухости воздуха и возможна та удивительная сохранность мумий, тканей, папирусов и деревянных изделий, которые уцелели до нас от древнего Египта.

Грандиозный стиль, любовь к монументальности, простая и мрачная строгость целого, допускающая однако изысканнейшую отделку деталей, целиком отразилась в этом мавзолее обожествленных быков. Египет вообще приучает к монументальности; но раз побывав в Серапеуме, никогда нельзя забыть того впечатления, которое он производит. Убегающий в даль гигантский каменный коридор, мрачные погребальные залы, огромные саркофаги, гладкие или покрытые полосами иероглифических надписей — все это подавляет, вызывает изумление и кажется сделанным каким-то удивительным народом, бесконечно далеким от нас по своей психической структуре [42].

С древнейших времен существования страны, до периода греко-римского включительно, помимо культа человекообразных богов, в Египте существовал еще культ животных; им поклонялись первоначально, как существам, самим по себе достойным обожания за могущество, силу или пользу, которые эти животные приносят чело-

веку. Так, поклонялись льву, крокодилу, ястребу, быку, барану, гусю и другим. С течением времени понятие о богах-животных однако изменилось; сами по себе они перестали быть объектом поклонения и рассматривались лишь как воплощения, живые храмы того или иного бога: ястреб Гора, бык Пта, шакал Анубиса. Сами боги стали изображаться не только в человекообразной своей форме, но и в форме соответствовавших им животных; иногда оба эти элемента комбинировались, и изображение приобретало форму человека с головой того или иного животного или животного с головой человека. Среди наиболее почитаемых воплощений выделялись бык Мневис—душа бога Ра, священный козел—воплощение Осириса (в Мендесе), бык Апис, считавшийся воплощением Осириса и Пта.

Кроме главных, принимавшихся всем Египтом божеств-животных, существовало еще множество других. Поклонение некоторым из них было широко распространено, другие почитались лишь в одной области и, наоборот, преследовались в других.

Об обожествлении животных в Нильской долине мы имеем не только археологические данные: культ этот держался до последних дней существования Египта, и до нас сохранились замечательные описания, сделанные путешественниками греками и римлянами, лично наблюдавшими его:

„... Хотя Египет граничит с Ливией, он не особенно богат животными; зато имеющиеся в нем животные почитаются там священными, при чем некоторые породы содержатся вместе с людьми, а другие отдельно от них...

Если кто-нибудь убьет это животное с умыслом, то наказывается смертной казнью, если же без умысла,

то подвергается такому штрафу, какой будет наложен жрецами. Но кто убьет ибиса или ястреба, с умыслом или без умысла, должен быть казнен... Если кошка в каком-нибудь доме умрет своей смертью, то все обитатели дома стригут себе одни брови; если умрет собака, то остригают все тело и голову. Умерших кошек перевозят в священные помещения, бальзамируют и хоронят в Бубастисе [43]. Собак хоронят все в своих городах в священных гробницах. Ихневмонов [44] хоронят так же, как и собак. Землероек и ястребов отвозят в город Буто, а ибисов—в Гермесов город... [45]"

„... Наш хозяин, взяв с собой пироги, жареную рыбу и питье, приготовленное из меда, отправился вместе с нами к озеру. Животное (крокодил) лежало на берегу; жрецы подошли к нему, двое из них разинули ему пасть, а третий сунул в нее сначала пироги, потом жаркое и затем влил питье, после чего крокодил погрузился в воду и вышел лишь на другом берегу. Когда вслед затем другой иностранец явился с такими же приношениями, жрецы обошли озеро и, подойдя к крокодилу, таким же путем всунули ему яства... [46]"

„... Вообще при жизни обращаются с ними с чрезвычайной заботливостью, а умершего бальзамируют и кладут в священной гробнице. Напротив, жители окрестностей Элефантины не считают крокодилов священными и употребляют их в пищу... Гиппопотамы в Папремитском округе—священные животные, а для прочих египтян они не священны.. В Ниле водятся также и выдры, почитаемые священными. Из числа рыб священными считаются так называемые чешуйчатки и угорь; египтяне говорят, что рыбы эти посвящены Нилу... [47]"

„... Каждой породе животных, получающих питание, посвящена земля, приносящая доход, достаточный для попечения о них и их содержания. Каждой породе они (жители Египта) приготовляют соответствующую пищу. Обязанностей, касающихся этого, не только не избегают и не стыдятся показаться с ними перед народом, но, наоборот, гордятся, словно удостаиваясь величайших почестей у богов, и с особенными знаками ходят по городам и стране. Когда издали бывает видно, о каких животных они имеют попечение, встречные преклоняются с почтением перед ними... [46]“

Глава IV

САКАРА

На земле нет кладбища, подобного Мемфисскому. От Абу-Роаш через Гизэ до Дашура тянется этот грандиозный город мертвых, куда из поколения в поколение в течение тысячелетий город живых отвозил мертвецов, тщательно охраняя целость их каменных гробниц. В обширных кладбищах- -братских могилах, своеобразных катакомбах, вырытых в несколько этажей и засыпанных горячими песками пустыни мумии простых людей ложились рядами так же тесно, так же мало отделяясь от других, как тесно они жили и в самом Мемфисе на виду у всех, под открытым небом, занимались каким-нибудь ремеслом, торговали в лавчонках, имевших вид ниши, работали в различных предприятиях или на грандиозных государственных постройках.

Люди толпы, они также рассчитывали на вечную жизнь, но абсолютная вечность была им совсем не по

средствам, потому что самый дешевый способ бальзамирования тела, который только и мог быть доступен этим многочисленным рабочим, ремесленникам, бедным крестьянам, никак не мог гарантировать вечную сохранность мумии. Они были плохо защищены в своих коллективных могилах от всяких несчастий, и грабитель-зверь мог проникнуть в их усыпальницы едва ли с неменьшей легкостью, чем грабитель-человек.

Конечно, от пожирателей мумий они все-таки были защищены, а преступник не особенно охотно спускался в эти простонародные катакомбы: ведь старики, дети, мужчины и женщины лежали здесь обернутые в примитивные полотняные покровы и не имели с собой ни красивых украшений, ни пышных одежд, ни вещей, которые могли бы привлечь жадность святотатца. Глиняный или фаянсовый скарабей [49] - символ божественного солнца—положенный на место сердца, коротенький отрывок „Книги Мертвых" — самое необходимое для умершего. Ожерелье из бус, украшенных глазурью, фаянсовый амулет, скромное украшение, иногда несколько фигурок „ответчиков" ушебти (простой и общедоступный способ после смерти обзавестись рабами) вот все, с чем думал начинать свою новую жизнь умерший египтянин из народа. Грабить его не имело никакого смысла ничтожная добыча едва ли искупала бы глубину греха, поражавшего хищника.

Но все же грабились и эти бедные некрополи [50], разорялись, уничтожались беспощадно, еще проще и легче, чем гробницы богатых людей. Еще в совсем недавнее время на такие коллективные усыпальницы было нетрудно наткнуться, и арабы умели пользоваться находкой. Они извлекали все, что было можно, из мумий

и их пелен, а самое тело покойника — Озириса (имярек) — продавали любопытным и коллекционерам, а в более ранние годы, когда туристы еще не посещали Египта, употребляли мумии вместо топлива для костров — хорошо горит и приятно пахнет.

Среди однообразных песков, куч щебня и могильных колодцев некрополя возвышаются остатки царских погребений, образующих так называемую Сакарахскую группу; большая часть их относится к V династии и представляет собой небольшие плохо сохранившиеся пирамиды. Между ними выделяется своими размерами и формой так называемая ступенчатая пирамида, во многом отличающаяся от сооружений в Гизэ; это древнейший из памятников этого рода.

Следует сказать, что пирамиды (до наших дней их уцелело около 40) характеризуют собой лишь один период египетской истории. Во времена глубокой древности, так же как и во времена первой Тинисской династии, они не были известны. После XII династии они выходят из употребления, служат образцами для слабого подражания у более поздних эфиопских царей или являются мотивами новых архитектурных форм погребальных сооружений. Таким образом пирамиды неразрывно связаны с эпохой древнего царства, т. е. с 4000—3500 годом до нашей эры.

Доисторические туземцы при погребении своих мертвецов первоначально довольствовались ямами незначительной глубины, ничем не обделанными и просто засыпанными песком. В более совершенных сооружениях следующих эпох могильные ямы делались обширней, стены их выкладывались кирпичом, и сверху они защищались деревянной кровлей. Погребальные приношения

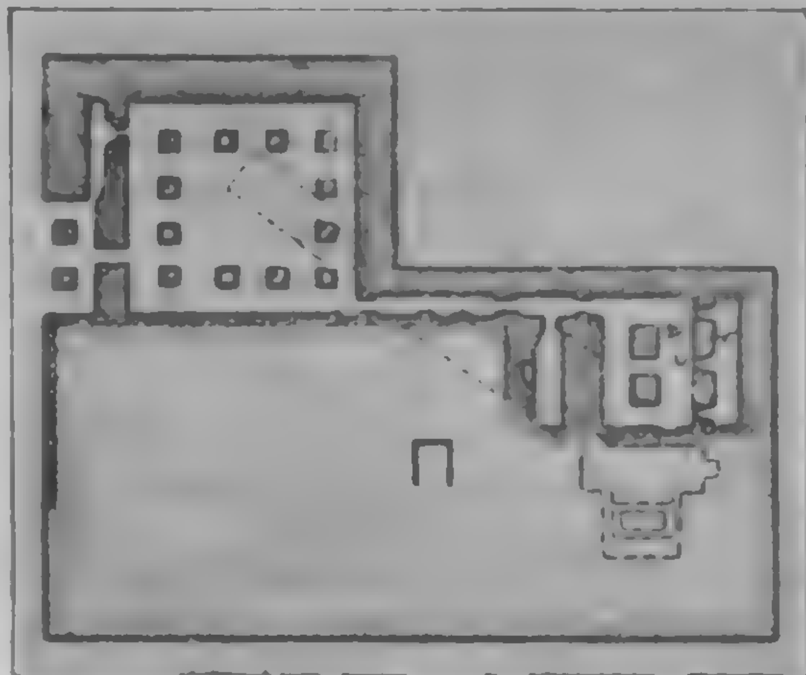
ставились в отдельных комнатах, расположенных вокруг центральной камеры; могила приобретала вид низкого сооружения, засыпанного холмом песка.

Потом, не довольствуясь кирпичными зданиями, стали пристраивать сооружения к скале для того, чтобы высечь в ней камеру, где покойник мог бы находиться в большей безопасности, чем в выстроенной из кирпича гробнице. Чтобы в камеру нельзя было проникнуть, стали делать вертикальные колодцы, тоже высеченные в скале; после того как тело спускалось в них, эти шахты можно было завалить камнями и засыпать песком. В песчаный холм, отмечавший погребение, зарывали приношения; затем, не удовлетворяясь этим, стали здесь строить небольшие часовни, куда родственники могли бы приходить для совершения погребальных обрядов.

Наконец, исходя все из того же стремления как можно лучше оградить покой умершего и сделать доступ к нему совершенно невозможным, стали маскировать выходящие на поверхность земли шахты, а погребальную часовню строили в восточной половине гробницы в виде узкой и длинной комнаты, в конце которой помещалась ложная дверь, изображавшая вход в жилище умершего. Вся гробница приобретала характер находящейся на поверхности земли массивной постройки, примыкавшей к скале, где скрывалось самое погребение. Здесь, кроме погребальной камеры, находились заваленные шахты и коридоры, а также часовня, куда имелся доступ для жрецов и родственников покойного.

Если в наиболее древнее время довольствовались могилами, воздвигнутыми из кирпича, то с течением времени в целях большей прочности зданий их начинают

воздвигать из каменных глыб, привозя известняк из Моккатама и Тураха, песчаник — из Сильсилэ, алебастр, гранит и базальт — из Ассуана. Уже с I династии делают попытки складывать пол и стены из гранитных плит, а один из царей II династии даже пожертвовал в Гиераконполисский храм великолепные ворота розового гранита — лучшее доказательство высокого мастерства того времени в обработке камня.

План мастабы Ти

Дальнейшим шагом развития форм погребального зодчества явилась пирамида, воздвигнутая в Сакаре Джосером, одним из последних монархов III династии (около 4100 г. до нашей эры). Этот царь, имя которого встречается на многочисленных памятниках, рассеянных по всему пространству Египта, окончательно утвердил господство камня над кирпичом.

Подобно своим предшественникам, он первоначально воздвиг себе кирпичную усыпальницу около Абидоса в Бэт-Халафе. Это огромное сооружение, выстроенное в форме мастабы, возвышается над несколькими склепами, к которым идет галлерея, замкнутая пятью опускными каменными дверями. Но царь не удовлетворился этим местом вечного успокоения. Он покинул Тинисские кладбища и воздвиг себе в Сакаре пирамиду, известную под названием уступчатой. Стороны ее ориентированы по странам света; состоит она из обелискообразного,

сложенного из известняка ядра, которое затем для большей прочности было обложено пятью последовательно уменьшающимися ярусами облицовки, образующей широкие уступы.

При высоте в 60 метров эта пирамида имеет основание в форме прямоугольника 120 метров длины и 107 ширины; стены ее, как у мастаб, в каждом отдельном ярусе скошены кверху, так что, если заложить уступы камнем, получилась бы геометрически правильная пирамида. Сложена она из известковых глыб, сравнительно небольших и довольно грубо обработанных. В нее вели четыре входа; главный из них находится в северной стороне сооружения. Отсюда галлерея идет вниз, где в скале под пирамидой помещается сложный и запутанный лабиринт коридоров, зал, закоулков и комнат, в которых можно путаться без конца.

Ступенчатая пирамида как архитектурная форма не привилась.

Один из преемников Джосера — Снефру — построил к югу от Сакары в Мейдуме пирамиду аналогичного характера, но ширина каждой ступени уменьшена наполовину, благодаря чему все здание приобретает характер движения вверх. Вторая пирамида, сооруженная этим царем в Дашуре, еще больше выражает такое устремление.

Здание это имеет первоначальный наклон стен приблизительно тот же, как мастаба, потом четыре ребра без промежуточных уступов резко наклоняются и образуют пирамиду, поставленную на высоком основании.

Около 4000 года до нашей эры эти архитектурные опыты наконец завершаются теми классическими пи-

рамидами, которые Хеопс, Хефрен и Микерин воздвигли в Гизэ.

Во всемирной истории нет, кажется, другого народа, который бы подобно египтянам отводил столь большое место религии. Целью жизни египтянина было приготовление к смерти, и свое временное земное существование он, насколько мог, посвящал заботам об устроении посмертного бытия. Религия, указывавшая пути и способы получения вечного блага, становилась благодаря этому главной силой, основным двигателем всей жизни и направляла деятельность человека по определенному руслу.

Свободное искусство для искусства не существовало в стране фараонов или, по крайней мере, не оставило нам никаких крупных памятников; архитектор, скульптор, даже художественный ремесленник всегда находились там под непосредственным влиянием жреца, и вся производимая ими работа имела главным образом религиозное значение или служила целям и задачам, указанным и признанным религией. Поэтому, чтобы понять сущность искусства, уразуметь мотивы сооружения монументальных гробниц, проникнуть в истинное содержание тех или иных памятников изобразительного искусства и объяснить себе ряд присущих им особенностей, нужно знать основы египетской религии и в частности ознакомиться с учением о посмертном существовании человека.

Полные и точные представления о древнеегипетских верованиях мы однако все еще не можем себе составить, так же как не удается нам свести их в одну

стройную систему. Зависит это отчасти от недостаточности наших знаний, отчасти от противоречивости положений, созданных различными культами, и от множества наслоений и изменений, естественно, возникавших за тысячелетия существования этой религии.

Большинство египетских богов, нося различные наименования, олицетворяло одну и ту же сущность— иногда вполне, чаще в вариантах. Зависело это от того, что боги при одинаковых характерах и функциях имели имена особые, местные, для каждого отдельного нома; так, например, в Мемфисе богом усопших был Сокар, а в других областях владыкой мертвых почитался Осирис; в Гелиополисе поклонялись Ра как богу солнца, в Эдфу солнце обожествлялось под именем Горахте (Гора двух горизонтов). Почитаемые в каждой отдельной местности божества считались здесь, в своей области, главными, даже „единственными“ богами; они заслоняли собой других, соседних богов, но не исключали их совершенно. Главным богом Мемфиса был Пта и для каждого обитателя этого города он, несомненно, являлся божеством верховным, что не мешало однако мемфисцу, пришедшему в Фивы, совершать моления и приносить жертвы Амону, почитавшемуся здесь владыкой богов.

Глубокое внутреннее сходство между отдельными богами заставляет соединять их в семьи, делая Шу сыном Ра, или изображать в виде аспектов одной и той же сущности, объединяя двоичностью или триединством, например: Пта-Сокар-Осирис.

Идея троичности носит иногда и более примитивный человеческий характер, по крайней мере по внешним формам: Осирис соединяется браком со своей

сестрой Исидой, и они вместе с родившимся у них сыном Гором составляют триаду, которая считается единым богом; Пта соединяется с богиней Сехет и сыном Имхотепом и т. д. Такая троица является центром пантеона каждого отдельного нома, и остальные божества группируются около нее.

Растущее влияние какого-нибудь города, особенно столицы, естественно повышает, и влияние почитаемых в нем божеств, благодаря чему отдельные боги приобретают общенациональное значение, как, например, покровитель Фив Амон-Ра, в эпоху XVIII династии даже получивший характер универсального вселенского бога.

Идея единого верховного божества не была, впрочем, совершенной новостью: она издавна хранилась и жила в учениях отдельных жреческих коллегий.

Все эти боги должны были быть изображены в камне, им надлежало воздвигать монументальные храмы, украшенные бесчисленными рельефами; а это требовало работ архитектора, художника, скульптора. Широко распространенное храмовое строительство никогда не прекращалось в Египте; постройку, расширение и украшение святилищ каждый фараон считал не только долгом, но и славой своего царствования. В особенно благополучные для государства периоды, когда царская казна обогащалась данью с покоренных народов, строительство производилось в таких широких размерах, что для него надо было мобилизовать все художественные силы страны.

Само собой понятно, что при подобных работах мастера должны были прежде всего считаться с требованиями жрецов, которые лучше, чем кто бы то ни было, знали вкусы и потребности богов.

Но религия учит не только о богах; она говорит также и о вечной жизни души.

Вопреки общераспространенным впоследствии представлениям о человеке как о двойственной сущности, состоящей из души и тела, египтяне полагали, что соединенный в одно целое при жизни человек со смертью распадается на несколько субстанций.

Первая, Ху — божественное начало — возвращается к своему божественному первоисточнику; вторая, Ба — душа — отправляется после смерти на запад, чтобы в Ливийских ущельях, у города Абидоса, спуститься в подземное царство и предстать на суд Осириса. Здесь, произнеся свою исповедь, она ожидает решения судилища богов, которые выносят приговор после того, как сердце умершего взвешивается на весах справедливости. Оправданный остается жить вечно; признанного недостойным постигает конечная, вторая смерть. Третья сущность, Ка — эфирный двойник человека — обладает самостоятельной жизнью и в то же время глубокими внутренними причинами связан с телом, благодаря чему он представляет для нас особенный интерес.

Для вечной жизни необходимо несколько условий: возможность получать достаточное количество пищи, иметь кров и все остальное, необходимое для жизни, и сверх этого сохранность тела, потому что, будучи материальным, двойник в то же время не может жить самостоятельно, а только воплощаясь в теле, где он когда-то обитал. Гибель тела или недостаток жизненных припасов заставляют Ка медленно умирать, рассеиваться и исчезнуть.

Исходя из этих представлений, египтяне заботливо сохраняли тело, бальзамируя его, чтобы предохранить

от тления и распада. Стремление спасти мумию от гибели вынуждало строить грандиозные гробницы или помещать ее в таких тайниках, куда бы не мог проникнуть ни один человек и где покой усопшего хранился бы ненарушимо.

Зная, что быстро бегущие годы заставляют забывать предков и пресекают роды, а после них некому уже заботиться об умерших и некому совершать приношения, необходимые для жизни Ка, египтянин невольно останавливался перед вопросом: как спасти своего двойника от голодной смерти и как гарантировать ему вечное спокойное существование?

Здесь приходила на помощь магия: для призрачной жизни не нужно реальных предметов; вместо плодов, овощей, вин, разнообразных блюд, которые приносились и ставились на жертвенные столы в часовнях, примыкавших к гробницам, достаточно было одних изображений всех этих предметов. Силой произнесенных им магических формул Ка обратит все это в призрачно-реальные вещи и будет наслаждаться ароматом цветов и благовоний, вкусом различных яств и напитков.

Но, конечно, для приятной и полной жизни мало иметь пищу и кров. Знатный человек привык к услугам рабов, и вот вереницы их изображаются на стенах усыпальницы или кладутся в виде статуэток из глины, фаянса и камня; они предназначены для различных услуг своему господину. Особая категория их — „ушебти", „ответчики"—будет исполнять за своего владельца общественные работы на том свете и откликаться, когда его будут вызывать по имени. Остальные рабы его станут делать все то, что понадобится их хозяину; у него останутся

таким образом слуги, повара, хлебопеки, мясники, сельские рабочие, каменщики, стекольщики, даже художники, писцы, граверы — все те, в чьих услугах он может нуждаться. Танцовщицы будут развлекать

Усопший, принимающий жертвенные дары.

его своими плясками, другие девушки — аккомпанировать им на различных музыкальных инструментах.

Достаточно произнести магические формулы, и тесные могильные стены гробницы наполнятся широкой, пышной, красочной жизнью, полной движения и разнообразия.

Но если возможно магической силой подобия вещей обращать в самые вещи, то совершенно закономерно и представление о том, что тело умершего также может быть заменено его подобием — статуей, легко обращаемой в действительное тело при помощи тех же магических формул.

Мумия, как бы хорошо набальзамирована она ни была, всегда остается хрупкой, легко поддающейся гибели. Статуя - портрет, изготовленный из твердой каменной породы, гарантирует неизмеримо большую долговечность. Наконец этих запасных тел-статуй может быть сделано несколько, что сводит до минимума опасность исчезновения и гибели тела.

Голова портретной статуи (Шейх-эль-Белед, Каирр).

Так замкнутая, замурованная гробница дает заключенной в ней мумии и обитающему возле нее Ка наиболее полную, наиболее верную гарантию счастливой вечной жизни.

Изготовляя портретную статую, художник исполнял благочестивое дело, не имевшее ничего общего с его личными художественными желаниями и фантазиями; задачей его было сделать точную копию с тела и лица заказчика, копию совершенно сходную с оригиналом, так, чтобы Ка мог удобно вселиться в него. В то же время каменному телу следовало придать черты, которые обеспечивали бы ему возможность наиболее полного наслаждения жизнью. Для этого

надо было изобразить покойника молодым, в расцвете лет и сил, придать ему красоту и величие, насколько это можно сделать, не вредя портретному сходству.

Стесненный в выборе сюжета художник не оказывался более свободным и в трактовке его, так как всегда был подчинен определенной цели, которой должно было служить его произведение.

Вечность, несокрушимость памятника были важные его задачи, и, исходя из этого, он живопись заменял рельефом, давая высеченное на камне изображение; изготовляя же статую, заботился прежде всего о ее устойчивости. Он изображал человека стоящим или сидящим, иногда в другой какой-нибудь позе, но всегда так, чтобы устойчивость статуи была максимальной; для этого он почти всегда оставлял плиту, из которой как бы выступает соединенная с ней фигура, или же заставлял ее опираться на стоящий сзади каменный столб.

Бóльшая свобода в позах при меньшей заботе об устойчивости допускалась главным образом в статуях разных незначительных лиц и слуг, изображавшихся обыкновенно в положениях наиболее характерных для их занятий.

Глава V

БЕНИ-ГАССАН

Под белыми парусами, упруго округлившимися от небольшого, но ровного и не прерывающегося ветра, дахабиэ плывет по слегка взбудораженной поверхности Нила. Всякий раз, когда нос лодки немного зарывается

в воду, кажется, что навстречу пролетает порыв ветра, но это только восхитительная свежесть и запах реки, журчащей за кормой, змеящейся тонким струистым следом за маленькой, быстро идущей парусной яхтой.

Шадуф на берегу Нила.

Ветер слабеет, дахабиэ движется медленнее и уже почти беззвучно скользит по гладкой, блестящей, точно полированной, поверхности реки.

Вода кажется вблизи непрозрачной, темной, даже чуть-чуть коричневатой; дальше она голубеет, блестит серебряной чешуей и яркой игрой солнечных отсветов, а еще дальше обращается в сплошной поток блестящей

ртути, тяжело разлившейся, неподвижной и ослепительно сверкающей под солнцем.

Развертываясь, проплывают мимо однообразно-восхитительные пейзажи; полуголые бронзовые феллахи работают на невысоких обрывистых берегах, черпают воду, переливают ее в узкие длинные каналы, орошающие поля, уже испытывающие недостаток в воде. Длинные коромысла двух и трехъэтажных шадуфов равномерно и однообразно поднимаются и опускаются с монотонным взвизгивающим скрипом.

Обожженные солнцем тела мерно и однообразно гнутся, вытягиваются, опуская в воду и вытаскивая из нее своеобразные ведра в виде больших конусов из пришитой к обручам плотной ткани. Вода выливается в водоем, и отсюда такими же ведрами с помощью таких же журавлей ее передают выше и выливают наконец в канаву, от которой сеть канальчиков разбегается и делит поля на шахматные клетки.

Работают неустанно, не отрываясь, не останавливаясь, пока не придет следующая смена.

Около сакие ходят по кругу буйвол, верблюд, пара осликов или вол, приводя в движение зубчатое колесо, поднимающее бесконечное ожерелье наполненных водою кувшинов, и оно вертится, вертится с острым скрипучим стоном, переплетающимся с однообразным напевом следящего за работой мальчика-погонщика.

Спускается к берегу пригнанное на водопой стадо ослов. Женщины в темных одеждах идут, поддерживая на головах кувшины с водой; медленно появляются растут и проплывают очертания деревень, коричневато-бурых, издалека уютных и радостных среди темных

куп сикомор и акаций. Яркие бесконечные поля всевозможных оттенков зеленого цвета прижимаются к реке или, отступая перед пустынями, открывают холмистые песчаные пространства, скалистые горные цепи, сравнительно невысокие, иногда расходящиеся перед развернувшимися пажитями, иногда подступающие к реке своими скалами и вдруг сжимающие Нил горным ущельем.

Мелькают, рассыпаясь черными пятнами, спускающиеся к реке стада, сопровождаемые пастухами; буйволы лежат на берегу или стоят, по брюхо забравшись в воду. Изредка проплывают высокие трубы заводов, чистые белые поселки, ритмически пыхтящие водоподъемные машины иностранных плантаций. На обрывистом берегу выступают из-за поворота глиняные домики феллахской деревни; множество голубей вьется вокруг белой мечети.

Дальше полное безлюдье, полная тишина. Обмелевшие берега узкими косами вдаются в спокойные воды, образуют островки и отмели, на которых неподвижно сидят под солнцем пеликаны; движутся белые пятна многочисленных чаек, одинокие фигуры цапель отражаются в теплой мелкой воде; коршуны чертят широкие круги в бездонном синем куполе неба. Сладкий запах каких-то цветущих растений плывет с горячего берега.

Солнце заходит медленно, небо темнеет, восток приобретает цвет аметиста, с запада льются потоки пламенного золота, яркими червонными гребешками расцвечивающего мелкую сверкающую рябь. В небе и в воде розовые и красные тона сплетаются, уступают место зеленым оттенкам, между которыми темно-синие

окна открываются в речной глади. Золотистая пыль нежным туманом затушевывает берега, и вдруг очень быстро краски тухнут, вода делается свинцово-синей, аметистовое небо теряет прозрачность, чернеет — и ночь выступает с бесконечного темного полога крупными яркими пятнами серебряных звезд. Становится все холоднее, усиливается северный ветер; вода, дрожащая светлыми пятнами, булькает и плещется за кормой...

Описывая свое путешествие в Египет, Шампольон рассказывает о том, как, приближаясь к Кеннэ [52], он видел на островке целые сборища — до четырнадцати штук — крокодилов; это было сравнительно недавно; но теперь крокодилов в Египте не осталось совсем; они давно отступили в верховья реки перед истребляющим действием винтовок и шумом бороздящих Нил пароходов.

На пути нашей дахабиэ они встречаются часто, великолепные, большие, с роскошью и комфортом отделанные пароходы, каких не встретишь на реках Европы. Маленькие лодки, легкие дахабиэ, широкие, обильно оснащенные фелуги, нагруженные людьми, мешками, горами тыкв, мелким скотом, прыгают по волнам и кланяются вслед корме прошедшего парохода, оставляющего за собой целое волнение...

На берегу все полно напряженной, насыщенной жизнью. Зреет высокий мощный ячмень; пшеница ровно, без примеси сорных трав, растет на обрамленных канавами с водой квадратиках, уходит вдаль бесконечными полями, пересеченными изгородями. Хлопчатник и кукуруза, сорго и рис растут здесь рядом с северными хлебами.

Феллахи косят траву, высокую, сочную, поднимающуюся плотными темными стенами над скошенными пространствами. На ослах и верблюдах, на запряженных буйволами телегах везут длинные зеленые палки снятого с полей сахарного тростника; кого ни встретишь— все едят его, жуют, высасывают сладкий сок, сдирая со стеблей жесткую верхнюю кожицу. На маленьких кустарных сахарных заводах вываривают из него сладкий сироп, который продается потом в Каир для окончательной обработки.

Но они плохо оправдывают себя, эти заводики, потому что им трудно конкурировать с большими иностранными предприятиями, громоздящими свои каменные корпуса и трубы среди обширных концессионных плантаций.

Таков завод в Миниэ. Здесь сложены целые горы тростника, текущего по жолобам в огромное кирпичное здание, полное гула и шума вращающихся колес, сдержанно-мощного стука поршней, хруста перемалываемых стеблей тростника.

Освещенные ярким электрическим светом, туземные люди работают у машин под надзором европейцев; с шипением качаются над ними широкие, быстро бегущие бесконечные ремни, и вентиляторы с глухим гудением гонят свежий воздух в душную, жаркую атмосферу завода.

Там, где кипятится сок, в огромных котлах, окруженных многочисленными манометрами, от духоты и запаха жженого сахара кружится голова. Люди работают с потными, мокрыми лицами, с красными воспаленными веками; тяжелая работа египтян у шадуфов, вечная утомительная работа все - таки много лучше,

много легче, много приятнее этой. Там работают около Нила, в котором можно выкупаться, зеленая трава радует глаз, и рабство земле чувствуется меньше, чем рабство концессии, хотя и то и другое дает одинаково мало.

Шадуф.

После завода, очутившись снова между полей, на длинной вьющейся дороге, бегущей между пажитями, испытываешь настоящее счастье...

Современный Египет — деревенская страна. Феллахи — физически здоровые, трудолюбивые люди; но длительная история, тысячелетняя цивилизация не меньше чем кровосмесительные браки и тяжкий экономический гнет завоевателей, исчерпали психические возможности этого народа. Последнее тысячелетие было беспрерывным и быстро ускоряющимся падением остатков культуры, еще сохранившихся у феллахов и особенно у коптов,

Эти последние, будучи также потомками египтян, в отличие от сельчан-феллахов составляли городское и, следовательно, более культурное население страны. Однако и они уже к XVII веку успели совершенно забыть свой язык и свою литературу[53].

Через три часа после отъезда из Миниэ дахабиэ останавливается у восточного берега Нила, против деревни Бени-Гассан.

По широким цветущим полям дорога тянется к Аравийской цепи мимо глубокого ущелья, сворачивает на север и идет по границе пустыни, через территорию исчезнувшего города Нус, от которого остался один некрополь.

Вход в гробницу Хнум-Хотепа (Бени-Гассан).

Гробницы Бени-Гассана расположены на крутом горном склоне. Внизу темные колодцы разрытых могил зияют между мастабами; выше находятся усыпальницы, высеченные в скалах; они носят более или менее однообразный характер. За входом помещается глубокий зал; его вырубленные в живом камне своды опираются на колонны различного вида.

Чаще всего они имеют форму столбов, покоящихся на четырехугольной базе, и несут на себе такую же абаку[54]; путем отсечения ребер их обращают в восьмигранные призмы, в соответствии с чем изменяется их база и становится круглой. Следующий этап — шестнад-

цатигранная колонна. У некоторых грани теряют свою плоскую поверхность и украшаются впалыми желобами; самый столб утончается к вершине и таким образом приближается к типу греческой колонны дорийского стиля, вследствие чего некоторые ученые считают ее первообразом последней.

Не довольствуясь таким простым типом, архитектор старался придать колонне более красивый вид, заимствуя для этого мотивы из растительного мира. Столб иногда приобретает вид четырех громадных стеблей, оканчивающихся вверху не распустившимися еще цветами лотоса, ниже которых орнаментация изображает как бы повязку, связывающую несколькими оборотами в одно целое этот каменный букет. Чашечки цветов вместе с идущими под ними обручами повязки образуют капитель колонны, а стебли - ее стержень. Внизу, у самой базы, он несколько утончается, изображая как бы выхождение стеблей из одной луковицы. Рядом с ними встречаются колонны в виде одного стебля лотоса, но их капитель сохраняет ту же форму не распустившегося бутона.

Колонны другого типа имеют капитель в виде уже распустившегося цветка с четырьмя, восемью и более лепестками; наконец встречаются также капители в виде пучка ветвей пальмы или папируса. База некоторых из подобных колонн обработана преднамеренно грубо, изображая как бы корни дерева.

Погребальные комнаты и сердабы имеют обычно вид глубоких шахт, вырубленных в полу. Неровности стен, естественно, заключающих в себе слои более хрупких и твердых пород, гнезда окаменелостей и впадины выравнены и замазаны беловатым цементом

более крупные пустоты заполнены кусками известняка, соответствующими им по величине. Затем все это было покрыто слоем гипса, растертого на яичном белке, и таким образом подготовлена поверхность для работы художника.

Под потолком идет бордюр орнаментального характера, ниже изображены разнообразнейшие картины.

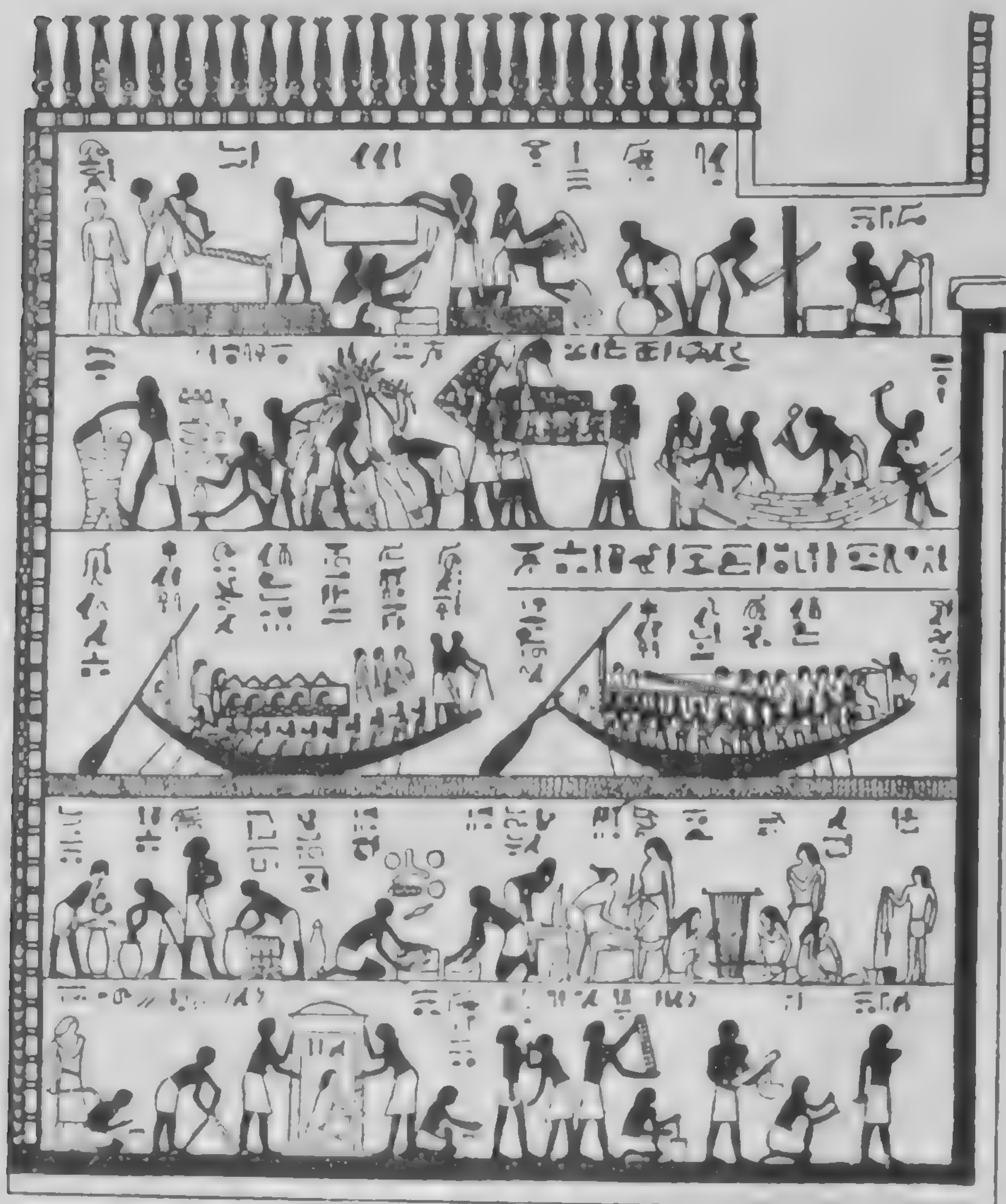
Сменяя друг друга, проходит целый калейдоскоп сцен земледельческого, военного, даже спортивного характера. Происходит сбор винограда, выделка вина и его разливка; пашется и засевается земля, пасутся обширные стада; переданы разнообразнейшие сцены охоты за гиенами, леопардами, антилопами и различными птицами.

Сцены военных сражений перемежаются упражнениями в беге, в борьбе; прекрасно изображена игра в мяч. Люди занимаются гимнастикой, борются, играют в шашки. Певцы поют под аккомпанемент арф и флейт; важные жирные надсмотрщики наблюдают за работами прядильщиков, гончаров и других ремесленников; каких-то провинившихся наказывают палками.

В гробнице князя Хнум-Хотепа, жившего при XII династии, процессия людей семитического племени приносит дары; снаряжаются в путь корабли с вздутыми от ветра парусами; с деревьев собирают обильно покрывающие их плоды.

Пышная автобиография восхваляет жизнь и заслуги сановника и отдает честь доблестям его отца; начертанная гиероглифами, надпись эта тянется многочисленными столбцами по нижней части стен, усеянных бесчисленными фигурами, будто вырезанными из кинематографической ленты.

Конечно, обычная условность наложила печать на эти рисунки, но все же очень часто, особенно в изоб-

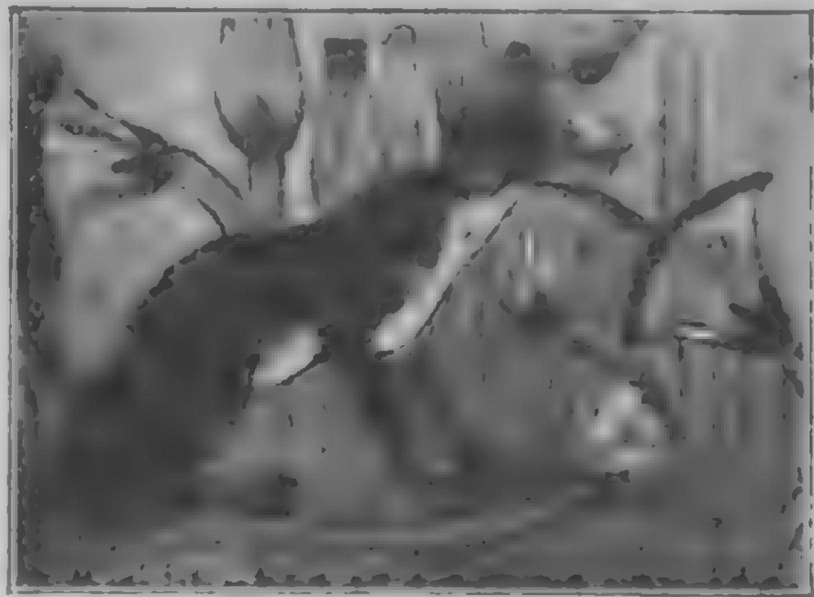

Стенная роспись гробницы Хнум-Хотепа.

ражении второстепенных лиц, где всегда допускалась бо́льшая свобода, встречаются такие восхитительные,

такие правдивые и искренние сцены, что им мог бы позавидовать современный художник.

Фигуры изображены здесь с глубоким реализмом. Наряду с канонически условными и неподвижными фигурами, с головой, поставленной в профиль, с широко развернутыми плечами, данными en face, и изображенными в профиль ногами, встречаются правильные ракурсы и натуралистическая трактовка тела; художник тонко подметил и передал здесь даже изменения линий и очертаний сокращенных или вытянувшихся мышц, зависящих от движения тела.

Кошка (из Бени-Гассанских фресок)

Особенно хороши всевозможные батальные сцены. Талантливо скомпанованные, полные напряженной жизни, они увлекают, захватывают; а сцены военных и гимнастических упражнений переданы с такой фотографической точностью, что по ним легко можно установить все правила египетской борьбы и системы упражнений, развивающих тело.

Есть много сцен, касающихся животных. Египетский художник вообще любил их изображать, и, кажется, никто никогда не передавал их с большей правдивостью и жизненностью, чем эти Бени-Гассанские мастера.

Чтобы достигнуть такой художественной тонкости, такого искусства и легкости, надо было много наблюдать живую природу, живых людей. Для того же,

чтобы придать более чем ста двадцати группам разнообразие и индивидуальную физиономию, художник должен был обладать совершенно исключительным мастерством, вкусом и богатством воображения.

Помимо чисто художественного интереса, изображения гробниц дают богатейший материал для суждения о всей широте жизни и быта великого древнего государства.

Здесь, так же как и везде, наблюдаем мы в высокой степени неравномерное распределение жизненных благ. Рядом с утопающим в сказочной роскоши царским двором и блестящей жизнью аристократии — духовных и светских сановников — средние классы ведут обеспеченное, но скромное существование. Рядовое офицерство, чиновничество, мало развитый еще торгово-промышленный класс несут значительные тягости в пользу государства. Значительно лучше положение жрецов: они не оказывают еще решающего влияния на ход государственной жизни, но они освобождены от той закабаленности государству, которая связала каждого гражданина Египта, каждого верноподданного фараона.

Положение людей низших классов было, несомненно, очень тяжелым. Получаемое ими вознаграждение оказывалось ничтожным; работы, производившиеся под наблюдением надсмотрщиков, были нередко непосильными.

Яркое описание печальной жизни этого люда находим мы в некоторых, сохранившихся от эпохи текстах; изображения, взятые со стен гробниц, могут служить правдивыми иллюстрациями к этому рассказу.

„... Работник на полях проводит всю свою жизнь среди животных; он надрывается над виноградником и

над свиньями; он чувствует тяжесть своих одежд; оправа его инструментов ломается. Если он на свежем воздухе, он страдает; когда же возвращается к своему очагу, он чувствует себя здоровым. У него на ногах путы; если же он по собственной воле от них освободится, переступив порог своего дома, то его выгоняют...

Ремесленники (рельеф из одной фиванской гробницы

... Одежда его служит ему вечно. Когда он возвышает свой голос, то он звучит так же грубо, как у хриплой птицы...

Его руки иссушены ветрами. Если ему приходится отдохнуть, — он отдыхает на затопленных землях...

А работающие над металлами — разве у них больше отдыха, чем у земледельца? Дерево — их нива, металл — их орудия. Ночью, когда предполагается, что они свободны, они все еще работают, несмотря на то, что

рукам их пришлось уже так много делать в течение дня. Даже ночью они бодрствуют при свете факела...

... Я видел кузнеца за работой перед жерлом печи. Его пальцы шероховаты, как вещи из крокодиловой кожи, и пахнет от него хуже, чем от рыбьей икры...

Цирюльник бреет до ночи; только за едой он может отдохнуть, облокотившись на стол. Он бегает из дома в дом в поисках работы. Он утомляет свои руки, чтобы наполнить желудок, подобно пчелам, поедающим продукты своих трудов.

Перевозчик спускается вниз до Нафо, чтобы заработать что-либо. Оканчивая одну работу за другой, настреляв гусей и фламинго, утомившись до последней степени, не успеет он притти в свой сад, в свой дом, как должен снова уходить...

Каменщик ищет работы над различными твердыми камнями. Когда он оканчивает ее, руки его утомлены; он отдыхает; так как ему приходится работать, сидя на корточках, с самого рассвета, спина его и колени разбиты... Я тебе скажу словами самого каменщика, что болезнь подтачивает его, потому что его обдувает ветер в то время, когда при трудных строительных работах он высоко привязан к лотосообразным капителям зданий, чтобы доставать до их вершины. Руки его портятся от работ, его одежда в беспорядке; он сам гложет себя; его пальцы — это его хлеб; он моется только раз в сутки. Он должен унижаться, чтобы понравиться; он подобен пешке, переходящей с одного квадрата шахматной доски на другую на пространстве 6—10 локтей. Эта пешка, медленно передвигающаяся с балки на балку по лесам, прикрепленным к лотосообразным капителям домов, исполняет там все необхо-

димые работы. Когда у него есть хлеб, он возвращается домой и бьет своих детей...

Ткач, работающий дома, несчастнее женщины. Его колена всегда находятся на высоте его сердца. Он не дышит чистым воздухом. Если хоть один день он не изготовит положенного количества ткани, его привяжут как лотос на болоте. Только подкупив привратников подачками в виде кусков хлеба, он может повидать дневной свет...

Гонец, посылаемый в чужие страны, спешит завещать свое имущество детям, опасаясь диких зверей и азиатов. Что же ждет его по возвращении в Египет? Не успеет он приехать в свой сад, к себе домой, как снова надо отправляться в путь. Уезжая, он чувствует весь гнет нищеты, он радуется, если ему можно остаться...

Пальцы красильщика издают зловоние, как тухлая рыба, глаза смыкаются от усталости, но рука не перестает работать. Все время его проходит за кройкой лоскутов. Вид одежды внушает ему отвращение... Сапожник очень несчастлив: он вечно бедствует. Здоровье его — это здоровье дохлой рыбы. Он грызет кожу, чтобы утолить голод [55а].

Такова картина жизни рабочих во времена XII династии. Конечно, она ужасна. Кажется даже удивительным, что на долю свободных граждан выпадает такая тяжелая участь. Каково же было тогда положение рабов?

Но, вероятно, краски сильно сгущены и автор цитаты в значительной степени пристрастен. Это — ученый писец, который составляет поучение сыну, желая побудить его заниматься наукой и вселить в него отвращение к ручному труду; он изображает его поэтому

в особенно мрачных тонах. Если однако преувеличение здесь несомненно, то все же в основном описание близко к действительности.

Из рассказов более поздних эпох мы знаем, что заработная плата, вообще говоря, была низка. Значительная доля ее выдавалась ежемесячно в виде зерна или уже испеченного хлеба. Нередко, может быть, и вследствие простой нерасчетливости рабочих, случалось, что выданного „прожиточного минимума" нехватало и люди начинали голодать. После первых жалоб, когда терпение истощалось, возникали забастовки, работы приостанавливались, мастерские закрывались, и толпы бастующих собирались на площадях около памятников или, как это бывало неоднократно, в храме Сети I, у входа в храм Тутмеса III и т. д.

Когда попытки убедить забастовщиков оказывались бесполезными и главные мастера теряли всякий авторитет, являлась полиция, а в случае, если волнение принимало угрожающий характер, вызывались и жандармы — Мазиу; они должны были поддерживать порядок и следить за тем, чтобы возбуждение не переходило границ.

Наконец представители власти являлись и вступали в переговоры с рабочими. Обычно находили нужным считать их требования справедливыми, бастующих удовлетворяли, и работы возобновлялись. Но иногда случалось, что возбужденные толпы взламывали двери государственных хлебных магазинов, и случаи разграбления их, вероятно, были нередки.

Но чаще стачечники делали мирные попытки. Они избирали из своей среды делегацию и отправляли ее к представителям власти, чтобы сказать:

„Нам не во что одеться, у нас нет ни масла, ни рыбы, ни овощей. Мы пришли понуждаемые голодом, понуждаемые жаждой. Пошлите к фараону — жизнь, здоровье, сила [56] нашему государю — пошлите к царю, нашему повелителю, чтобы нам дали средства к существованию".

Настойчивость забастовавших приобретала все более агрессивный характер, криками и угрозами они поддерживали свои требования и проявляли большую солидарность, не выдавая из своей среды ни зачинщиков, ни особенно рьяных ораторов.

Они выдвигали решительные условия.

„Мы сказали: пусть дадут нам хлеба в добавок к тому, что нам назначено. Если нет, мы не двинемся отсюда".

Жестокие репрессии по отношению к стачечникам, повидимому, применялись лишь в самых редких случаях. На первое время выдавалось некоторое количество продовольствия, а затем все дело передавалось в суд, который его разбирал и рассматривал притязания рабочих.

„... И вот в последний день месяца мы предстали перед лицом суда, и начальство сказало: „Позвать писца-счетовода Хамоиса". Он был приведен перед лицо высших городских властей, и ему сказали: „Возьми зерно, которое дается тебе, и дай его жителям некрополя". И позвали Пантуибоиса и давали нам ежедневно дополнительную порцию... [57]"

В период расцвета завоевательной деятельности фараонов захваченные военнопленные- сирийцы, негры, ливийцы и другие во множестве приводились в страну в качестве рабов. В последующие периоды, когда походы стали редкими и приток доставляемых ими рабов

прекратился, их начали привозить торговцы, и численность рабского населения в Египте было всегда весьма высокой.

Все эти иноземцы так или иначе смешивались с населением, и потомство их через два—три поколения делалось свободным, составляя промежуточный класс между рабами и полноправными гражданами. Именно из их среды и вербовались многочисленные армии строителей и рабочих производств, казавшихся особенно неприятными чистокровным египтянам; из их числа выходили также бальзамировщики и всякого рода ремесленники занятие которых было связано с культом умерших. Большинство их жило на левом берегу Нила около некрополя. Другие работали на корабельных верфях, в каменоломнях, на грандиозных постройках, требовавших огромного количества рабочих рук. Многие из них считались совершенно свободными, другие составляли собственность царя или находились в ведении верховного жреца и отдельных храмов, где они занимали должности низших служителей.

Жестокая нужда бросала многих полусвободных бедняков на путь преступления, и, вероятно, именно из их среды, где не могло установиться твердых египетских моральных традиций, хотя бы уже в силу расовой пестроты этого класса, выходили те многочисленные осквернители могил, перед которыми оказывались беспомощными все ухищрения архитекторов гробниц, полицейская охрана и жестокость судебных репрессий.

Так эти полурабы мстили Египту. Они поражали его в самых священных его представлениях и, разграб-

ляя усыпальницы, не довольствовались расхищением сокровищ. Они разбивали мумии, срывали с них пелены и таким образом совершали самое ужасное из всего, что можно было сделать для египтянина — лишали его вечной жизни. Впрочем, не они одни занимались разграблением гробниц, и не только на них следует обрушивать негодование, невольно возникающее у каждого археолога, когда оказывается, что не он первый явился нарушить покой древней могилы.

Царские гробницы, и некрополи вообще, охранялись вооруженной стражей; но время шло, династии сменялись, охрана старых погребений ослабевала, и они подвергались расхищению. Иногда случалось также и так, что отдельные чины охраны входили в соглашение с грабителями и помогали им в их работе.

Естественно, должна была таким образом возникнуть мысль, что только скрытое, потайное место погребения может обеспечить мумии вечную неприкосновенность.

Первый опыт такой тайной гробницы был в полной мере осуществлен Тутмесом I, приказавшим соорудить себе усыпальницу в глубине „Долины царских гробниц" так, чтобы этого „никто не видел и никто не слышал", — рассказывает нам посмертная биография строителя этой усыпальницы — архитектора Инени.

Тип таких царских гробниц понравился и применялся некоторое время, хотя опыт Тутмеса и не был особенно удачен: мумия его была перенесена в силу каких-то причин сначала в могилу его дочери Хатшепсут, а затем вместе с другими мумиями царей — в тайник скал Дейр-эль-Бахри.

От времени царствования Рамсеса IX до нас дошел ряд папирусов, содержащих отчеты и судебные акты,

относящиеся к разграблению гробниц. Особенно интересен документ по делу, начатому Песером, начальником восточной половины Фив.

Этот сановник донес о планомерных хищениях, совершавшихся в Фиванском некрополе. По подсчету Песера разграблено таким образом десять царских гробниц, четыре гробницы жриц Амона и множество частных погребений. Проверка данных донесения установила, что частные погребения разграблены все, жреческих только два, а из царских одно разграблено, а другое повреждено.

Начальник западной половины Фив Певеро, на обязанности которого лежала охрана некрополя, имел благодаря этому основание обвинить своего коллегу в клевете и, воспользовавшись неосторожными действиями Песера, привлек его к суду наместника. В результате Песер был признан виновным в клевете, превышении власти и предательстве [58].

Не значит ли это, что и начальник охраны некрополя и даже сам наместник были заинтересованы в сокрытии произведенных расхищений? По крайней мере от несколько более позднего времени мы имеем указание на разграбление гробниц, помещенных в списке Песера, хотя комиссия, назначенная наместником и производившая осмотр гробниц, признала их нетронутыми.

Из этих же материалов мы располагаем рядом судебных протоколов и актов следствия над осквернителями могил. Вот, например, одно из дел: обвиняемых пятеро. Их социальное положение: каменщик, художественный ремесленник, крестьянин, водонос и невольник-негр. Подвергнутые пытке, они признались во всем. Рассказали, как пробили в скале проход, про-

никли в погребальные покои и нашли царские саркофаги.

„... Мы открыли, — показывают преступники, — гробы и покровы, в которых они лежали; мы нашли священную мумию этого царя... На его шее было много амулетов и украшений. Его голова была покрыта золотой маской; священная мумия этого царя вся была покрыта золотом. Ее покровы были внутри и снаружи вызолочены и высеребрены, украшены драгоценными камнями. Мы сняли золото, которое нашли на священной мумии этого бога, и амулеты, и драгоценности, бывшие на его шее, и покровы, в которых она покоилась.

Также мы нашли супругу царя и все, что мы нашли на ней, мы сняли. Мы сожгли покровы. Мы унесли найденную подле них утварь, среди которой были сосуды из золота, серебра и бронзы. Мы поделились и разделили на восемь частей золото, которое нашли на мумиях этих обоих богов, и амулеты, драгоценности и покровы [59]...“

Нет сомнения, что в смутные годы ослабления и падения государственной власти разграбление гробниц проводились в еще более широком масштабе, и в предвидении этого мумии извлекались жрецами из их усыпальниц и тайно переносились в лучше защищенные и лучше замаскированные места. Однако и там покой их нередко нарушался.

Разорение гробниц продолжалось и в средние века и в более новые эпохи, не прекращаясь до наших дней. Торговля древностями одно время составляла прибыльное занятие для местного населения. Европейским путешественникам, ученым, еще чаще туристам и просто любопытным продавали мумии, амулеты, укра-

шения, священных скарабеев, статуи и статуэтки, древнее оружие и сосуды.

Позже, когда контроль и охрана древностей стали строже, а случайные находки сделались редкими, население помимо торговли древностями изобрело еще особый род промышленности: начали изготовлять подделки под старину, ловко высекая из камня подобия древних статуэток и рельефов, фабрикуя поддельные древние бусы и ожерелья, препарированные на солнце мумии кошек и коршунов. Все это находит сбыт среди праздной европейской публики, посещающей Египет, и украшает собой коллекции вернувшихся домой туристов.

Глава VI

ТЕЛЬ-ЭЛЬ-АМАРНА

По широкой пустынной равнине окруженной уходящими в даль холмами, дорога круто поднимается вверх, врезается в широкие засеянные хлебом поля, тянется мимо глубоких траншей, проложенных во время раскопок, между грудами кирпича, развалинами стен и фундаментов.

В начале прошлого столетия руины Амарны еще были в довольно хорошей сохранности. Оставались части дворцов и домов, видно было направление улиц. Но затем феллахи растащили все, что было возможно, вывезли камень и стерли с лица земли остатки города [60].

Заканчивая свою разрушительную работу, они доламывали части здания, которое, как оказалось впоследствии, было дворцом Эхнатона; здесь среди накопив-

шегося тысячелетиями мусора им удалось наткнуться на великолепные кирпичи, частью обожженные, частью из сырой глины, четырехугольные, изготовленные из необыкновенно мелкозернистого материала черного, желтого и красного цвета. Они были покрыты разделенными на строчки знаками, и феллахи, поняв, что кирпичи представляют собою что-то особенное, начали рыть ямы в надежде обнаружить спрятанный здесь клад. Сокровище найти не удалось, зато наткнулись на два тайника, полные кирпичей в роде найденных раньше.

Иностранцы охотно покупают всякого рода древние вещи, особенно если они покрыты резьбой или надписями; поэтому крестьяне отвезли кирпичи частью в Луксор, частью в Каир и продали их там местным торговцам.

Египтологи лишь случайно узнали о находке. Удалось приобрести часть найденных кирпичей, вызвавших величайшее изумление среди ученых, так как это были таблицы, покрытые клинообразными вавилонскими надписями, до того не попадавшимися в Египте.

И вот в Тель-эль-Амарне начались раскопки, давшие интереснейшие открытия.

Теперь деревянное сооружение в роде большого сарая покрывает остатки дворца, который был когда-то центром пышной столицы, возникшей по воле Аменхотепа IV Эхнатона. Дворец этот славился своим великолепием; к несчастью, от него остались лишь развалины четырех комнат, местами еще покрытых цветной росписью.

Все это было разрушено самими египтянами после того, как преемники Аменхотепа вернулись в лоно

старой религии и, примирившись с Амоном, переселились в прежнюю столицу. Реакция жестоко отомстила царю-реформатору: она прокляла его память, уничтожила все, что было создано им, стерла с памятников его имена, даже пожелала уничтожить его мумию. Скоро и фараон-еретик и упраздненная столица его были забыты, сделались „как бы не бывшими". Так прошли тысячелетия, пока археологическая наука не воскресила опять этого интереснейшего периода египетской истории.

Начав борьбу против всемогущего фиванского жречества и поддерживаемой им религиозной системы, Аменхотеп (см. исторический очерк, стр. 25—28) нашел себе опору в социальных кругах, конкурировавших с влиянием этой церковной организации.

Жречество провинциальное, служившее своим местным богам, подавленным властью фиванского Амона, вероятно, оставалось нейтральным в начавшейся борьбе. Оно почти ничего не теряло в связи с реформой, а священные коллегии отдельных городов, поклонявшихся преимущественно солнечному богу (Гелиополис, Абусир, отчасти Мемфис), даже могли быть привлечены Эхнатоном к служению новому божеству; вместе с ними перешли и провинциальные художественные школы.

Упразднение культа Амона и секуляризация его богатств передавали в руки фараона колоссальные средства — ведь этот бог имел больше 82000 крепостных, 400000 голов скота, 65 городов, 4333 сада, 800000 агуров земли (2393 километра), 84 корабля и неисчислимое количество золота, серебра и меди [61].

С этими фондами можно было приступить к сооружению новой столицы.

Постройка Ахет-Атона (современная Тель-эль-Амарна) в 450 километрах к северу от Фив и перенесение туда царской резиденции знаменуют собой окончательный и полный разрыв со всеми фиванскими традициями, в том числе и отказ от установленного классического искусства, еще чувствовавшегося в некоторых статуях и рельефах первого пятилетия царствования Эхнатона.

Луврский бюст Эхнатона.

Руководимые вкусами и желаниями Ахет-Атонского повелителя, новые художники, во главе которых стояли Бек, Юти и Тутмес, устремляются к самому крайнему реализму, к самой крайней правдивости творчества. Сам царь, прежде изображавшийся величественным, бесконечно высоко стоящим над толпой, совершенно чуждым человеческим стремлениям и слабостям, теперь делается прежде всего человеком, и его охотно изображают в кругу семьи, обнимающим свою любимую жену или ласкающим дочерей.

Портреты Эхнатона без всякой идеализации передают его узкую впалую грудь, толстый живот и покрытые жиром бедра; мало того, эти уродливые, даже патологические черты намеренно подчеркиваются, и фигура, с ее большой головой на тонкой шее, с тон-

кими слабыми руками и ногами иногда производит почти отталкивающее впечатление. С таким же реализмом, вероятно, очень точно передавая черты оригинала, изображается продолговатое лицо Эхнатона с вытянутым подбородком, прямым носом с характерными ноздрями, оттененным складками ртом и глазами немного косыми, узкими, усталыми — глазами философа и мечтателя.

Когда в 1912 году Людвиг Борхардт производил раскопки в Эль-Амарне, ему удалось на так называемой „Улице верховного жреца" найти остатки нескольких хорошо сохранившихся зданий. Расположенные вокруг смежных дворов, они, как это оказалось, служили жильем и мастерскими замечательного художника Амарны — Тутмеса. Кроме дома самого мастера, находилось здесь отдельное помещение его помощника и маленькие комнаты для учеников и рабочих.

Здания сохранились настолько хорошо, что можно было легко определить, где находились спальня, столовая, рабочие помещения. Уцелели остатки древнего инвентаря и различные материалы для работы — модели из гипса и камня, куски краски, палитры, долота и буравы.

„Верховный скульптор Тутмес" (его имя и титул мы знаем из надписи, сохранившейся на сломанном футляре из слоновой кости) вместе со своими учениками и мастерами, вероятно, вынужден был бросить свое жилище и бежать, когда Тутанхамон, новый властитель Египта, вернулся в Фивы и, отказавшись от религии и реформы Эхнатона, разрешил фиванским жрецам начать преследование сторонников бога Атона. Бегство было поспешно; мастера не успели захватить с собой

даже свои инструменты; имущество же их, оставшееся в доме, было затем расхищено; то, что удалось обнаружить археологам—вещи, не представлявшие никакой ценности для грабителей.

Исследование мастерской Тутмеса дало драгоценные материалы для суждения о способах и методах работы этого замечательного скульптора. Здесь в формовочной мастерской с отдельных статуй и живых людей снимали гипсовые маски и делали слепки; они тщательно отделывались затем и являлись прекрасными моделями для самых различных работ. В следующей мастерской изготовлялись каменные копии и отдельные части — головы, руки и ноги для заказанных статуи.

Тутмес охотно исполнял работы из разноцветного камня; он высекал одежду из белого алебастра, тело из красноватого песчаника, локоны—из черного гранита.

Под наблюдением и руководством „верховного мастера“ работали его ученики; исправления и мазки, положенные им на статуях, исполненных его помощниками, прекрасно сохранились до наших дней.

К несчастью, большинство материалов из мастерской этого амарнского художника дошло до нас лишь в обломках; уцелела только статуя царицы, которую не отправили заказчикам, так как уже по окончании обработки она была случайно повреждена: неудачный удар разбил камень ниже колен, и произведение оказалось испорченным.

Изучение художественной манеры Тутмеса дает возможность полагать, что именно его работе принадлежат замечательный луврский бюст Эхнатона из известняка и некоторые другие произведения, особенно пле-

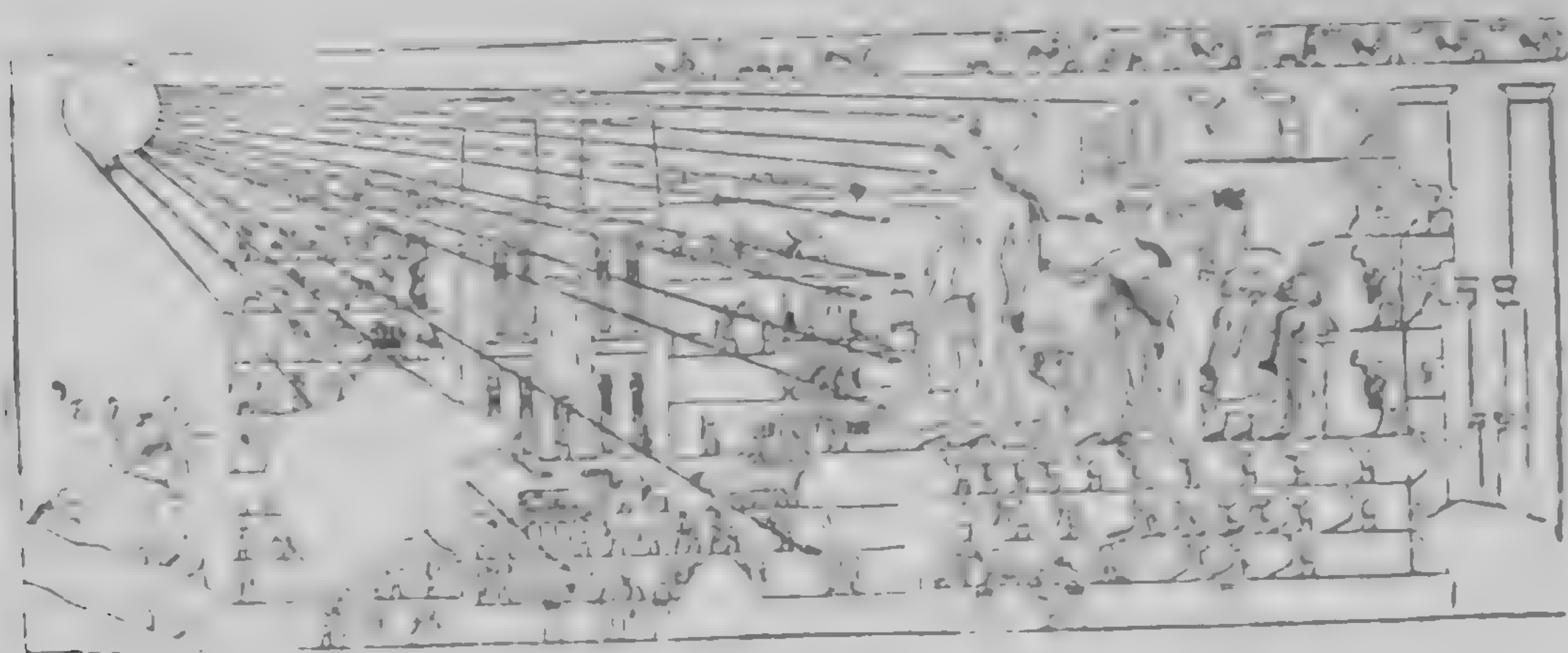
няющие нас своей глубокой одухотворенностью, тонкостью и благородством [62].

Отпечаток той же правдивости и искренности лежит на всех вообще произведениях эпохи. Но к несчастью, всякое доведенное до конца увлечение неизменно приводит к крайностям; так и здесь отказ от идеализации часто начинает приобретать характер намеренного выискивания и подчеркивания некрасивых особенностей того или иного лица, благодаря чему портрет порой переходит в шарж. Никогда, однако, египетское искусство не достигало такой глубины и теплоты чувства, такой непосредственной искренности и яркости, как в эту эпоху.

Несравненны изображения животных и птиц; глубоко жизненны рельефы, изображающие картины народной жизни и племена, чуждые Египту. Замечательны групповые сцены; выражения лиц разнообразны и индивидуальны; фигуры различны по своей внешности, позам и движениям; в них много правдивости и искренности. Красота линий, движение в спокойствии, внутренний ритм являются проблемами, привлекающими внимание амарнского художника, и нередко он удачно разрешает их, проявляя тонкий вкус и в композиции, и в выборе момента, и в смелой четкости рисунка [63].

Пышно развивается орнаментальное искусство. Стены, полы и потолки комнат покрываются пестрой росписью в виде стилизованного плюща, лотоса, папируса, винограда, изящно завивающихся спиралей. Развертываются целые ландшафты, пленяющие своим богатством, прелестью красок и тонкостью исполнения. Сохранившаяся, правда, очень плохо, только в фрагментах, роспись пола дворца в Тель-эль-Амарне может служить тому ярким примером.

Здесь изображен пруд, полный плещущейся в его водах рыбы. На низких, покрытых густой зарослью болотистых берегах пасутся или резвятся в быстром беге быки, и птицы вылетают из зелени навстречу восходящему солнцу. Колонны, поднимавшиеся с этого росписного фона, изображали пальмы, а великолепно изукрашенные стены и потолок довершали впечатление.

Культ Атона.

Все это является иллюстрацией к процветавшему здесь культу Атона — солнечного диска, оплодотворяющей силы природы.

Посвященные ему гимны — это воспевание радости бытия, радости пробужденного солнечными лучами человека, приветствующего природу.

„... Прекрасен восход твой, о, Атон живущий, владыка веков. Лучезарен, прекрасен, могуч, ты, велика и возвышенна любовь твоя; лучи твои озаряют все человечество. Сияешь ты, чтобы оживить сердца, наполняешь обе земли твоею любовью... Когда ты светишь, они видят благодаря тебе. Ты озаряешь всю

землю. Ликуют все сердца при виде тебя, когда ты восходишь, как владыка их...

... Но когда заходишь ты на западном горизонте неба, они лежат наподобие мертвых. Закутаны головы их, пока ты не засветишь утром на восточном горизонте неба. Тогда и они простирают руки свои, величая твой дух. Жизнь сердцам подаешь ты красотою твоею, которая есть жизнь...[64]"

Кирпичи с вавилонскими надписями, когда-то обнаруженные феллахами и случайно попавшие в руки ученых, были отправлены для ознакомления самым крупным европейским ассирологам; но нахождение этих документов в Египте казалось настолько невероятным, что специалисты признали таблицы подложными. Однако количество найденных кирпичей было настолько велико, что мысль о подделке скоро пришлось оставить; кирпичи, поступившие в различные музеи, начали исследоваться более беспристрастно. Наконец установили, что таблицы составляют древнейший в мире дипломатический архив и являются документами переписки фараонов с царями соседних государств и вассальными князьями.

Значительная часть кирпичей однако уже исчезла и была потеряна для науки благодаря пренебрежительному отношению, первоначально проявленному к ним учеными специалистами. Оставшиеся документы, числом около 300, были скуплены, их тексты начали переводить, снабжать комментариями и издавать.

Оказалось, что все материалы архива были распределены по сериям. Среди них было шесть писем вавилонского царя, девять — царя Алязии, четыре — царя

Митанни. Имеются различного рода донесения наместников отдельных областей, князей и других лиц. Египетская пометка на одной из таблиц указывает, что архив хранился раньше в Фивах и был затем перенесен в Ахет-Атон после переезда туда Эхнатона.

Ссылки на документы, хранящиеся в архиве фараона, позволяют судить о большом порядке в ведении канцелярских и архивных дел. Всем этим ведал специальный штат чиновников; среди них, как мы это знаем из надписей, имелся и один вавилонянин; помощь его была, вероятно, полезна при составлении писем на вавилонском языке, который признавался дипломатическим и международным. Распространенность этого языка может быть объяснена удобством и легкостью начертания клинообразных вавилонских знаков; именно благодаря этому, вероятно, завоевал он себе широкое распространение почти во всей западной Азии.

В аристократических и официальных кругах вавилонский язык входил в моду и приобретал распространение подобное тому, которое в XVIII веке имел в Европе французский язык. Не только дипломатическая переписка, но иногда и донесения губернаторов и даже частные письма писались клинообразными знаками [68]. Чиновники министерства иностранных дел египетского двора были хорошо знакомы с вавилонским языком, однако им приходилось иногда прибегать и к помощи словаря; фрагменты его обнаружены в архиве.

Переписка позволяет судить о международном положении эпохи [69], о выдающейся роли Египта и его политике по отношению к подчиненным народам.

Повидимому, они пользовались значительной свободой; в сирийских провинциях, например, не считалось

необходимым держать постоянную военную силу и поручать дела управления своим ставленникам. В других городах (в Тире, Сидоне, Библосе, Иерусалиме и проч.) имеются царские наместники; однако и они, повидимому, туземцы и происходят из местных властительных родов.

Кое-где, например, в Араде, Тунипе, Иргете, установлено республиканское правление, и советы этих городов сносятся от их имени с фараоном.

Эта свобода не позволяет однако местным правителям забывать величие и могущество египетского царя, и они в самых изысканных выражениях изъявляют ему свою преданность и покорность [67]:

„... Царю, моему владыке, моему богу, моему солнцу, царю-владыке моему сказано следующее: „Я, хазану (наместник, правитель города), твой слуга, прах ног твоих и земля, которую ты попираешь, доска твоего сидения, скамейка для ног твоих, копыта коней твоих. Я семикратно припадаю животом и спиной своей к пыли у ног царя, моего владыки, солнца небес... Я — слуга царя, домашний пес его; я стерегу всю страну для царя, моего владыки [68]".

Обычные донесения довольно шаблонны. Таковы, например, сообщения из Сидона:

„Царь, мой владыка извещается, что город Сидон, раб, доверенный мне, спокоен. Когда я узнал приказ, посланный мне царем, моим владыкой, сердце мое преисполнилось радости; я поднял голову, лицо и глаза мои просияли, когда я исполнил приказ моего владыки... Вот: твой слуга посылает тебе сто быков и рабынь. К сведению царя, моего владыки, солнца небес" [69].

Иногда доносят о следовании царского посла, военного отряда или каравана, которому оказывается содействие в подчиненных областях: „Царь, мой владыка, солнце небес, направил ко мне посланника; вот я выслушал приказ царя с величайшим вниманием... Со своими отрядами и повозками, с братьями и воинами мы отправились навстречу отрядам... к месту, указанному мне царем“. При передвижениях правительственных войск высылаются „скот и запасы масла навстречу великому войску царя“ или возбуждаются ходатайства об освобождении от этой повинности: „Пусть царь, мой владыка, пошлет за маслом; у меня нет ни коней, ни повозок, чтобы отправиться к царю, а сына своего я послал в страну царя, моего владыки“ [70].

К фараону обращаются обычно за окончательным разрешением спорных вопросов или просят о помощи. Количество испрашиваемых солдат обыкновенно очень невелико. Несомненно, помощь их не могла бы сыграть решающую роль, но, вероятно, важно было их участие в качестве инструкторов и как представителей авторитета фараона [71].

Верховное наблюдение за ходом дел в провинциях, контроль и разрешение местных вопросов принадлежит сановникам египетского царя; под именем вестников, „ушей и очей“ фараона они направляют государственную жизнь вне пределов страны согласно традициям и принципам египетской политики.

Для того, чтобы поддерживать свое положение в завоеванных областях, руководителям иностранной политики Египта приходилось прежде всего заботиться о том, чтобы создать дружественную прослойку между своими сирийскими провинциями и воинственными пле-

менами Средней Азии, среди которых особенно опасными были хеты [72]. В то же время, стремясь удержать в своих руках все нити международной политики и мировую гегемонию, утвержденную силой оружия доблестных фараонов XVIII династии, египтяне поддерживали дружеские отношения не только с великими монархами Ассирии и Вавилона, но и с царями Митании, Алязии и другими. Путем дипломатических комбинаций они добивались нейтралитета этих держав, заключали с ними соглашения для изоляции той или другой страны и наконец образовывали военные союзы, нередко сопутствуемые финансовыми соглашениями. Придерживаясь правил международной вежливости, державы и их цари признают себя равными друг другу и ведут дипломатическую переписку в соответственно дружественном тоне:

„... Аменхотепу III, великому царю Египта, моему брату, моему зятю, которого я люблю, который меня любит, сказано: „Я, Душратта, великий царь страны Митании, твой брат, твой тесть, который любит тебя, я здоров и шлю тебе свои приветствия, тебе, моему брату и зятю, твоим родным, твоим женам, твоим сыновьям, твоим слугам...“

„... Царю Египта, брату моему, говорится: „Я, царь Алязии, твой брат, я здоров и посылаю горячие приветы тебе, твоим родным, твоим рабыням, твоим детям, твоим женам с искренним поздравлением по случаю многочисленности твоих колесниц и коней и с пожеланиями стране твоей—Египту...“

Вступление на престол нового государя вызывает обмен нотами, имеющими целью подтвердить, что его правительство признает ранее заключенные пакты и

договоры и будет продолжать дружественную политику своего предшественника.

„Теперь, о, государь, когда ты вступил на престол отца твоего, подобно тому, как мы находились в добром согласии друг с другом, отец твой и я, взаимно обмениваясь подарками, точно так же установим ты и я постоянную дружбу между собой. С таким же пожеланием я обратился к отцу твоему; прими его и осуществим его между собой [73]".

Если Сирия сама по себе, раздробленная и разделенная дипломатией фараонов, не могла больше представлять опасность для Египта, то все же оставался риск, что она может объединиться под протекторатом одной из великих держав; поэтому необходимо было предусмотреть подобные возможности, особенно со стороны Вавилона или Ниневии. Союзы с этими странами вполне гарантировали безопасность фараона и в то же время были интересны и для другой договаривающейся страны, так как египетская поддержка давала ей перевес над другими государствами Азии. Ловкая иностранная политика не меньше, чем сильное и хорошо обученное войско, поддерживала международную гегемонию Египта и придавала этому великому государству непоколебимую устойчивость.

Глава VII

СИУТ

В голове свинцовая тяжесть, все тело кажется вялым и слабым. Каждое движение, неосторожный поворот обостряют головную боль и вызывают чувство

тошноты. Глазные яблоки сделались сухими; кажется, что веки, закрываясь, царапают их. Движение утомляет, хочется лежать, но и тогда не оставляет чувство томительного жжения, какой-то иссушенности всего организма.

Воздух жаркий, душный; сдержанно напряженный ветер дует ровно, не прекращаясь и не усиливаясь. Вместо обычной прозрачности дня все окутано грозной серо-желтой дымкой, сухим и горячим туманом, смазывающим контуры предметов, придающим пейзажу необычайно расплывчатый, какой-то тревожный вид.

Это хамсин. Мельчайший песок, насыщающий воздух, проникает всюду — в волосы, в платье, в нос; все полно им; он незаметен, этот летящий в воздухе песок, но все кругом шуршит странным сдержанно мощным шелестом бесчисленного множества тонких твердых частиц, несущихся над землей. Это хамсин, который передвигает медленно, незаметно, с таким же жутким шелестящим шумом горы песка в Сахаре, насыпает новые, бесследно погребает захваченные им караваны и иссушает оазисы...

Центральным местом египетской мифологии является история борьбы между богами Осирисом и Сетом; один воплощает добро и цветущую Нильскую долину, другой — зло и пустыню. Конечная победа добра неизбежна, но временами злой Сет побеждает Осириса, как это было в тот раз, когда он убил доброго бога и на четырнадцать частей рассек его тело. Сет — это хамсин, наступающая и побеждающая пустыня. И, творя заклинания против всего самого страшного, против самого злого, египтяне не забывали никогда защищаться от дыхания Сета.

Оно смертоносно, это дыхание; люди подавлены, вялы, лишены энергии; у них красные глаза, как после бессонной ночи, и спутанные мысли идут медленно. Животные беспокойны и отворачиваются от пищи.

Под тонким сероватым слоем песка поля темнеют и теряют свою яркую зелень. Река не блестит; она стала мутной, шероховатой, как-будто ее поверхность покрылась бесчисленным множеством царапин; окутанная горячим туманом, она кажется грязно-желтой. Деревья шелестят мертвым металлическим шумом, и потемневшие листья, сухие и жесткие, коробятся, свертываются и засыхают.

Длинными языками, острыми желтыми мысами вытянулась пустыня на засеянные поля, как-будто выдвинула форты против атакуемого противника. Тонкий, нежный, мелкий песок летит над ними изящно змеящимися струйками, дымящимися волнами и быстро засыпает иссушенную зелень захваченных им полей; а ветер, упругий, горячий и ровный, не прекращается..

К счастью, хамсин не был очень продолжительным. Начавшийся ночью ветер к четырем часам дня уже стал слабеть, и к вечеру горячий туман медленно рассеялся. Утром опять был чистый и прозрачный воздух, и вчерашняя болезнь исчезла вместе с хамсином.

Но следы его остались везде — в потемневших полях, на деревьях, на крышах домов и даже в закрытых помещениях, потому что тонкий песок проникает и туда сквозь незаметные для глаз отверстия и щели.

Высоко вверх по скалам, четырьмя этажами, зияя своими черными входами, поднимаются гробницы Сиута[71].

Здесь почивали могущественные феодальные князья, владевшие номом с гербом, украшенным тамариском. В эпоху VIII — XII династий они играли значительную роль в истории Египта. Отстаивая свои права ленных владетелей, боролись они с самодержавной властью утвердившихся в Фивах фараонов и пытались сохранить свое влияние, поддерживая властителей Гераклеополиса, не желавших подчиниться новой столице.

Но историческое развитие уже отбрасывало и упраздняло старые феодальные формы; Сиут покорился, и потомки древних династий остались в нем на правах аристократов и губернаторов, назначенных царем.

Когда Египет перестал существовать и когда наступила христианская эпоха, старые княжеские гробницы были заброшены, разграблены, забыты. В III - IV веках нашей эры в них поселились монахи и погребальные покои обратили в свои кельи. Потом прошло полторы тысячи лет, и явились ученые, занявшиеся исследованием древних гробниц. И хотя были они уже давно разграблены, наука сумела восстановить их историю, так долго остававшуюся забытой...

Уже темнеет. После жары и утомительной работы (помимо научных наблюдений и записей приходилось ведь много лазить и карабкаться по камням) приятно в вечерней прохладе медленно ехать верхом на осле по темнеющей безлюдной дороге. Даже проводники-погонщики, так надоедающие постоянной шумливостью и бессмысленно торопливыми движениями, теперь поддались вечернему настроению и, может быть, усталости и идут молча.

Неприятная при быстром движении рысь осла сейчас не мешает; и хотя со стороны всегда странно

смотреть на человека, едущего верхом на осле —это довольно удобно. Лишь первое время кажется, что ноги почти достают до земли и что, если их вынуть из стремян, они будут тащиться по дороге; потом вырабатывается привычка сидеть с высоко поднятыми коленами, и самая езда кажется уже не менее удобной, чем езда на лошади.

Луна выплывает из-за горизонта, яркая, круглая; кажется, что она поднимается быстро, как воздушный шар, оторвавшийся от привязывавших его к земле канатов. Длинные сиреневые тени бегут от сикомор, ложатся за нами на дорогу, темнеют, становятся иссиня-черными, резкими и отчетливыми. Острый металлический звон и шум стрекочущих насекомых плывет с полей вместе с сладким запахом каких-то цветов. Прохладно, и только местами вдруг попадаешь в струю горячего воздуха, которым еще дышат не успевшие остыть камни.

Издалека, среди своих темных садов, сливаясь с ними, Сиут кажется небольшой кучкой редко разбросанных огоньков, таких слабых и тусклых при лунном свете, что они еле мерцают желтовато-красными точками.

Подъехав ближе, мы нашли однако настоящий город с обширными дворами и домами, сложенными из глиняных кирпичей. Дальше, в стороне от нас, остались большие ярко освещенные корпуса и высокие трубы какой-то европейски оборудованной фабрики...

Мимо мусульманского кладбища, залитого лунным светом, скучного и пустынного, уставленного белыми однообразными памятниками с небольшими полукруглыми куполами, мимо высоких белых стен въехали

мы в узенькие улицы города, кривые, неровные, засыпанные мусором.

Еще не поздно, но улицы почти совсем пустынны; где-то за домами раздаются одинокие шаги; людей не видно, но они явились сейчас же, как только неизвестно откуда взявшиеся собаки с неистовым лаем запрыгали по улице, яркими силуэтами появились на кирпичных заборах, на плоских крышах каменных зданий.

Они успокоились нескоро, но еще труднее было успокоить сбежавшихся граждан. Сначала они просили бакшиш, потом, получив его, сделались еще более настойчивыми; освободиться от них удалось лишь с помощью погонщиков наших ослов.

Снова мы двинулись вперед в прежнем порядке; но один из туземцев не хотел расстаться с нами; изъявляя свою ничем непреоборимую преданность, он примкнул к нашему шествию, жестикулируя, смешивая французские и английские слова с арабской речью и переругиваясь с погонщиками.

На узких и кривых улицах попадаются маленькие туземные магазины, где продаются глиняные кувшинчики с высоким горлышком и наивной пестрой раскраской, цветные туфли, странной формы жестяные лампы, плетеные цыновки и всякая другая мелочь.

Торговли уже нет, конечно, но товары можно видеть через небольшие оконца, вероятно, сделанные в уступку и подражание тем магазинам, на вывесках которых рядом с замысловатыми арабесками стоят написанные латинским шрифтом итальянские, греческие или еврейские фамилии.

За большим базаром с площадью, покрытой остывшей мягкой пылью, открывают свои ярко освещенные

двери питейные заведения — более высокого типа — с коктэйлем, брэнди и английским пивом — и попроще: греческие кофейни и кофейни туземные.

Мы заходим в одну из них, более яркую и пышно украшенную.

Небольшая комната с пыльными коврами и цыновками на полу затянута длинными синими облаками табачного дыма, плывущего к широкой арке двери. На полу, поджав по-восточному ноги, феллахи, копты в синих халатах или длинных черных сюртуках, закутанные в белые бурнусы арабы склоняются над наргилэ, выпускают облака голубоватого дыма, который хрипит и булькает, проходя через воду кальянов. На широком низеньком диване несколько музыкантов — странный оркестр из длинных остро звучащих дудок, барабанов и струнных инструментов с длинными грифами и широкими круглыми очертаниями дек; что-то в роде зурны и фантастических мандолин аккомпанирует певцам, импровизирующим какую-то песню с однообразной повторяющейся мелодией. Несколько закутанных в темные покрывала женщин группой сидят в полутемном углу молчаливо и неподвижно.

Лампы и подсвечники в роде канделябров пестрыми бликами бросают свои огоньки на подвески спускающихся с потолка хрустальных люстр; их никогда не зажигают, эти люстры, но они составляют гордость всякой кофейни, и их количество и роскошь прямо пропорциональны богатству и популярности владельца.

В кофейне удивительно тихо, и это кажется странным, потому что тут собралось много людей; но все они или сидят молчаливо, неподвижно, как-будто

думают над чем-то, или разговаривают только вполголоса, медлительно и важно.

Из уважения к почтенному собранию, должно быть, наши спутники-арабы вдруг потеряли свою экспансивность и сразу приобрели такой достойный вид и сдержанность, что их даже трудно узнать. Не спеша, полузакрыв глаза, вполголоса они комментируют окружающую обстановку и переводят слова песни.

Потом, когда нам подали в глиняных чашечках густой черный и сладкий кофе с обильной примесью медленно оседающей на дно тонко измолотой гущи, они благодарят и замолкают совсем, точно приступают к священнодействию...

По середине комнаты на широком ковре с сине-красными узорами танцовщица в пестрой цветной одежде с длинным, спускающимся спереди до полу шарфом, обмотанным вокруг талии; ожерелья украшают ее, на ногах и руках звенят браслеты; вдетые в уши длинные подвески спускаются до плеч. На золотисто-оливковом лице над громадными черными глазами, обведенными зеленой краской, тонкая синеватая татуировка разветвляется на лбу.

Прекратившаяся было музыка началась снова—тихая, с медленным, задержанным ритмом.

Вытягиваясь на неподвижных ногах, танцовщица задрожала, раскачиваясь медленными гибкими, змеиными движениями. Потом под оживающую музыку двинулась вперед, с медлительной осторожностью переставляя ноги, продолжая концентрировать мимику пляски в верхней половине тела. Она медленно поворачивалась, раскачивалась, изгибалась, незаметно ускоряя темп и как-будто вела музыку за собой.

Ткани и подвески замелькали, разлетаясь вокруг кружащейся фигуры с вытянутыми кверху, над откинутой головой руками.

Кофейня оставалась погруженной в тишину; ни один голос не примешивался к неистовому концерту оркестра, аккомпанировавшего звону цепочек и подвесок, украшавших танцовщицу.

Она округлила руки над головой, сделала несколько странных пируэтов и вдруг, оборвав темп, вытянулась и, продолжая дрожать, как в начале танца, запрокинулась, выгибаясь, упала на ковер и, опираясь только на пальцы рук и вытянутые ступни, поползла по полу.

Музыки уже не было.

Насколько велик был эффект пляски, можно судить по выражению лиц окружающих; но одобрения выражались негромко; сдержанность не покидала этих людей. Все было так мало похоже на Европу, все было далеко от распущенной вульгарности современного большого города.

Поздно ночью, когда мы возвращались к Нилу, к нашей дахабиэ, мы встретили на улице нескольких таких танцовщиц-гавази. Одна из них, нубианка, была украшена какими-то совсем экзотическими кольцами и цепочками на ногах. Другая, должно быть, египтянка с примесью арабской крови, в темной одежде и маленьких туфлях без задков, была очаровательна со своими обведенными зеленой краской влажными, сияющими глазами и изящной татуировкой на щеках. В ней было много тонкой, застенчивой грации, бессознательного женского такта и прелести, вероятно, унаследованной от отдаленных прабабушек, профили которых загадочно улыбаются нам с погребальных рельефов гробниц...

Глава VIII

АБИДОС

Бельяна.

Хорошенькое селение, окруженное пальмовой рощей, уходит в великолепные сады апельсинов, лимонов и померанцев. Дальше пышные зеленые поля; рощицы и темные кущи деревьев разнообразят светлый пейзаж.

Целые заросли лупинуса, усеянные бело-лиловыми цветами, мешают идти полем и заставляют вернуться на дорогу, по которой движутся на ослах и верблюдах феллахи, вежливо приветствующие встречных. На Западе на фоне Ливийской горной цепи становится видной Арабат-эль-Матфун — деревня, построенная на развалинах Абидоса [75].

Здесь, у места погребения Осириса [76], совершались некогда торжественные церемонии и празднества, на которые стекался весь Египет; в ущелье Ливийских гор находился около священного города бездонный провал; через него души умерших спускались в подземное царство. Быть погребенным рядом с гробницей Осириса было желанием многих, и со всей страны свозились в Абидос положенные в саркофаги набальзамированные трупы, хоронившиеся в подземельях святилища доброго бога.

Остатки обширного кладбища, где мастабы прижимались одна к другой и гробницы, теснясь, громоздились этажами друг над другом, образуют обширный холм обломков, щебня, песка — целая гора, изрытая и бесформенная, известная под именем Ком-эс-Султан. Теперь она разрыта, и кладбище в значительной части

расчищено. Среди погребальных руин гордые автобиографии рассказывают о военных подвигах и придворных успехах вельмож и цитируют царские рескрипты:

„Мое величество повелело... поставить... в Абидосе... памятник отцу моему Осирису Хентаменти, снабдить святое место золотом, доставленным моим величеством из Нубии победой и триумфом. Ты (рескрипт обращается к вельможе Ихернофрету) исполнишь это так хорошо, насколько возможно вообще что-либо сделать и угодить моему отцу Осирису. Ибо мое величество посылает тебя, будучи уверенным, что ты все сделаешь, чтобы угодить сердцу моего величества. Ты был приведен во время воспитания моего величества, как единственный питомец двора; тебя сделало мое величество „единственным семером", когда тебе было всего 26 лет. Это сделало мое величество, ибо я тебя видел как человека способного и разумного в речи от утробы. И вот теперь мое величество знает, что нет никого, кто бы это все исполнил, как ты. Итак, иди, поспеши и возвращайся, сделав все, согласно приказанию моего величества... [77]"

Среди общего разрушения сохранились два храма-мавзолея, отдельные кирпичные стены, но большая часть сооружений повреждена или все еще засыпана песком. Когда-то монументальные пилоны вели в обширный двор храма; теперь все это исчезло. Во втором дворе несколько сильно поврежденных колонн стоят перед гипостильным залом [78]; задняя стена его с семью широкими пролетами соединяется со вторым гипостилем - огромным, полным монументальных колонн, тяжелые капители которых, имеющие форму не распустившегося папируса, поддержи-

вают уцелевший местами массивный каменный потолок. На северной стене Сети I совершает жертвоприношение различным божествам; он же в обществе своего наследника Рамсеса II, еще мальчика со спускающимися на щеку волосами, заплетенными в „косу юности", поклоняется своим семидесяти пяти царственным предшественникам; имена их, заключенные в картуши, изображены перед ним в двух горизонтальных рядах. В этот список включены только цари-покровители Абидоса.

На противоположной стороне фараон пребывает подобным же образом перед списком ста тридцати имен богов. Длинная панель с изображением номов тянется вокруг зала. В глубине гипостиля, расположенные на более высоком уровне, открываются колонные нефы [79] семи посвященных различным богам храмов-капелл с особыми святилищами, где под куполообразными потолками хранились священные наосы.

Огромный придел примыкает к главному зданию храма; изображенный на его стенах список царей перед Сети — важный исторический материал для истории Египта. Дворы, капеллы, крытые переходы, разнообразные пристройки усложняют план здания, но они не разбивают цельности впечатления и только подчеркивают грандиозность храма.

Высеченные на стенах рельефы — образцы высоких художественных и технических достижений египетского искусства. Их раскраска поблекла или совсем исчезла, но они не проигрывают от этого; с поразительной уверенностью резца художник сочетает здесь мягкость очертаний и тонкое изящество в передаче движения. Строгость придворного стиля, не допускавшего ника-

ких отклонений в сторону реализма, не исключает здесь жизненности; художник сумел вложить ее в фигуры и в выражение лиц, гордых и несколько меланхоличных; таков сам Сети I, таковы боги, которым он поклоняется.

За время своего царствования Сети не успел закончить начатую им постройку Абидосского храма; ее завершил Рамсес II [80].

Эпоха этого фараона славится колоссальным строительством во всей стране. Рамсес поставил себе задачу на вечные времена запечатлеть в камне свои военные подвиги и славу своего царствования. Он мобилизовал все художественные силы страны, и наряду с крупными и талантливыми мастерами стали у него работать также и посредственности, полу-ремесленники, так как художников нехватало. Поэтому от его эпохи наряду с шедеврами искусства сохранились нам памятники малозначительные, грубоватые, сработанные по шаблону.

Однако немало есть и прекрасных образцов. Красиво и жизненно изображена победа в стране восставших; жрецы, воины, музыканты, азиаты, негры идут встречать жертвенных животных; в шествии участвует и запряженная великолепными конями царская колесница. Во всем чувствуются движение, жизненность и блеск. Только кое-где мелькает уже надуманная, изысканная изломанность линий и завитков, приводящая впоследствии к стилю, так напоминающему рококо, вышедшее из недр французского придворного искусства.

Еще в недавнее время история Египта начиналась для нас с IV династии, воздвигшей великие пирамиды

около 4000 лет до нашей эры. О более ранних временах имелись лишь самые недостоверные сведения; по данным Манефона известны были две первые династии из Тиниса (около Абидоса); знали также, что III династия, резидировавшая в Мемфисе, оставила нам пирамиды и некоторые другие памятники своего строительства. Но все это были сведения отрывочные, и нередко они носили настолько неопределенный характер, что их едва ли можно было считать действительно научными данными.

Манефон оставил нам о первых царях лишь самые легендарные рассказы, но все же он дал имена этих фараонов и распределил их по родам-династиям. Более полный список с указанием годов царствования каждого фараона был найден в знаменитом папирусе, известном под названием Туринского царского канона.

Документ этот, в настоящее время чрезвычайно поврежденный и сохранившийся лишь в отрывках, заключает в себе ценнейшие сведения, относящиеся к моменту основания египетской монархии и даже к временам додинастическим. Отголоски приводимых им преданий дает нам Диодор Сицилийский:

„.... Египетские жрецы, исчисляя времена, истекшие от царства Солнца до похода Александра, полагают около 23000 лет; они говорят — вероятно, это сказка — что из богов, царствовавших на земле, старейшие владели скипетром по двенадцати веков, а потомки их не менее, чем по триста лет... [81]“

Архивы времен правления этих царей-богов будто бы сохранялись египетскими жрецами. Из них они почерпнули данные о царствовании бога Ра, Шу и Сэба, его

сыновей, о борьбе Осириса с Сетом и о конечной победе Гора...

Конечно, все это не могло служить нам историческим материалом, но скоро удалось обнаружить более ценные документы в виде плиты царя Джосера, III династии, и глухой двери гробницы Сонду и Перабсена из II династии.

Это было пределом нашего проникновения в глубины времен египетского государства.

Вопрос о более древних эпохах выдвинулся лишь в средине прошлого столетия [12]; к разрешению же его было приступлено гораздо позже английским ученым Флиндерсом Петри [13]. После него в том же направлении стал работать и де-Морган, который изучил все относящиеся к вопросу материалы и доказал существование в Египте каменного века.

Дальнейшие исследования и раскопки 1897 года дали Моргану еще новые данные. Ему удалось открыть замечательную могилу более или менее обычного для Египта типа. Погребение это оказалось принадлежащим Менесу, первому царю I династии, объединившему под своей властью оба Египта и положившему начало исторической эпохе страны.

Могилы совершенно такого же типа, относившиеся к I и II династиям, Амелино открыл в Абидосе; вокруг этих гробниц располагалось кладбище с погребениями каменного века, значительно отличавшимися от тех, которые мы привыкли видеть в Египте. Эта разница в характере погребений побудила некоторых ученых предполагать, что мы имеем здесь дело с двумя различными народами; из них неолитический представляет туземцев, а другой — завоевателей.

В дальнейшем восторжествовало однако мнение, что никакого смешения завоевателей и туземцев здесь не было, что додинастические и династические египтяне составляют один народ; разница же в культуре объясняется тем, что обитавшие в Нижнем Египте племена развивались быстрее и далеко опередили своих южных соседей, которые были более затруднены географическими условиями страны [84].

Глава IX

ФИВЫ

Дахабиэ проплывает мимо Кеннэ, мимо деревни Кобт; по преданию, записанному Плутархом, это было место, где Исида впервые услыхала о гибели убитого Сетом Осириса. Дальше расположены уютная и красивая Нагадэ и наконец многочисленные деревни, возникшие на развалинах древних Фив [85].

Сжатая ограничивающими ее на горизонте горами, развертывается прорезанная рекой широкая зеленая долина, украшенная купами деревьев и пышными тенистыми садами, из зелени которых выступают белые очертания вилл. Медленно выплывая, показываются на восточном берегу грандиозные сооружения Карнака, развернувшиеся у подножья гор; на западном — Рамессеум, Мединет-Абу, Абд-эль-Гурнэ и вдалеке — сидящие рядом царские колоссы Аменхотепа III.

Луксор, большая деревня, выстроенная на руинах Фив, расположена на восточном берегу. Высоко выдаваясь над пристанью, выступает сооруженная здесь римлянами набережная и еще выше над ней развалины

Колоннада храма богини Хатор в Дендера.

храма, посвященного Фиванской триаде. Длинная колоннада разрушенного святилища являет собой вид базара: бесчисленные мелкие лавочки и лотки раскинулись возле нее; торговцы зазывают покупателей, с криком и гамом расхваливают свои товары. Тут же биржа ослиных погонщиков, неистово осаждающих всякого проезжего.

Дальше пестрые восточные кварталы, полные мусора, шума и суеты. Грязные полуголые дети купаются в пыли рядом с овцами и козами; женщины сидят или стоят у входов в дома; ремесленники, разложив на земле цыновки, шьют туфли, куют медные котлы, продают глиняную расписную посуду, пузатые узкогорлые графинчики, фрукты, овощи, поддельные древности.

Жалкие маленькие домики, по восточному обыкновению без окон, выходящих на улицу, перемежаются темными кривыми стенами оград, сложенных из не обожженного кирпича; белая арабская мечеть поднимает свой острый минарет над этой пестрой грудой, залитой ярким горячим солнцем.

Луксор выстроен на развалинах великого храма; еще в недавнее время святилище было скрыто под домами. Арабские хижины облепляли его двор и портики; под большой колоннадой, соединяющей северный двор с южным святилищем, стояли дома местного судьи и консульского агента; у западного фасада располагались жандармские казармы, тюрьма, почта, правительственные склады и здания; дальше тянулся заваленный обломками стен пустырь, а между капителями колонн были устроены загоны для коз, баранов и другого скота.

Нужно было все это снести для того, чтобы приступить к расчистке древнего здания. Раскрытая теперь

двойная колоннада украшала когда-то внутренний двор; гипостили, наосы,[66] прилегающие часовни и пилоны[67] сооружались в продолжение нескольких царствований. Расширение храма путем пристройки двора, окруженного портиками и колоннадой, принадлежит Рамсесу II; им воздвигнут также новый пилон и передний двор украшен колоссальными статуями, поставленными между пилястрами[68]. Из воздвигнутых Рамсесом гранитных обелисков уцелел лишь один; другой, вывезенный французами, украшает теперь парижскую Place de la Concorde.

В Мемфисскую эпоху Фивы были небольшим провинциальным городом, расположенным на правом берегу реки; на ее противоположной стороне местные

князья воздвигали свои погребальные пирамиды, окруженные гробницами их подданных. Ни один значительный памятник не украшал еще Фив, но его главная святыня, посвященный местной триаде—Амону, Мут и Хонсу храм, пользовалась почтением благодаря своей древности.

На украшение города, которому суждено было стать величайшей столицей Египта, были направлены усилия царей XII династии. Один из них, Усертесен I, начал воздвигать в Карнаке из гранита и песчаника храм, над расширением и украшением которого работали многие последующие фараоны. Это было здание довольно скромных размеров, украшенное колоннами наподобие Бени-Гассанских, типа, обычно именуемого протодорийским. От этого святилища сохранились до нас лишь несколько столбов и стен. Тутмес III после своих блестящих походов, наполнивших египетскую казну неисчислимыми богатствами, решил сделать храм великолепным, но при этом не касаться старого, уже освященного временем здания. К древнему святилищу пристроили две громадные залы, обширный двор и три расположенных амфиладой уступчатых пилона, соединенных гипостильными залами.

Получилось здание Т-образной формы, при чем старый храм образовал верхнюю перекладину. Были также закончены пристройки и переделки, начатые предшествовавшими фараонами, в том числе Тутмесом II и царицей Хатшепсут, воздвигнувшей здесь свои великолепные обелиски. Была восстановлена восточная половина древнего святилища и наконец весь храм окружен каменной стеной; за ней с южной стороны вырыли озеро, служившее для ритуальных целей.

Колоннада Луксорского храма бога Амона (воздвигнута Аменхотепом III).

Сто лет спустя Аменхотеп III, найдя соотношение между фасадом и шириной ограды непропорциональным, воздвиг еще один грандиозный пилон. В то же время несколько дальше к югу он соорудил новое святилище, также посвященное Амону. Однако работы на этом еще не кончились, и храм продолжал служить объектом строительных забот египетских властителей.

Великолепнейшее из зданий мира, Карнакский храм представлял собой когда-то целый город, состоявший из отдельных святилищ, расположенных то почти рядом друг с другом, то отделенных некоторым расстоянием. Аллеи огромных каменных баранов и сфинксов, между передними ногами которых возвышались изображения фараонов, связывали между собой эти святилища. Огромные триумфальные ворота — пилоны — соединяли дворы. Колоссальные статуи царей стояли у входов и портиков; высоко поднимали свои острые шпили многочисленные обелиски.

На украшение этого великолепнейшего храма Египта, посвященного Амону-Ра, каждый вновь вступающий на престол фараон не жалел затрат. Полы устилались серебряными плитами, кедровые и бронзовые двери украшались золотом; богатая добыча, достававшаяся в награду победоносному Египту, и дань от покоренных народов, обогащавшая страну, позволяли не жалеть драгоценностей для украшения национальной святыни.

Около двух тысяч лет строился, увеличивался и разрастался храм [**]. Благодаря этому история его — своего рода летопись величия и падения Египта. Судьбы страны связаны с ним неразрывно; вместе со всем государством он был разграблен персами, снова возродился с восстановлением Египта, отразил на себе влия-

ние последующих эпох и наконец погиб, как создавшая его культура, возрождение которой так же немыслимо, как и восстановление храма Амона.

Теперь Карнак обширное пространство, заваленное щебнем, грудами свеже взрытой земли; на этом фоне тянутся колоссальные стены, украшенные бесчисленными изображениями, высятся грандиозные руины пилонов, леса колонн, сохранившиеся в отдельных частях храма; в других местах они стоят группами, лишенные своих капителей, или лежат на земле гигантскими обломками.

К грандиозному пилону фасада, башни которого начали воздвигаться и не были достроены Птолемеями, ведет аллея гранитных сфинксов и баранов; за воротами открытый двор, где лежат гигантские фрагменты колонн, карнизов, различных каменных плит. С северной стороны примыкает сюда храм, сооруженный Сети I. Между обломками потолка стоят здесь исполинские колонны, покрытые рельефами, колонны такой необычайной массивности и величины, что они вызывают чувство полной подавленности и величайшего изумления.

Пристроенный Рамсесом III с южной стороны храм имеет особый открытый двор, украшенный колоссами фараона, великолепный гипостильный зал и святая святых, где в полумраке пребывало божество.

Перед высящимся на востоке вторым пилоном, являющим грандиозную картину разрушения, эфиопским фараоном Тааркой был воздвигнут монументальный портик, украшенный десятью колоннами. Через этот портик и второй пилон (он был воздвигнут Ливийской династией и Бубастидами [40]) вступают в сооруженный

Сети I и Рамсесом II гипостильный зал, которому нет подобного на земле.

Колонны в Карнаке. (Гипостиль Сети I и Рамсеса II. Средний неф).

В шестнадцать рядов расположены здесь сто тридцать четыре колонны гигантских размеров. Двенадцать колонн (22 метров высоты) среднего нефа превышают высотой остальные, благодаря чему крыша над ними, сложенная из каменных плит, выступает над перекрытием других частей зала. Свет, проникая через особые окна, сделанные в виде каменных решеток по сторонам этого среднего выступа кровли, лился вниз, ярко освещал средний неф колоссального зала и постепенно скрадывался лесом шестнадцатиметровых колонн, терявшихся в полумраке.

Впечатление от этого гипостиля едва ли можно описать; для того чтобы достойно

оценить его, нужно видеть самому и этот зал и эти колонны и грандиозные папирусообразные капители, на которые опирается массивный каменный потолок, еще сохранивший местами свою окраску.

Но большая часть перекрытий рухнула уже давно, и, невзирая на огромную устойчивость, охрану и реставрационные работы, гипостиль продолжал разрушаться. В 1889 году рухнули одиннадцать колонн, сбивших друг друга при своем падении и образовавших целый хаос исполинских каменных обломков.

Разрушенные землетрясением колонны. (До производства реставрационных работ в Карнакe).

Эта катастрофа заставила наконец „Управление древностей“ предпринять обширные и серьезные реставрационные работы в Карнакском храме. В 1899 году начали разбирать упавшие колонны, тщательно удалять скопившиеся в гипостиле слои почвы, состоявшей из мусора и разных отбросов человеческого жилья; наконец приступили к укреплению фундаментов.

Под рядами колонн были вырыты траншеи; они обделывались затем металлической обшивкой и зали-

вались бетоном. Основания восстанавливавшихся колонн также были скреплены и связаны между собой бетоном, а поврежденные их части заполнялись цементной штукатуркой или большими кусками песчаника, выступавшими на 1 сантиметр из общей поверхности для того, чтобы новые, реконструированные части могли быть легко отличены от древних.

В 1904 году архитектор Легрен, руководивший работами, восстановил целиком упавшие колонны и остановился перед задачей скрепления их капителей и устройства потолка. После долгих совещаний было решено соединить капители железными брусьями, скрытыми оболочкой из бетона и цемента; затем, опираясь на них, можно было приступить и к работам по восстановлению каменных перекрытий.

Во время этих реставрационных работ архитекторы были сильно затруднены задачей оперирования с огромными каменными массами, которые нужно было опускать или поднимать на значительную высоту. После неудачных попыток прибегнуть к помощи лесов обратились наконец к способу, применявшемуся при подобных постройках в древнем Египте.

Способ этот был прост. Уровень земли, примыкавшей к строившимся частям, по мере того, как они росли, постепенно повышался. Поэтому, когда здание заканчивалось и накладывались плиты потолка, все оно оказывалось доверху заполненным землей; оставалось только удалить ее из уже готового сооружения.

Для подъема каменных масс на высоту насыпи применяли, повидимому, два способа: к ней делался пологий подъем, хорошо утрамбованный, гладкий, ровный и укрепленный соответствующим образом; по нему

на деревянных санях, под полозья которых лилась вода, рабочие втаскивали тяжести.

При другом способе вдоль насыпи устраивалась широкая кирпичная лестница; на ступенях ее помещались деревянные подъемные машины, приводившиеся в действие рычагами.

Древние машины, конечно, удобно было заменить новыми, более совершенными, изобретенными техникой наших дней, но насыпи для установки колонн и архитравов были употреблены совершенно так же, как это делалось во времена фараонов.

За гипостильным залом Аменхотепом III был воздвигнут пилон, ведущий в открытый двор; из четырех украшавших его обелисков сохранился только один. Отсюда начинаются к югу амфилады дворов и пилонов, соединяющих этот двор со святилищем богини Мут [91].

Самый же храм Амона, продолжая развертываться, переходит в наиболее древнюю свою часть, заложенную еще Усертесеном I (XII династии), доконченную и украшенную потом последующими царями.

Высочайший в мире обелиск, сделанный из розового гранита, был здесь воздвигнут царицей Хатшепсут. Дальше невообразимый хаос часовен, комнат, коридоров, маленьких храмов и переходов образует сложный лабиринт, за которым тянутся руины двора, сооруженного Аменхотепом II на месте более древних построек. С востока примыкают к нему переплетающиеся, связанные между собой различной величины залы, украшенные колоннами, большие и малые покои.

В одном из них была обнаружена хранящаяся ныне в Лувре [92] знаменитая Карнакская таблица; на ней

Тутмес III, соорудивший эту часть храма, приносит дары изображениям пятидесяти шести своих предшественников.

Окруженная обширными многочисленными помещениями, выстроенная из порфира и сильно разрушенная, святая святых храма кажется небольшой по размерам и затерянной среди скрывающих его покоев. Здесь, в полумраке, в священном наосе пребывало изображение божества.

Во время работ по укреплению и реставрации Карнакского храма было сделано немало случайных открытий огромной ценности. Когда Легрен вынимал землю для устройства откоса, он неожиданно обнаружил огромное количество замечательных памятников; таким образом были открыты храм Рамсеса III, колонны, воздвигнутые Усертесеном III, здания, сооруженные Аменхотепом I и по каким-то причинам разрушенные Тутмесом III; наконец на дне ямы, наполненной просочившейся из Нила водой, был в 1903 году открыт вход в богатейший тайник, откуда в течение двух лет работы было извлечено свыше 800 различных статуй, частью замечательных по отделке, и более пятнадцати тысяч бронзовых предметов. Дальнейшие раскопки дали еще значительное количество вещей, среди которых оказались интереснейшие тексты крупного исторического значения [93].

Стены многочисленных храмов и построек, пилонов, зал, дворов покрыты разнообразнейшими рельефными изображениями и иероглифическими надписями, носящими то религиозный, то исторический характер.

Победы и триумфальные въезды царей, процессии побежденных народов, приносящих дань, религиозные

шествия, жертвоприношения тянутся беспрерывными рядами. Подвиги Сети I, Рамсеса II, Аменхотепа, Тутмеса, Шошенка и множества других запечатлены здесь на вечные времена...

Посвящаются верховному божеству завоеванные города Сирии и Палестины; с севера и юга ведутся вереницы пленников; многочисленные божества, разнообразно изображенные, стоят застывшие в гиератических [21] позах или входят в общение со своими потомками-фараонами.

Едва ли можно сомневаться в том, что во времена, когда бог Амон обитал в этом городе священных дворцов, его власть и влияние были беспредельны. Если теперь разрушенное и оскверненное святилище вызывает представление о сверхчеловеческом могуществе и величии, то какой же эффект должно было оно производить в моменты своего расцвета?

Тогда гигантский храм блистал драгоценностями, клубился дымом возжигаемых благовоний и поддерживался целой армией жрецов — главных носителей знания и науки древнего Египта. Неудивительно, что даже иностранцы, не связанные с египетским культом, испытывали чувство благоговения, попадая в подобные святилища. Представление о вечности, незыблемости и всемогуществе, как нельзя лучше воплощенное в этом памятнике, глубоко гармонирует с религиозными догматами, мистическими учениями, обрядами и гимнами, воспевавшимися здесь верховному фиванскому богу.

„Слава тебе, Амон-Ра... Образ единый, создавший все существующее, единственный создатель сущих, из очей которого вышли люди и изречением которого

составились боги... дающий траву для пропитания скоту и плодоносные деревья для жизни людей, дающий жизнь рыбам речным и птицам небесным, подающий дыхание находящимся в яйце, питающий пресмыкающихся... мышей в их норах, птиц на всех деревьях...

Единый, единственный, со множеством рук...

Царь единый среди богов, имеющий множество имен, число которых неведомо..."

Ливийский хребет идет, медленно понижаясь к северу, и постепенно теряется в отдалении, сливаясь с песками. Веселая, плодородная долина развертывается у подножья гор, а выше дикие пустынные скалы, голые и мертвые, нагромождаются друг на друга, мрачные, дикие, разделенные глубокими пропастями. Многочисленные развалины храмов и гробниц, обломки колонн и огромных портретных статуй покрывают гигантский некрополь, неподвижно заснувший под раскаленным солнцем.

Все очень повреждено, конечно, и временем и еще больше людьми; но все-таки город мертвых победил здесь город живых. Ведь гробницы остались, а от крепостных стен и замков, от дворцов, вилл и частных домов не сохранилось почти ничего — только обломки, по которым трудно составить себе представление о пышной и широкой жизни столицы, с полным правом именовавшей себя первым городом современного ей мира...

В древнем Египте любили жизнь. Не надо думать, что это была мрачная страна, насыщенная ожиданием смерти, что, подавленные вечным напоминанием о ней,

люди не умели радоваться и делать счастливым земное существование, это „прохождение тени".

В своих философских концепциях они не считали жизнь конечной ценностью; но как нечто обязательное, как необходимая стадия дальнейшего, более длительного существования, она все же, по своеобразной антиномии, приобретала у них характер ценности относительно-абсолютной.

Но этого мало. Глубоко заложенный в человеке инстинкт к жизни, воля к жизни проявляются в непосредственном желании жить и наслаждаться просто, без всяких философских обоснований, без размышлений о смерти, о которой в конце концов мы ничего точного не знаем. И такие мотивы звучат неоднократно в различных „песнях на арфе", раздававшихся на фиванских пиршествах.

„...Следуй своему сердцу, доколе живешь.
Возложи мирру на главу свою, оденься в тонкие ткани.
Помажь себя чудными дарами богов,
Укрась себя, как умеешь, прекраснее
И не давай упасть своему сердцу!
...Не огорчай своего сердца,
Пока не придет к тебе тот день плача:
Ибо тот, чье сердце остановилось, не слышит его,
И тот, кто в могиле, не чувствует горя!.."

Египетское общество было весьма демократичным и не придавало большого значения знатности происхождения. Всякий человек, даже из низших сословий, благополучно окончив школу, мог сообразно своим вкусам и способностям сделаться архитектором, инженером, жрецом, чиновником или офицером. Дальше

все зависело от него самого. Двигаясь вверх по иерархической лестнице, он мог достигнуть не только вполне обеспеченного положения, но и высших должностей в военном, гражданском или церковном управлении и сделаться одним из сановников фараона.

Всякое знание, вообще говоря, ценилось высоко. Многие бескорыстно отдавались ему, но еще чаще к нему стремились как к необходимому средству для хорошей карьеры.

Эту последнюю точку зрения мы находим в многочисленных „наставлениях“, авторы которых поучают: „Обрати сердце свое к книгам... Внушаю тебе любить их как родную мать и излагаю перед тобой все преимущества знающих их... Он никогда не будет нищим... Его ставят во главе суда; благодарят бога его отец и мать — он направлен на путь жизни... [95]“

В Египте нет ничего более выгодного, чем чиновничья карьера, карьера ученого писца.

„... Она важнее всех ремесл, она не праздное слово на земле. Тот, кто начал извлекать из нее пользу с детства, пользуется почетом. Ему дают различные миссии. Тот, кто не идет по этому пути, пребывает в нищете... Итак, я везу тебя в Хену (учиться) из любви к тебе, потому что, если ты хоть день пробудешь в школе, польза для тебя будет вечная. Труды, которым там предаются, так же незыблемы, как горы [96]“.

Война и военный строй, суровая дисциплина и лишения походов были глубоко чужды египтянину. Человек мирный по природе, он был чужд желанию подвергать себя опасностям и лишаться удобств домашней жизни.

Он гордился, конечно, победами и славой египетского оружия, но совсем не желал видеть своего сына не только солдатом, но и офицером. Высшие военные должности, может быть, хороши для аристократов, — младшие офицерские чины могут привлекать только молодежь, пленяющуюся внешним блеском военного звания.

Вот злое, саркастическое описание жизни офицера, сделанное ученым писцом для своего ученика, вероятно, желавшего сменить тростник скриба на меч воина:

„Почему думаешь ты, что пехотный офицер счастливее писца? Хочешь, я опишу тебе участь пехотного офицера и всю силу его несчастий?

Его увозят еще ребенком, чтобы запереть в казармах; у него рана на животе, рана на глазу, шрам на обеих бровях; голова рассечена и покрыта гноем [97]. Его бьют, как связку папируса, он изломан насилием.

Хочешь, я расскажу тебе о его походах в Сирию, его экспедициях в дальние страны?

Он несет на себе свой хлеб и воду; он навьючен, как осел, от чего его шея и затылок становятся похожими на ослиные; все суставы его спины растянуты. Он пьет испорченную воду... Настигает ли он неприятеля, он дрожит как гусь, потому что члены его не имеют больше силы. Возвращается ли он наконец в Египет, он похож на палку, изъеденную червями. Болен ли он, приходится ли ему слечь, его увозят на осле; одежду его похищают воры; люди его разбегаются...[98]

... Постарайся (лучше) сделаться писцом; ты всех превзойдешь. Послушай, как утомительны обязанности офицера, командующего боевыми колесницами. Когда

отец или мать отдают его в училище, то из своих пяти рабов он должен отдать двоих (в качестве платы за ученье). Обучившись всему, он едет выбрать себе упряжь в конюшнях в присутствии его величества — жизнь, здоровье, сила.

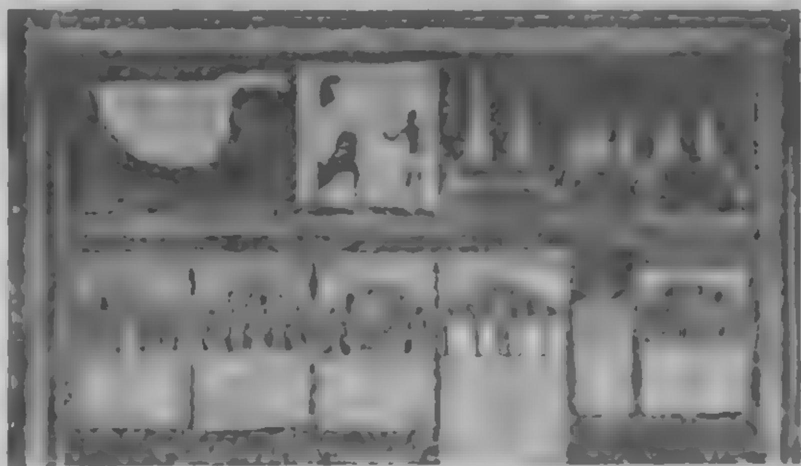
Получив хороших кобылиц, он громко изъявляет свою радость; чтобы доехать до своего города, он пускается в галоп, но он способен скакать в галоп разве только на палке. Так как будущее ему неизвестно, то он передает все свои владения отцу с матерью, затем привозит себе колесницу, дышло которой весит три утона, тогда как сама колесница весит пять утонов [99]. Поэтому если он захочет заставить колесницу нестись вскачь, то должен сойти на землю и тянуть ее. Он берется за нее, но попадает на гада и отскакивает в кусты; его ноги искусаны пресмыкающимися, подошва прокушена.

Когда делают проверку его вещам, тогда его бедствия достигают последних пределов — его растягивают на земле и дают ему сто ударов"... [100]

Пользуясь благодатным климатом, египтянин мог чувствовать себя свободным от постоянной ограниченности стенами дома [101]; он пристраивал к нему открытые дворы или пользовался внутренним двором, заключенным между четырьмя небольшими легкими корпусами жилья. Украшенный водоемом и красивой растительностью, этот двор, иногда окруженный портиками, опиравшимися на легкие резные колонны, служил приятным местом для отдыха. В зависимости от состояния разбивался вокруг дома большей или меньшей

величины сад с проведенными в него оросительными каналами, с мостиками, киосками, гротами.

Стараясь украсить жизнь, египтяне наполняли свои дома изящными вазами, расписными сосудами изысканных форм; живая, яркая роспись покрывала стены их комнат, и они не считали обязательным сидеть на полу, на коврах или подушках, как сидят теперь все восточные люди, но имели и красивую мебель. Они любили глубокие кресла, удобные и мягкие, сделанные из цветного дерева, а у богатых людей — из драгоценных древесных пород, украшенные инкрустацией из слоновой кости, благородных металлов, ляпис-лазури, сердолика и других ценных камней. Стулья различных форм, легкие табуреточки и банкетки обивались красивыми тканями; удобные ложа, украшенные резьбой, с приподнятыми изголовьями служили для сна и отдыха.

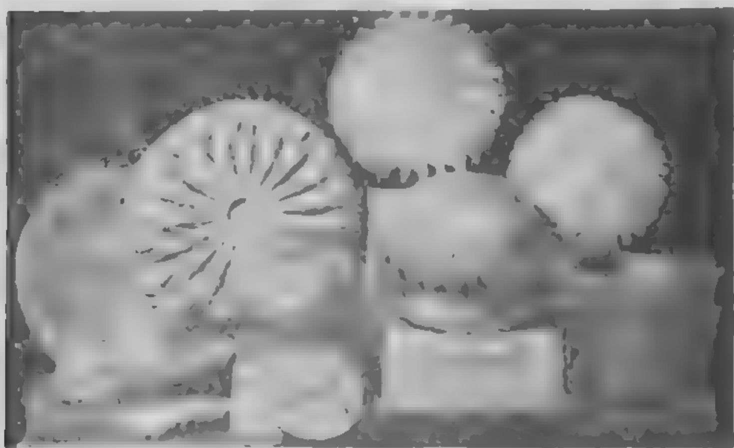

Красочная роспись частного дома

Спрос на всякие произведения прикладного искусства был настолько велик, что промышленность этого рода, быстро развиваясь, достигла необычайной высоты. Подражая образцам, созданным истинными художниками, ремесленники изготовляли вещи, отмеченные печатью хорошего вкуса, часто сказывающегося в обработке самых мелких вещей, которыми мы не можем не восхищаться.

Разнообразные поделки из алебастра, диорита, сердолика и ляпис-лазури обрабатывались с такой тон-

костью, как-будто эти твердейшие породы становились мягкими в руках мастера. Домашняя утварь — глиняная, каменная и металлическая посуда — всегда изящна и красиво очерчена. Прекрасные драгоценности, украшающие теперь наши музеи, позволяют судить о том, какой виртуозности достигали египетские ювелиры в своей работе.

Серебряная посуда.

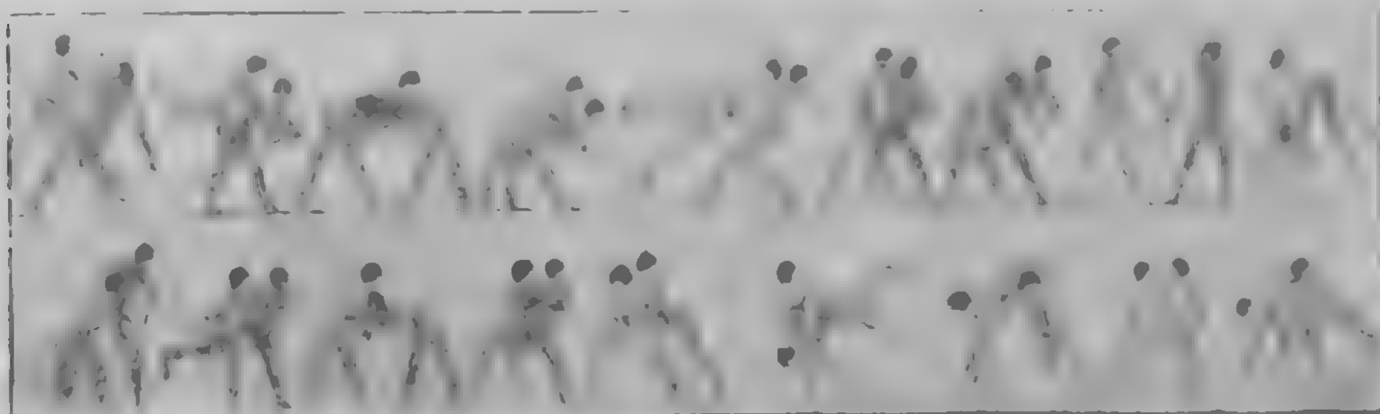
Ожерелья из разноцветной эмали и пасты, украшения из драгоценных камней надевались на шею на ряду с тончайшей работы воротниками, чудесно украшенными, сделанными из прекрасной филиграни; разнообразнейшие кольца и браслеты украшали руки и ноги.

Одеваясь в легкие одежды, любя прозрачные ткани, следили египтяне за красотой тела и от утомительной однообразной работы отдыхали, развлекаясь спортивными играми; они брили свои лица, и брадобреи были бесчисленны в Египте.

Если считалась обязательной чистота и ритуал предписывал троекратное омовение, то не менее обязательным считалось употребление косметик, которые должны придать внешности привлекательный вид и подчеркнуть красоту. На туалетных столах перед бронзовыми зеркалами в очаровательных баночках хранились мази, притирания и краски; ими подводили глаза, красили волосы, натирали лицо и тело.

В противоположность другим восточным странам женщина была в Египте свободной и пользовалась

всеми гражданскими правами. Она ходила с открытым лицом, на празднествах и процессиях появлялась наравне с мужчиной. Если любовь к мужу заставляла ее уступать ему первое место и выказывать подобающее главе дома уважение, то вместе с тем она имела право на личную собственность и самостоятельное положение. Мы знаем женщин, стоявших во главе торговых предприятий и даже руководивших действиями политических партий и сидевших на престоле фараонов.

Борьба (фреска в Бени-Гассане)

Пиры, которые любили в стране, сопровождались декламацией, пением и музыкой. Под аккомпанемент оркестра танцовщицы выступали с целыми балетными представлениями, возможными лишь при развитой хореографии.

Геродот рассказывает нам, что в самый разгар пира вносилась и ставилась на конец стола раскрашенная модель мумии и гости приглашались помнить то, что завтра и они станут тем же. Едва ли однако такое „памятование смертного часа" не носило эпикурейского характера, обостряя жажду жизни, повышая оценку каждой переживаемой минуты. И если египтянин никогда не забывал, что он умрет, не забывал даже во время пира, когда вокруг него гремела музыка и капли

благовонного масла обрызгивали его, слетая с волос кружащихся танцовщиц-альмей, — то эта мысль не казалась ему ни мрачной, ни устрашающей.

Жизнь и смерть сплетались в одно целое и разграничивались только пространством. О смерти думали и заботились совершенно так же, как думают о переезде в другой город, в другую страну. Всякий египтянин, начиная с фараона и кончая ремесленником, среди своих дел, тревог, радостей и увлечений никогда не забывал вести подготовку к этому путешествию, к этой жизни в другой стране.

Из Фив, отрываясь от шумных дел столичной жизни, ехали в соседний некрополь, где в глубине гробниц обитали бесчисленные предки еще живых фиванцев. Здесь осматривали воздвигавшуюся усыпальницу, поминальный храм или высекавшуюся в глубине скалы гробницу; наблюдали за устроением будущей жизни, за богатством и красотой вырезавшихся на стенах рельефов и снова возвращались в город живых для того, чтобы насытиться жизнью и, умерев, проснуться в своей гробнице для новых форм существования.

Так в течение многих веков жили рядом два города — столица живых и столица мертвых.

От Мединет-Абу на юге до Абд-эль-Гурнэ на севере протянулась цепь поминальных храмов; вокруг них раскинулись жилища служивших мертвым жрецов; выросли здания и посты военной стражи, охранявшей спокойствие кладбища, поселились работавшие на него многочисленные ремесленники, скульпторы, каменотесы, торговцы, лица, специально занимавшиеся бальзамировкой трупов, плакальщицы, танцовщицы и певицы. Здесь прехотливая и текучая жизнь пере-

ливалась в вечную устойчивость непоколебимых и неподвижных каменных гробниц [102].

Мединет-Абу—название коптского городка, развалины которого лежат подавленные руинами древне-египетских построек. Из расположенной здесь группы храмов главный был воздвигнут Рамсесом III [103] рядом с его дворцом. От дворца сохранилась только ничтожная часть—двухэтажный корпус с небольшим двором и зданием для стражи; все остальное, сложенное некогда из не обожженного кирпича, развалилось, распалось, обратилось в бесформенную груду мусора.

Триумфальная арка Птолемеевской эпохи.

Храм выглядит очень живописно и, как ни странно, прелесть его увеличивается разрушенным его состоянием. Он был расчищен трудами Дареси в 1897 г. Затем произ-

вели необходимые раставрационные работы. Кое-где были восстановлены стены, укреплены колонны, проложены железные брусья и скобы, сдерживающие расшатанные камни, местами укреплены куски разбитых рельефов. Но массивные, тяжелые крыши, сдавливавшие здание и придававшие ему вид мрачного и торжественного спокойствия, большей частью остались обрушенными; храм представляется теперь в виде амфилады залитых светом дворов, разделенных величественными пилонами, четко вырезающимися на ярком фоне неба и уходящими в светлую даль.

За главным первым пилоном распространяется к югу широкий двор, выложенный каменными плитами. Следующий за ним зал имеет с двух сторон крытые портики; правый из них опирается на семь колонн, к которым прислонены колоссальные статуи фараона, обращенные лицом к папирусообразным колоннам фасада царского дворца, слева примыкавшего к храму.

Рельефы Мединет-Абу замечательны тем, что они сделаны очень высоко (выпукло) и окружены резкими линиями, врезанными в камень. Благодаря этому игра свето-тени придает им особенную яркость и выразительность.

Однако упадок искусства чувствуется здесь уже довольно значительно; причины его коренятся в художественной реакции против реалистического искусства, явившейся следствием победы фиванского жречества над еретической реформой Аменхотепа IV Эхнатона.

Вместе с гибелью реформы пал и культивировавшийся Эхнатоном реалистический стиль; снова стали считать грехом рисовать иначе, чем это делалось в древности. Узкие канонические рамки опять считаются

обязательными; пропадает жизненность и встречающаяся порой примитивная грубость технической обработки кажется нам странной после высоких образцов искусства предшествующих периодов.

Некоторые рельефы Рамсеса III на стенах его храма в Мединет-Абу напоминают еще былое время расцвета. Великолепны военные сцены; изображения охоты и животных, затравленных в густой заросли, даже теперь, когда краски стерлись, производят глубокое впечатление.

Фараон охотится в болотистых лугах Нижнего Египта; раненный острой стрелой, падает бык, и Рамсес, настигнув, убивает его копьем; прекрасно передано страдание в фигуре дикого осла, умирающего от полученной раны. Огромный бык затравленный лежит в высокой траве на берегу пруда; испуганные его появлением рыбы и утки изображены с такой же живостью, как и бегущий по степи человек, и скалистый холм, и все то, что так верно и отчетливо детализирует картины этой охоты, порождая в зрителе соответствующие настроения.

Глава X

ДОЛИНА ЦАРСКИХ ГРОБНИЦ

Самая северная группа фиванских гробниц лежит в скалах Бибан-эль-Мелюк. Узкое, стиснутое между каменными кряжами ущелье ведет сюда и, разделяясь на два отрога, кончается широкими котловинами, вокруг которых скалы теснятся и, громоздясь друг на друга, поднимаются почти отвесно. Это дикое и неприступное

место как бы создано для того, чтобы скрывать гробницы в каменных складках своих обрывистых склонов.

Расхищение гробниц сделалось к этому времени явлением настолько частым в Египте, что уже нельзя стало гарантировать безопасность какой бы то ни было усыпальницы. Снова и снова возникал вопрос о необходимости искать новых способов охраны погребений. Очень удобной в этом смысле казалась лежащая к северу от фиванской равнины глубокая вытянутая впадина, известная теперь под названием Бибан-эль-Мелюк.

Окруженная со всех сторон скалистыми стенами, перевал через которые представлял значительные трудности, впадина эта имела неправильный вид и делилась на две части, соединявшиеся под почти прямым углом. Одна часть тянулась по направлению к востоку, другая — к юго-западу. Долина была чрезвычайно удобна для кладбища, в частности и потому, что ее было бы очень легко охранять.

Не пользовались ею лишь благодаря чрезвычайной затруднительности доступа, но в конце XVIII династии установили, что одна из скалистых стен долины не так массивна, как другие. В толще ее был высечен суживающийся к концу тоннель около 60 локтей длиной и таким образом устроены ворота в долину, где нашли вечное успокоение многие фараоны; самая же горная впадина прославилась под названием „Долины Царских Гробниц“.

Усыпальницы устраивались и маскировались здесь с особой тщательностью; входы закрывались снаружи обломками скал, заваливались камнем так, чтобы их нельзя было найти.

Но на помощь грабителям пришла природа. Дожди в Египте редкость; зато, начавшись, они принимают характер колоссальных ливней, все смывающих на своем пути. Скатываясь по каменным стенам утесов, потоки воды размыли замаскированные ходы и указали путь в тайники. Охрана оказалась бессильной, и гробницы „Царской Долины“ еще в древности подверглись расхищению.

Входы в большинство усыпальниц устроены на сравнительно небольшой высоте. Широкий коридор с высеченными в нем ступенями круто спускается глубоко вниз; дальше идут расположенные в горизонтальной плоскости комнаты; стены покрыты рельефами, чаще живописной росписью. Саркофаг, заключавший мумию, помещался где-нибудь в боковом покое или в самой глубине гробницы и ход к нему старательно маскировался.

Некоторые из усыпальниц особенно замечательны. Гробницы Сети I и Рамсеса III, например — это целые дворцы с бесконечной амфиладой комнат, зал, часовен, с лабиринтом коридоров и галлерей; лестницы соединяют лежащие на разной высоте части этих погребальных царских дворцов; пестрая роспись украшает стены.

Сокровища, когда-то лежавшие здесь, несомненно, были достойны этих пышных гробниц и своим великолепием и ценностью превосходили все, что можно себе представить. К несчастью, только самая ничтожная часть их уцелела до нашего времени в тех усыпальницах, которые были разграблены лишь отчасти.

Такова гробница Аменхотепа II. Она уцелела до наших дней и в 1898 году была открыта директором „Управления древностей“ г. Лоре.

Конечно, грабители проникали когда-то и сюда; но в общем усыпальница сохранилась довольно хорошо, и положенные в нее мумии тринадцати фараонов, еще в древности перенесенные сюда из их гробниц, остались нетронутыми.

Крутая лестница ведет к гробнице и оканчивается у высеченного в скале длинного коридора с грубо отделанными стенами. Галлерея эта упирается в отвесный колодец; исследование его, естественно, должно было вызвать мысль, что гробница осталась не законченной и брошенной. На самом же деле за колодцем имелся тщательно заделанный каменной кладкой ход; через него можно проникнуть в вереницу комнат, высеченных в недрах скалы.

За ними располагается обширный зал; потолок его, изображающий звездное небо, опирается на шесть колонн с прислоненными к ним статуями фараона, совершающего приношение различным божествам загробного царства. В глубине зала высечен в полу склеп, где находится саркофаг, заключающий в себе мумию, положенную здесь 3354 года тому назад. Она сохранилась изумительно; если бы кто-нибудь из придворных Аменхотепа II пришел взглянуть на своего повелителя, он нашел бы его почти не измененным смертью...

Археологическая работа требует постоянного внимания и тщательного не прекращающегося наблюдения. Археолог не только должен следить за работами и классифицировать доставляемые ему предметы — на его обязанности лежит также лично поднимать с земли

каждую вновь открытую вещь. Это нужно не только для того, чтобы иметь гарантию достаточно осторожного извлечения находки; положение только-что открытого предмета и его отношение к соседним, следы краски или надписей на уже совершенно распавшихся частях — все это важные моменты для датировки, иногда ключ для отыскания другой группы вещей, расположенной симметрично к первой.

Прежде, чем что-либо вынуть, исследователь должен произвести подробный обмер и описание предмета и положения, в котором найдена вещь; затем делаются фотографические снимки.

Если предмет очень хрупок и может рассыпаться при извлечении, приходится здесь же на месте произвести операцию предварительного консервирования вещи, чтобы придать ей некоторую устойчивость.

Для этого употребляется то расплавленный жидкий парафин и спермацет, то шерлак, то растворенный в амиловом алкоголе целлулоид и множество других более сложных химических препаратов. Дальнейшее укрепление вещей может быть произведено в местной лаборатории или в лабораториях музея, которому будут переданы вновь открытые предметы.

Особенно сложным оказывается всегда извлечение разных тонких и нежных вещей — тканей, папирусов, распавшихся украшений. Бусы (а это любимое египтянами украшение встречается нередко) приходится тут же на месте перенизывать или переносить на картон, смазанный слоем пластилина. Часто встречающаяся низка в несколько рядов с прихотливым узором сильно затрудняет работу и всегда занимает много времени.

Медленно и осторожно распутываются и расправляются помятые и слежавшиеся от времени филиграни; тщательно подбираются и склеиваются черепки разбитых сосудов; свитки папируса помещаются во влажное пространство и затем с величайшей осторожностью расправляются между двумя стеклами. Часто они ломаются при этом на мелкие кусочки, и работу с ними должен производить лишь опытный специалист, располагающий временем для этого кропотливого занятия.

Не менее важную роль при археологических исследованиях играют подробнейшие записи хода работ, так называемые „дневники“ раскопок; туда обязательно заносится всякая, даже самая незначительная мелочь. Бесчисленное множество фотографий и рисунков общего и частного характера должны иллюстрировать дневники.

Извлеченные предметы направляются наконец во временную лабораторию, где к ним снова применяют, если это окажется нужным, консервирующую обработку; затем составляют их „легенды“ в особых карточных каталогах. Здесь, кроме номера и наименования, помещаются зарисовки и относящиеся к данному предмету археологические записи, краткий или полный перевод начертаний, если они имеются на предмете, и серия фотографий, изображающих его до и после извлечения из земли. По отношению к крупным вещам этот иллюстративный материал бывает еще более обширным.

Каждый предмет снабжается соответствующими ярлыками с номером, и наконец начинается упаковка; для этого применяются вата, полотно, особые бинты, холст, иногда отруби или опилки. Здесь также нужна

большая тщательность, чтобы при перевозке не попортить вещей, ставших хрупкими от времени.

Все это — необходимые условия научно-археологических исследований, благодаря которым наши знания о великой древней культуре так развились и расширились за последние годы.

Прежние ученые поступали иначе. Их зарисовки и записи не были так подробны, предметы извлекались без должной осторожности и часто не имели легенд. Правда, старые исследования сыграли решающую роль в развитии науки о Египте; некоторым из них мы обязаны вечной благодарностью, но все же недостаточно совершенные методы работы оставили нам множество лишенных „паспорта" вещей, благодаря чему они не могут быть точно хронологически определены и поставлены во взаимную связь. А это лишает их половины ценности.

Впрочем, то были первые шаги науки, и мы не могли бы говорить о последующих, если бы не имели трудов, которые теперь кажутся нам несовершенными.

За последние годы стали применять новую систему сохранения и выставки найденных материалов. После открытия гробницы Аменхотепа, например, в ней ничего не тронули, сохранив ее во всей целости, так, как она выглядела при погребении царя, покой которого также не был нарушен. Конечно, большая часть погребальной утвари была расхищена еще задолго до открытия гробницы, но все же и то, что осталось, производит теперь на посетителя самое глубокое впечатление.

Этот новый метод хранения и экспозиции, примененный „Управлением древностей" к гробнице Аменхотепа II, несомненно, прекрасен, и его все шире начинают применять и по отношению к другим памятникам.

Неудобство его заключается лишь в крупных расходах на устройство предохранительных приспособлений и содержание охраны. Для этого учреждены должности генеральных инспекторов областей; в ведении их находятся сторожа, охраняющие гробницы и храмы, замыкающиеся теперь железными дверями.

Приходя на помощь науке, законы страны строго карают расхищение древностей; преступники подвергаются не только высоким штрафам и тюремному заключению, но и каторжным работам. Такая суровость кары должна явиться гарантией сохранности памятников и содействует росту уважения к ним со стороны хищников.

Неподалеку от гробницы Аменхотепа II Теодору Дэвису и Барсанти удалось открыть тайник, стены и потолок которого были сплошь изукрашены золотом. В углу на золотых погребальных санях стоял пышно украшенный саркофаг; судя по изображениям и надписям, он принадлежал царице Тии, знаменитой супруге Аменхотепа III и матери царя-еретика Аменхотепа IV. Одна из стенок гроба выпала, мумия выкатилась из него и лежала рядом.

Великолепная отделка гробницы однако быстро поблекла; все это золото было лишь тонкими листками, закрепленными на местах при помощи какого-то клейкого вещества. Исследование же мумии обнаружило,

что она принадлежала не Тии, а какому-то мужчине. Он был перевезен сюда тайно и во всей спешности в тот острый период, когда начавшаяся реакция громила погребения, связанные с царствованием фараона-еретика и близких ему лиц. В торопливости не взяли с собой почти ничего из заупокойных предметов, обычно полагавшихся в царской гробнице; этот пробел, быть может, надеялись заполнить впоследствии, но не успели.

Тайник оказался принадлежащим Аменхотепу IV и содержимое его было сюда тайно перевезено Тутанхамоном из Ахетатонской гробницы. Что именно Тутанхамон хотел позаботиться о памяти своего отца, от религии и реформ которого он отказался, свидетельствуют найденные в гробнице глиняные печати с именем этого царя.

Тридцать виднейших фараонов Египта были погребены в „Долине Царских Гробниц". Теперь в ней почивают лишь двое из них — Аменхотеп II и Тутанхамон; все остальные были вынесены из их усыпальниц и перевезены в другие места [104].

Поразительная сохранность египетских мумий всегда была предметом удивления всех, кто их видел. Египтяне до последнего времени остаются не превзойденными бальзамировщиками, и „секрет" применявшихся ими мумификационных методов привлекал к себе внимание многих.

Разработка этого вопроса в действительно научной форме еще далеко не закончена и может считаться осуществленной лишь отчасти. Тем не менее и в этой

области мы имеем теперь уже столь значительные материалы, что можем с большой степенью точности судить о методах, примененных к той или иной мумии, и представить себе весь ход ее постепенной обработки.

Как рассказывает Геродот, в Египте были лица, специально занимавшиеся бальзамированием трупов. Родственники умершего являлись к ним и по трем моделям мумий выбирали способ бальзамирования в соответствии со своим состоянием, потому что плата значительно колебалась в зависимости от сложности избранного мумификационного метода. Договорившись, родственники приносили труп и удалялись. Самые способы бальзамирования описаны у Геродота следующим образом:

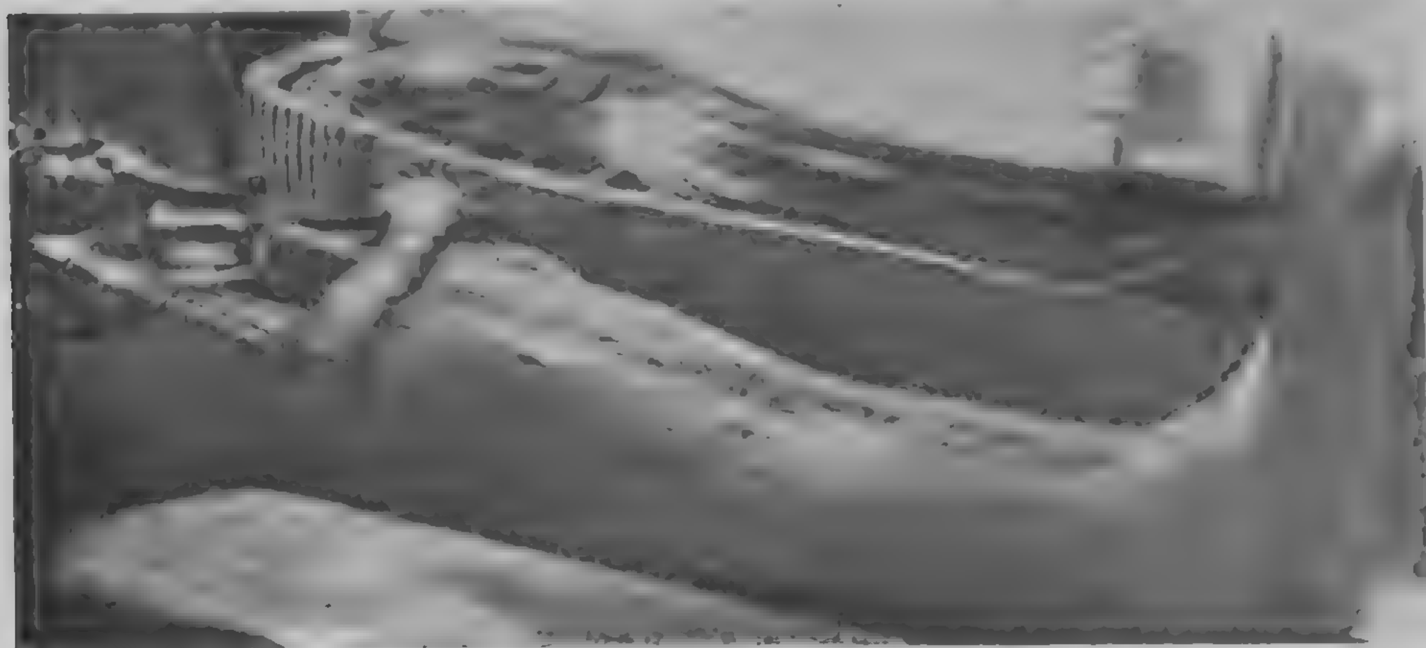
„Прежде всего с помощью железного крючка извлекают через ноздри головной мозг; но так извлекается только часть мозга, а другая часть (удаляется) посредством вливаемых (в череп) медикаментов. Затем острым эфиопским камнем делают в паху разрез и вынимают через него все внутренности.

Вычистив и промыв пальмовым вином брюшную полость, ее снова очищают перетертыми благовониями. Далее наполняют живот чистой растертой миррой, кассией и другими благовониями, за исключением ладана, и потом зашивают. После этого кладут труп на семьдесят дней в самородную щелочную соль, — дольше держать в соли не полагается.

По истечении семидесяти дней труп обмывают и обматывают бинтами из тонкой льняной материи, смазанной снизу гумми, который египтяне обыкновенно употребляют вместо клея. Тогда родственники полу-

чают покойника обратно, приготовляют деревянный футляр по форме человеческого тела, кладут в него труп, закрывают и сохраняют в склепе, поставив стоймя у стены" [105].

Диодор Сицилийский так описывает бальзамирование у древних египтян:

Вскрытие саркофагов, заключавших мумию Тутанхамона.

„Тело кладут на землю, и затем рисовальщик отмечает на левой стороне живота то место, где должен быть сделан разрез; затем другое лицо делает эфиопским камнем разрез такой величины, как полагается по закону, и очень поспешно убегает, в то время как присутствующие преследуют его, бросая в него камнями и посылая ему проклятия за содеянный грех, который он должен принять на себя, ибо они считают грешным и достойным презрения того, кто причиняет боль и наносит телесные повреждения существу себе подобному.

Когда бальзамировщики приступают к бальзамированию, то один из них вводит руку через сделан-

ный разрез в тело и вынимает все внутренности за исключением сердца и почек. Другой очищает внутренности пальмовым вином и ароматическими веществами. Затем умащают труп в течение 30 дней кедровым маслом, миррой, корицей и другими благовониями, которые не только сохраняют на долгое время тело в целости, но и сообщают ему приятный запах. Наконец труп передается родственникам"[106].

Сведения Геродота и Диодора страдают однако значительной неполнотой и неточностью; это и понятно, так как бальзамировщики, составлявшие в Египте замкнутую касту, хранили рецепты бальзамирования как профессиональную тайну.

Соляная ванна, в которую помещался труп, содержала в себе сложный раствор различных солей: химические исследования Руйэ, Гранвиля и других обнаружили в египетских мумиях соли азотно-кислого калия, хлористого натра, сернокислого натра, углекислого калия и следы извести[107].

Древние бальзамировщики хорошо знали, что гниение развивается прежде всего в животе и что оно начинается с содержащихся в кишках пищевых масс. Отсюда понятно, что первой их заботой было или удалить кишечник вместе с его содержимым оперативным путем или очистить его посредством промывки противогнилостными средствами; в частности редечное масло, по словам самого Геродота, при третьем способе бальзамирования предназначалось именно для очищения живота, т. е. для промывки кишечника.

Что касается до сроков содержания трупа в соляном растворе (по Геродоту 70, по Диодору—30 дней),—следует полагать, что Диодор был ближе к истине:

70 дней являются излишне длинным сроком; кроме того, труп должен был высушиваться в течение долгого времени, и весь процесс препарирования мумии оказался бы чрезмерно длительным [illegible].

Руйэ, специально исследовавший ряд египетских мумий, с точностью установил, что методов бальзамирования было не три, как указывает Геродот, а больше.

Мумия Рамсеса II.

Все изученные им мумии он, по методу бальзамирования, делит на два большие класса:

I. Бальзамированные с разрезом живота у трупа.

II. Без разреза живота.

У всех мумий первой категории полости были освобождены от внутренностей и наполнены смесью различных ароматических смол и пизасфальтом; кисти рук и ступни ног некоторых из них покрыты позолотой. Другие мумии этого же типа, помимо наполнения их бальзамирующими веществами, были еще просолены.

При приготовлении мумий второго класса внутренности также извлекались (через выход прямой кишки), затем тело подвергалось просаливанию; при более

совершенной обработке этого типа тело не только просаливалось, но еще и наполнялось пизасфальтом. Вещество это в подобных случаях находится не только во внутренних полостях, но и покрывает тело, так что все ткани сливаются с ним в одну сплошную массу.

Повидимому, в данном случае тело наполнялось разогретым пизасфальтом и, кроме того, на некоторое время погружалось в него. Этот тип бальзамирования являлся наиболее распространенным в Египте и действительно дал хорошие результаты.

Мумии только просоленные и ничем не наполненные, наоборот, сохранялись довольно плохо. Те же из них, которые были недостаточно высушены, превратились отчасти в жировоск (saponificatio). В этих „омыленных“ мумиях содержалось много солей сернокислого натра.

Нередко встречаются мумии, у которых стенки носа повреждены и решетчатая кость разрушена с целью проникнуть в черепную полость для извлечения головного мозга. В других случаях повреждений носа и решетчатой кости не оказывается, благодаря чему Руиэ полагает, что бальзамировщики иногда вовсе не касались головного мозга.

Дальнейшие исследования установили, что мозг извлекался из черепной коробки следующими способами: 1) через нос, с разрушением при этом решетчатой кости; 2) через промежуток между затылочной костью и первым шейным позвонком (атлантом), для чего делался разрез мягких тканей в области этого позвонка.

Так как извлечение мозга через нос вызывало иногда западение его, то, вероятно, второй способ и при-

менялся по этой именно причине, т. е. чтобы не обезобразить покойника.

Извлекался мозг или посредством какого-либо инструмента или, быть может, согласно Геродоту, повторным впрыскиванием жидкости, при помощи которой постепенно разрушалась и вымывалась из черепной коробки мозговая ткань. После удаления мозга черепная коробка тщательно очищалась, и туда наливался иногда горячий асфальт [109].

Если способы бальзамирования должны были сохранить тело, то другие, магические, средства имели целью оградить его от всех тех таинственных опасностей, которые угрожают ему в царстве смерти.

Голова мумии Сети I.

Тело умащалось поэтому не одними лишь „медикаментами“, но и священными мазями, и вместе с ароматическими веществами, наполнявшими опустошенные грудь и живот, клались статуэтки и амулеты. Обычай покрывать позолотой лицо, пальцы рук и ног или заключать их в золотые футляры имел целью сообщить им крепость и вечность этого металла.

Восковая пластинка с изображенным на ней символическим глазом скрывала разрезы, через которые были вынуты внутренности; положенное на грудь изображение

сердца обозначало место души; скарабей, ястреб и змея охраняли тело, священные статуэтки также несли его охрану.

Обертывавшие мумию бинты плотно охватывали все тело и сравнивали его очертания; сложная система повязок скрывала голову, грудь и ноги; погребальный саван, закрепленный на лбу полотняной тесьмой, скрещивался на груди, где полагалось изображение Осириса [110].

Все эти погребальные детали, помимо реально предохранительного значения, носили еще символический характер: каждая статуэтка, каждая повязка и каждый бинт связывались с представлением о божественной силе, охраняющей мумию. Сами по себе они однако не являются действенными; всю полноту своей силы они получали лишь от произнесения магических формул, изображенных как на самом саркофаге, так и на стенах погребального покоя, располагаясь таким образом, чтобы быть всегда перед глазами мумии.

Увеличение количества формул, с одной стороны, и изменение формы саркофага, приобретающего человекообразный характер — с другой, ко времени нового Фиванского царства, т. е. около 1500 лет до Р. X., заставляет прибегнуть к новому способу снабжения покойника запасом необходимых для него формул.

С этого времени в саркофаг вместе с мумией полагается сборник, именовавшийся Книгой Мертвых. Размеры ее меняются в зависимости от эпохи, и окончательная редакция вырабатывается лишь ко времени Псаметихов (600 лет до Р. X.) Последующие переписчики в полных экземплярах старались сохранить с возможной точностью как объем, так и расположение глав этих образцовых экземпляров.

Некоторые свитки этого рода достигают 20 метров длины. Иногда они написаны с величайшей тщательностью, украшены заставками с изящными фигурными раскрашенными начальными знаками и тонко исполнен-

Вскрытие золотого саркофага Тутанхамона.

ными миниатюрами, иллюстрирующими тексты. Другие менее полны, порой написаны очень небрежно и заключают в себе много пропусков, ошибок и повторений. Это — общедоступные издания, и самые дешевые из них содержат в себе лишь несколько наиболее нужных глав.

Книга Мертвых необходима всякому умершему, желающему достичь спокойствия и радости в вечной жизни. Знающему ее формулы не нужно бояться

загробных ужасов; знать ее и изучить полезно еще при жизни. Там есть главы настолько важные, что не интересоваться ими значило бы быть равнодушным к самому себе и к своему вечному счастью; но это противоречит основным свойствам человеческой сущности, и потому Книга Мертвых была широко распространена в Египте.

Достаточно хоть немного ознакомиться с ней, чтобы не удивляться этому.

„... Тот, кто прочитает эту главу, очистив себя омовением в натронной воде, выйдет после погребения на свет; он пройдет через все превращения, какие подскажет ему его сердце; воистину он пройдет через огонь...“

„Глава, которую надлежит писать клеевыми чернилами и краской на свитке царского папируса и возложить на шею мумии в день погребения. С этим амулетом на шее умерший окажется среди богов... Навеки он станет богом...“

„Тот, кто не знает этой главы, не может предстать перед ликом Дня“.

Пользуясь указаниями Книги Мертвых, умерший совершает путешествие по загробному царству, преодолевая тысячи опасностей. Он раскрывает замкнутые двери, поражает чудовищ в роде красных ослов, крокодилов, черепах и змей, стремящихся уничтожить его амулеты и оставить его безоружным перед лицом опасностей. Он побеждает ужасы, „переходит врата земли и отверзает врата небес, чтобы предстать перед ликом Дня“ и воскликнуть:

„Протяните мне руки, о боги, исшедшие из уст моих. Я поднимаюсь обновленный, я возношусь к нему,

я каждый день парю над землей... В святилище вступил я и выхожу из него лучезарным, вечно созерцая формы людей..."

Он познает предыдущие формы существования на земле, многократно пережитые им, и снова продолжает свой путь к Осирису, которого он ищет. Он наконец попадает в рай, чтобы вкушать там вечное блаженство и радость.

Но труд — эта вечная обязанность человека — неизбежен и в раю. Каждый должен там принимать участие в покосах хлеба, в собирании винограда, во вспахивании полей и рытье каналов. От этой работы должны освободить изображения „ответчиков" — окутанных саваном слуг, держащих земледельческие орудия и готовых повиноваться призыву своего господина:

„... О ты, ответствующий! Если призовут тебя от имени Осириса... исполнять все работы, какие потребуются в другом мире, возделывать поля, наполнять канавы водой, переносить песок с востока на запад — (ответствуй) „я здесь, я здесь".

Последние и конечные испытания загробного суда удается благодаря Книге Мертвых преодолеть усопшему. Перед Осирисом читает он свою отрицательную исповедь, ярко характеризующую глубину египетских моральных представлений.

„... Хвала вам, повелители Истины и Справедливости! Хвала тебе, великий бог, повелитель Истины и Справедливости!

Я пришел к тебе, господин мой; я предстал перед тобой, чтобы созерцать твои совершенства! Я знаю тебя; мне известно твое имя и имя сорока двух божеств, находящихся с тобой в храме Истины и

Справедливости, питающихся смертными останками грешников... Дух двойной, повелитель Истины и Справедливости—вот твое имя! Конечно, я знаю вас, я принес вам Истину; я отбросил всякую ложь ради вас.

Я никого не обманывал из людей. Я никогда не мучил вдовы. Я не лгал перед судилищем. Я не знал лжи. Я не делал ничего запретного. Я не заставлял рабочих трудиться сверх положенного. Я не был беспечен. Я не предавался праздности. Я не ослабевал и не падал духом. Я не делал ничего, противного богам. Я не вредил рабу во мнении его господина. Я не морил голодом, не заставлял плакать, не убивал и не подстрекал к вероломному убийству. Я не совершал подлогов, не способствовал уменьшению пожертвований в пользу храма, не похищал у мертвых ни провизии, ни их повязок.

Я не собирал мошеннических барышей. Я не изменял недобросовестно меры хлеба. Я не плутовал в игре. Я не делал злоупотреблений в полях. Я не обмеривал и не обвешивал. Я не лишал младенцев молока матери Я не охотился за священными животными на их пастбищах. Я не ловил сетью священных птиц. Я не удил священных рыб в их прудах. Я не мешал разливу воды, когда приходило его время, и не преграждал пути речным рукавам. Я не тушил священного огня не во-время. Я не нарушал священного круга во время избранных жертвоприношений. Я не угонял священных быков из их владений. Я не отталкивал бога в его процессии. Я чист! Я чист! Я чист!“

Он становится равен богам, и голос его раздается повсюду, ибо он исповедует истину: „Отдан приказ, чтобы он мог совершить все свои перевоплощения“.

Душа в загробном царстве пред лицом Осириса, владыки подземного мира.
(Миниатюра из Книги Дыхания Папирус Кернер Британского Музея).

„Он переступает врата неба, земли и ада, подобно душе Ра“. И, избирая свой удел, собственной волей соединяясь с Ра, воплощаясь в него, он садится в солнечную ладью; „боги окружают его и любуются им, ибо он стал одним из них“ [111].

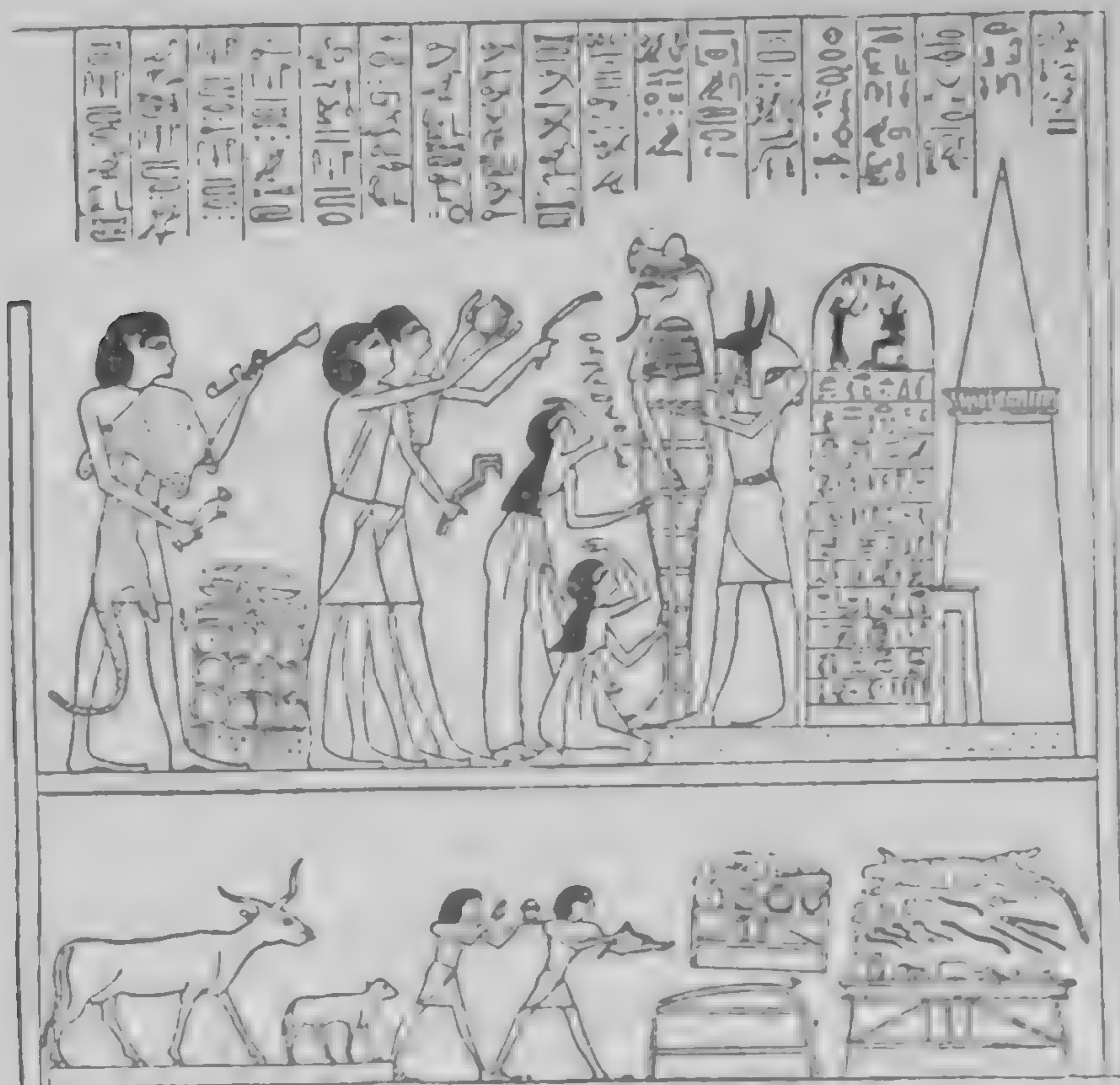
Но кроме практических указаний о том, как после смерти достигнуть вечного счастья, Книга Мертвых еще раскрывает тайны, к пониманию которых всегда стремится человек. Книга Мертвых учит познать то, что произошло вначале, когда „не было еще ни неба, ни земли, ни людей, боги еще не родились и не существовало смерти“.

Беспредельность была тогда наполнена водным хаосом — Нун. Дух первобытного бога Атума таил в себе нескончаемость творческой силы; и вот, нарушив собственный покой, он перешел в движение и произнес: „Гряди ко мне“,—и тотчас бесконечная сущность бога разделилась, став двойственной; так наряду с Атумом возник Ра, свет и солнце, самостоятельная и личная сущность, не отделимая от Атума

Это двойственно-единое божество создало два первичных элемента — воздух и огонь, Шу и Тафнуит, затем землю и небо в виде Сэба и Нуит. В этих двух парах впервые воплотилось мужское и женское начало. Воздух—Шу—разделил объятия Сэба и Нуит и заставил небо подняться над землей. Любовь этих двух начал породила Осириса и Исиду, Сета и Нефтис, а все остальные боги произошли от них.

Еще не было на земле ничего, но бог посмотрел на нее, увидал и назвал вещи по имени. И они возникли. И из глаз Создателя скатились слезы и обратились в людей.

„... О, ты, впервые открывшийся себе самому в те времена, когда не существовало ни одного бога, когда не было имени ни одному предмету... Отверз ты глаза твои, взглянул ими, и стал свет для всего мира... Бог, порождающий богов, людей и вещи!..“

Погребальные обряды и жертвоприношения
(Миниатюра из Книги Мертвых).

Мир не есть самостоятельная сущность. Он лишь отражение духа, созданная им форма. Поэтому в абсолютном нет ни прошедшего, ни будущего, потому что все времена заключаются в нем. Человек исходит из абсолюта и, становясь „я“, в то же время неразрывен

со всем. Он -бог и, совершая жизненные циклы, вновь возвращается к первоисточнику"[112].

Так бог, природа и человек в представлении египтянина сливались в одно неразрывное целое, и жизнь вообще приобретала характер вечного, не прерывающегося движения.

По образу Ра был создан первый человек, и первое время его жизни было счастливым, но случилось, что люди восстали против верховной воли. Тогда Ра, правивший миром, созвал совещание богов, чтобы решить участь восставших, и боги согласились истребить людей. Богиня-истребительница сошла на землю и опьянилась беспощадным убийством. Но Ра не дал уничтожить всех людей. Он помиловал их, и с этого времени учредили люди принесение жертв богам... [113]

Глава XI

ДЕЙР-ЭЛЬ-БАХРИ

Знаменитый храм Дейр-эль-Бахри расположен на каменном выступе у подножья высоко громоздящихся скал, глубоко в горах между Рамессеумом и Шейх-Абд-эль-Гурнэ. Это - прекрасное трехэтажное здание с пилонами, портиками, колоннадами и террасами. К пилону, образовывавшему передний фасад храма, некогда вела длинная аллея сфинксов; теперь все это погибло, и лишь в самое последнее время трудами „Управления Древностей" был реставрирован передний портик, возвышающийся на нижней, почти разрушившейся террасе. Значительно лучше сохранилась средняя терраса, разделенная пологим спуском на две

части; по сторонам расположены портики капеллы, украшенные цветными рельефами. Здесь изображены различные сцены, относящиеся к строительнице храма — царице Хатшепсут: Амон-Ра посещает опочивальню царицы-матери; Хатшепсут появляется на свет. Дальше божества воспитывают царевну; Тутмес I венчает ее короной Верхнего и Нижнего Египта, и она выступает в церемониальной царской одежде со свисающими хвостами шакалов и привязной бородой [111].

Сцены рельефов южного портика иллюстрируют предпринятую царицей экспедицию в страну Пунт. Эта экспедиция сыграла весьма важную роль в деле расширения географического кругозора египтян; целью ее было приобретение новых рынков для египетского капитала.

Египтяне прежде всего занялись привлечением на свою сторону предводителей, помощь которых обеспечивала им не прекращающийся приток людей как для пополнения войск, так и для обращения их в рабство; с помощью этих вождей очень удобно, конечно, было также вести и торговые дела.

Судя по изображениям Дейр-эль-Бахри, экспедиция Хатшепсут высадилась на открытом берегу или, что еще вероятнее, у устья реки. Здесь стоял туземный поселок; его своеобразные здания, водруженные на сваях — маленькие, похожие на ульи — имели небольшие входные отверстия, в которые проникали с помощью приставных лестниц.

Подтверждая теперешнее наше представление о глубоком и устойчивом консерватизме малокультурных народов, рельефы Дейр-эль-Бахри передают нам особенности тогдашней негритянской жизни, точно совпа-

дающей с тем, что мы можем наблюдать у них в наши дни. Три с половиной тысячи лет прошли здесь, ничего не изменив, ничего не прибавив. Те же хорошо известные нам передники, волосы, заплетенные в мелкие косички, многочисленные пестрые украшения были присущи им; неизменным, повидимому, остался и идеал негритянской красоты, воплощенной в фигуре жены одного из вождей — настолько массивной, бесформенной и заплывшей жиром, что ей было трудно передвигаться без посторонней помощи.

И, кажется, египтяне применяли тогда ту же хищническую систему торгового обмена с неграми, что и теперешние купцы. Черное дерево, золото и драгоценности, ладан, слоновую кость и мирру, шкуры пантер и разнообразных животных вывозили они оттуда, отдавая взамен пестрые лоскуты дешевой ткани, бусы, ножи, топоры—товары ничтожные по стоимости...

Рядом с южным портиком, симметрично с северной капеллой Анубиса [115], помещается часовня богини Хатор, частью углубленная в скалу.

Верхняя терраса обведена стеной, украшенной изнутри рельефами. Монументальные врата розового гранита ведут в гипостильный зал, располагавшийся некогда в средней части платформы и примыкавший к скале, в недрах которой высечено здание с куполообразным потолком.

Изображения богов, украшающие его стены, сделаны в различные эпохи; последние из них принадлежат Птолемею II Евергету; художественная ценность их значительно ниже более древних рельефов [116].

С боков террасы расположены два придела; один из них предназначался для хранения жертвен-

ных даров, а другой был посвящен Амону. Десять ступеней ведут к сохранившемуся здесь каменному жертвеннику бога.

В скалах Деир-эль-Бахри в одной из расселин находится замечательнейший тайник, открытие которого сделано было не археологами, а крестьянами селения Гурнэ, занимавшимися тайным грабежом гробниц.

Удачливые находчики не могли сразу вынести все ценности, хранившиеся в усыпальнице. В течение шести лет они, строго сохраняя тайну, постепенно вытаскивали сложенные там сокровища и распродавали их. Наконец в 1881 году их удалось выследить, как продавцов имущества, похищенного из неизвестной гробницы.

Следствие, начатое, по восточному образцу, с самой крайней решительностью, не сразу дало благоприятные результаты; но наконец угроза смертной казни, с одной стороны, и денежные награды—с другой, заставили их говорить, и они указали в одном из ущелий Ливийских гор глубокий подземный ход, ведший к гробнице.

Исследование тайника было поручено Эмилю Бругшу, стоявшему тогда во главе Каирского музея.

Гробница оказалась необычайной. Заключенные в великолепные гробы и саркофаги, лежали здесь царские мумии, беспорядочно расположенные в комнатах и коридорах тесного тайника, принадлежавшего первосвященнику Амона, Херихору, родоначальнику XXI династии.

Тут находились величайшие властители Египта, слава которых распространялась по всему миру; среди них были Рамсес II, Сети I, Тутмесы II и III и многие другие

Три тысячи лет тому назад тайно и поспешно были они перенесены сюда из своих подвергавшихся опасности ограбления усыпальниц и здесь замурованы, скрыты, сохранены от гибели.

Траурная барка повезла в Каир останки этих властелинов, и по пути следования их толпы феллахов собирались на берегу и, разрывая одежды, криками и плачем провожали мумии—совсем так, как провожают они своих близких и дорогих покойников.

Теперь нет египетского государства, сокровища его расхищены, народ беден, невежествен и угнетен чужестранцами, а фараоны лежат под стеклянными витринами музеев. И это все, что осталось от величия и могущества империи, повелевавшей миром.

В эпоху расцвета египетского государства фараон, сын солнца, воплощенный бог и неограниченный владыка страны, являлся абсолютным властелином Египта. Представление о его божественной власти уходило корнями своими в глубину религиозных мифов. Согласно им, первыми правителями Египта были боги, поочередно передававшие царскую власть своим сыновьям (Ра, Шу, Себ, Осирис-Уннофер, Гор).

Фараоны являлись прямыми наследниками и потомками божественной династии; в жилах их текла солнечная кровь; и, обожествленные еще при жизни, после своей смерти они становились богами, которым поклоняются, как и другим божествам. Абсолютная власть фараона являлась таким образом естественным следствием его божественного происхождения, бесконечно возвышавшего его особу над всеми другими людьми.

При фараоне состоял верховный визирь, возглавлявший собой весь бюрократический правительственный аппарат. Управление военными делами и руководство иностранной политикой в мирное время также входили в его ведение, в периоды же войны осуществлялись непосредственно царем.

Такая широта компетенции заставила в более поздние эпохи разделить должность визиря между двумя лицами, для которых однако был сохранен прежний титул. Визирь, управлявший севером, стал резидировать в Гелиополисе; визирь юга — в Фивах, главном городе государства и местопребывании царского двора.

Сфинкс-портрет Аменхотепа III.

Сановникам этим принадлежала высшая юрисдикция по всем делам и вопросам судебного характера; они наблюдали и контролировали все поступления и расходы государственного казначейства, возглавляли центральное административное управление, принимали доклады должностных лиц и делали соответствующие представления для высочайшей конфирмации. Этого мало; являясь высшей человеческой властью в стране (власть фараона была уже сверхчеловеческой, божественной, непогрешающей и непререкаемой), они вдавались также и в мелочи местного управления.

Сохранившиеся до наших дней инструкции определяют не только широту власти и компетенцию этих сановников, но и внешние формы ее проявления [117].

„...Визирь, слушая в своей зале, при всяком акте должен сидеть на седалище. На полу должен быть ковер, за спиной его подушка, подушка под ногами, в руках жезл. 40 кожаных свитков (свод законов) должны быть развернуты перед ним.

Вельможи юга стоят перед ним по обе стороны, начальник кабинета справа, докладчик — слева, секретари рядом... все на своих местах.

Каждый должен быть выслушан по очереди... Когда кто-либо скажет: „нет никого передо мной", он должен специальным чиновником представляться визирю. Визирю должно быть доложено о закрытии присутственных мест в такой-то час и об открытии их. Ему докладывается о крепостях юга и севера. Ему докладывается обо всем, выходящем из царского дома, и обо всем, входящем туда; ибо все входит и выходит через его чиновника для поручений. Ему докладывают о своей деятельности начальники отделов.

Визирь должен выслушать каждого просителя согласно закона, который у него в руках. Он призывает местных чиновников и рассылает их; они докладывают ему относительно своих районов. К нему поступает каждое завещание, и он прикладывает к нему свою печать.

Он заведует во всех областях участками земли...

Всякая просьба должна быть изложена письменно; не дозволяется просить устно. Всякое прошение на имя царя должно быть подано визирю. Визирь отправляет каждого курьера из дома царя к комендантам и управляющим сельскими местностями.

Он набирает войска и заведует царской охраной во время путешествий. Он составляет гарнизон южной

границы и двора согласно распоряжения царского дома... Все чиновники, от первого до последнего, являются в залу визиря, чтобы спросить его совета... Ему докладывается обо всем—о состоянии южной крепости и о всяком аресте...

Колоннада храма Эсне.

От него исходят все назначения для залы суда... Он составляет списки всех быков... Он наблюдает за каналами в первый день каждой недели (декады). Коменданты, старшины и все люди доставляют ему свои подати... Он заведует наблюдением восхода Сириуса [118] и поднятия Нила.

Ему докладывают о высоте Нила... Ему представляют отчет служащие во флоте, от высших до низших. Он скрепляет указы. Всякий доклад представляется ему привратником судебной залы... [119]"

Визирь в полном смысле слова был правителем своей области, и, конечно, его влияние на царя должно было быть огромным.

Подчиненные визирю более „специализированные" сановники возглавляли отдельные ведомства. Некоторые из них считались равными визирю по положению, хотя фактически зависели от него. Государственный аппарат, налаженный и регламентированный до мелочей, работал четко и точно. Учреждения имели строго определенные часы занятий; сношения между ними, доклады, всевозможные прошения и заявления облекались в установленную форму; старые дела хранились в архивах.

Широкая международная деятельность Египта с его блестящими завоеваниями и удачной внешней политикой, естественно, не могла не отразиться на быстром экономическом росте страны и в первую очередь на торговле с иностранными государствами.

Египет получает теперь из Сирии сырье разного рода, пшеницу, масло, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, строительный лес, пиво, вино, всевозможные продукты сельского хозяйства, а также слоновую кость, малахит, ляпис-лазурь, ладан и проч. Далее идут всякие металлы: золото, серебро, бронза, свинец, медь, главным образом в слитках или в виде изделий и даже монеты. Из Сирии же вывозятся колесницы, разного рода оружие и рабы.

Великая Хета, Вавилон, Финикия, Ассирия, Нахарина, Куш, Вават, Пунт [120], Крит и Кипр снабжают Египет своими лучшими продуктами, естественными богатствами и изделиями. Приходят в изобилии высоко ценившийся кедровый лес, черное дерево, слоновая кость,

драгоценные камни, золото, разнообразнейшие благовония, страусовые перья, шкуры пантер и других южных зверей, рабы, разнообразнейшие плоды и овощи, скот, цветные каменные вазы, благовонные смолы. Вывозятся издалека дикие звери, редкие растения.

Все эти товары шли морским и речным путем или караванами, и безопасность их гарантировалась сильным войском, флотом и хорошо организованной полицией. Правительство заботливо наблюдало за правильностью торговых сношений, чрезвычайно для него важных и выгодных, так как большая часть внешней торговли находилась в его руках.

Внутри самой страны промышленность поднялась на чрезвычайно высокий уровень, особенно в области металлургии, текстильного и керамического производства. Изделия египетских ювелиров не имеют себе подобных по богатству, вкусу, тонкости работы; то же следует сказать о широко распространенной художественной промышленности. Изготовление разнообразнейшей мебели, оружия, цветущее стекольное производство, деревообделочная промышленность, так же как и обработка пищевых продуктов—обогащали страну.

Все это, естественно, сопровождается ростом капитала, концентрирующегося в руках отдельных финансистов, жреческих храмовых коллегий и различных торгово-промышленных товариществ. Вводятся новые формы денежного хозяйства, бухгалтерской системы и кредитования.

Постоянно пополняющаяся казна позволяет начинать и проводить грандиозные постройки, украшающие страну и дающие постоянную работу наиболее необеспеченным классам населения.

Вместе с тем обостряются социальные противоречия и возникают конфликты между отдельными классами.

Таков Египет за три с половиной тысячелетия до наших дней.

Развитие государственности шло параллельно с общим ростом культуры и мысли. Зачатки ее относятся к временам глубокой древности; от этих эпох дошло до нас немало литературных произведений, и многие из них возникли гораздо раньше, быть может, еще в период доисторический. Наиболее поздние памятники письменности египетского народа относятся уже к III веку по Р. Х., да и возникшая затем коптская литература может рассматриваться как последняя завершительная стадия литературы египетской. Таким образом мы наблюдаем здесь историю письменности, которая по длительности не имеет другой, подобной себе.

Уже в архаические времена египтяне наряду с другими вещами клали в гробницы и книги, главным образом религиозного, но иногда и другого содержания. На стенах храмов помещались длинные надписи, повествующие о победах царей, и иные данные исторического характера (почти всегда отрывочные); здесь же находились мифологические ритуальные и религиозные тексты; до нас дошли также занесенные на дерево надписи и многочисленные написанные на папирусе [121] произведения самого разнообразного содержания.

Наиболее древними дошедшими до нас памятниками являются тексты пирамид, представляющие собой собрание магических формул, произнесение которых должно дать погребенному вечную и счастливую жизнь; здесь находим мы также и древнейшие погребальные ритуалы. Так называемый Палермский канон,

Отрывок иератического текста (магический папирус Harriss. Brit. Mus. Papyr. № 10042).

современный текстам пирамид, дает древнейшую летопись от периода раздельного существования двух египетских царств до V династии включительно. Встречаются надписи автобиографического и мемуарного характера.

Классическим временем египетской литературы считают обычно второй фиванский период, когда страна, освободившись от власти гиксосов, вышла на широкую арену международной жизни и начала свои блестящие завоевания, сопровождавшиеся экономическими победами и общим расцветом государства.

К этому периоду относятся литературные попытки разрешить вопросы о сущности вещей, о природе людей и богов, о жизни и бессмертии, о правде и справедливости. Другие произведения указывают на развитие политической мысли и носят обличительный характер; есть даже такие, которые угрожают царю возможностью социального переворота. Далее находим речи, посвященные справедливости суда, и многочисленные памятники дидактического характера, так называемые „премудрости" старых и более новых моралистов— Кагемни, Птахотепа, Дуалу и других.

Из произведений изящной литературы были распространены различные фантастические повести, рассказы о путешествиях, иногда облеченные в автобиографическую форму. Были очень любимы, повидимому, и живые реалистические романы в роде известного „Рассказа Синухета".

Этот Синухет был знатным египтянином, бежавшим от царского гнева за азиатскую границу и долго жившим между кочевниками; наконец он был амнистирован и вернулся на родину.

Очень распространенные сказки находили себе, кажется, многих читателей; особенной популярностью пользовался сборник, по форме своей напоминающий „Декамерон“ или „Тысячу и одну ночь“.

Поэзия эпохи была разнообразна по содержанию и часто облекалась в изящные, технически тщательно отделанные формы. Таковы многочисленные посвященные различным богам гимны; среди них особенно известны гимн Нилу и серия молитв, посвященных Атону. Оды в честь царей, написанные в обычном придворном стиле, воспевают их победы, мудрость и благодеяния, оказанные стране.

Меланхолические стихотворения „разочарованного“, „песни на арфе“ и другие посвящены философским размышлениям — то жизнерадостным, то мрачным.

„... Живи счастьем дня. Пусть ароматы и благовония
Неустанно услаждают ноздри твои, пусть гирлянды и лотосы
Украшают плечи и грудь возлюбленной твоей сестры.
Пусть раздается пение и музыка перед тобой;
Пренебреги злополучиями;
Не думай ни о чем, кроме наслаждений,
До того дня, когда придет пора причалить
К стране богини, любящей молчание...“

„...С кем поговорить мне сегодня? Братья злы, а нынешние друзья никого не любят. Сердца жестоки, каждый похищает добро своего соседа. Кроткий гибнет, сильный торжествует, нет больше праведника, грешникам принадлежит земля...

Исцелением от болезней кажется мне теперь смерть выходом на свежий воздух после горячки; ароматом лотоса кажется мне теперь смерть, отдыхом на

берегу страны опьянения, возвращением мореплавателя домой.

Смерть кажется мне теперь тоской человека по родному дому после многих лет плена" [122].

Лирические стихотворения носят то народный, то салонный характер; встречается немало песен эротического содержания.

От более поздних времен сохранилось большое количество писем, действительных или взятых лишь как форма для литературных произведений. Старинные сказания обрабатываются и облекаются в формы фантастических романов и сказок; некоторые из них очаровательны.

Магические представления ярко отразились в народной литературе, вообще склонной любить все чудесное и таинственное. Многое из этой фантастики воспринималось египтянами не как сказка, а являлось для них правдой, в действительное существование которой они так же верили, как верили в то, что если прочитаешь первое изречение книги Тота: „Заворожишь небо, землю, царство ночи, горы, воды; поймешь язык птиц и пресмыкающихся; увидишь рыб бездны, ибо божественные силы заставят их всплыть на поверхность воды..."—если прочтешь второе изречение, то, будучи уже в могиле, ты снова обретешь свою земную форму... [123]

Герой народных сказок совершает самые поразительные чудеса. Он отрубает человеку голову и заставляет ее жить; оживляет восковые фигурки, становится невидимым, читает запечатанные письма, не вскрывая их, даже останавливает течение реки [124].

Пищу для всей этой фантастики черпали из представлений о сверхчеловеческом могуществе людей,

обладавших магической силой. Таким считался, например, знаменитый Аменхотеп, сын Хапи; ему в царствование Аменхотепа III поклонялись при жизни, как могущественному, непобедимому магу.

Уважение к магии и вера в ее силу были глубоко заложены в сознании египтян и ярко окрашивали собой как соприкасавшуюся с ней религию, где на ряду с высокими философскими положениями и догматами сохранились магические принципы, так и науку, в особенности астрономию и медицину.

Довольно значительное количество сохранившихся до нас медицинских трактатов[12] позволяет судить о методах лечения, применявшихся египетскими врачами.

Аптека их состояла из большого количества растительных препаратов и минеральных веществ, на ряду с которыми применялись в чистом виде или вместе с лекарствами сырое мясо, сердце, печень, желчь, свежая или высушенная кровь различных животных и проч., и проч.

Медикаменты давались в растворе в воде или размешивались в пиве, в оливковом масле, в молоке или ячменном отваре. Иногда рекомендуются и такие своеобразные лекарства, как молоко женщины, родившей мальчика, мозг черепахи, старый козел, сваренный в оливковом масле. Эти последние лекарства носили, вероятно, уже магический характер.

Теоретическая медицина не сделала в Египте больших успехов, потому что религиозные представления строжайше воспрещали производить какие бы то ни было анатомические исследования; даже бальзамировщики, исполнявшие лишь установленные священными

обрядами действия, рассматривались как нечистые и преступники за то, что они делали надрезы на теле и нарушали его неприкосновенность.

„Медицинская практика... была разделена; каждый врач занимался лечением только одного какого-либо рода болезни: существовали врачи глазные, головные, зубные, врачи только желудочных или вообще внутренних болезней; их везде было множество“ [126].

Как практические врачи, египтяне славились во всем древнем мире. Они считались несравненными диагностами и не только хорошими терапевтами, но и опытными хирургами.

Примеры необычайного долголетия встречались в Египте чаще, чем где бы то ни было. Зависело это, быть может, от прекрасного климата страны, но сами египтяне да и греки объясняли это главным образом тщательным наблюдением за здоровьем.

Египтяне совершали ежедневно омовения, занимались гимнастикой и, считая, что все болезни человек получает через пищу, ежемесячно в продолжение трех дней производили очищение внутренних органов [127] по методу, указанному богом Тотом.

Причиной всех болезней считали действие злых сил и духов, проникших в человеческое тело. Поэтому наряду с лекарствами, направленными против физических проявлений болезни, прибегали к помощи магии, которая должна была поразить самую причину заболевания. Для этого применяли различные снадобья и заклинания: личность больного магически подменивалась личностью бога, имеющего власть над данной болезнью.

При болях живота, например, хорошо говорить: „Живот принадлежит Гору, говорящему с Исидой. Гор го-

ворит: „Я съел золотую рыбу Абт". Исида отвечает: „Если это так, боги придут тебе на помощь".

Дальше следует полумедицинский, полумагический совет:

„Натирать живот медом; мыть живот жидкостью, заключенной в сосуд, на котором изображены боги юга и севера — Ра, Гор, Тот, Тум, Исида, Нефтис, три ока Уза и три змея [128].

Против укуса скорпиона помогает упоминание случая, когда этим насекомым была укушена божественная кошка Баст, исцеленная затем богом Ра:

„О, Ра, приди к твоей дочери, которую ужалил скорпион на пустынной дороге. Ее крик достигает неба; яд разливается по членам ее, она прижимает к ним губы. Но Ра сказал ей: „Не бойся, не бойся, благородная дочь моя! Смотри, я стою за тобой, я устраняю этот яд, который во всех членах кошки..."

Только магические знания дают человеку возможность бороться с привидениями и мертвецами, выходящими из могил. Вот, например, соответствующие указания Лейденского папируса [129]:

„Если нападает мертвец вечером, когда раздеваешься, следует положить под изголовье человека (формулу): „Обаяние (такого-то) — обаяние Осириса; его верхняя губа — губа Исиды; его нижняя губа — губа Нефтис; зубы его, как мечи; руки его, как руки богов; его пальцы, как божественные змеи; спина его, как спина Сэба... Нет ни одного из членов тела его, которые бы не были как член одного из богов...

Слова эти для чтения их над амулетом, исцеляющим и чарующим члены тела человека и их недуги. Их надлежит читать, когда мертвец мужского или жен-

ского пола нападает на человека, который раздевается и увлекает его вечером, дабы мучить его".

Всякая мать должна с большой тщательностью следить за состоянием здоровья своих детей, потому что на них особенно часто нападают злые духи. Против них должна она повторять:

„... Уходи ты, ходящий во тьме, входящий крадучись; тот, чей нос позади его, тот, чье лицо обращено назад, не достигающий ничего своим приходом...

... Не пришел ли ты, чтобы поцеловать этого ребенка? Не позволю поцеловать его. Не пришел ли, чтобы заставить (его) замолчать? Не позволю заставить его замолчать... Не дам я отнять его от меня. Сделаю я амулет ему против тебя... [130]

Нет другой страны, где бы порядок и движение светил наблюдались с большей точностью, чем в Египте. Там сохраняются списки, в которые внесены все эти наблюдения за невероятное количество лет. Там есть сведения о соотношении между каждой планетой и рождением животных и о благоприятном или несчастливом влиянии светил... [131] В гробнице Осимандиаса в Фивах на террасе был золотой круг в 365 локтей в окружности, разделенный на 365 частей. Каждое деление обозначало один день года, а рядом записано закономерное восхождение и захождение светил с предсказаниями, какие связывали с этим египетские астрологи" [132].

Составление гороскопов и предсказания были широко распространены в Египте. Каждый год, месяц, час находился под влиянием какого-нибудь бога. Задача ученого заключалась в том, чтобы предусмотреть это, опираясь на астрологические наблюдения, насколько возможно отвратить несчастия и вызвать благоприят-

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

Иероглифическая транскрипция текста отрицательной исповеди
(из папируса царицы Нетчмет).

ные действия светил. Календари и расписание счастливых и несчастных дней, даваемых ими опасностей или радостей, удач и неудач значительно облегчали дело. В простых случаях довольно было посмотреть туда и найти запись под соответствующим числом: 6 паофи: „Благо, благо, благо, счастливый день в небесах. Кто родится в этот день, умрет в опьянении...“ 7 паофи: „Кто родится в этот день, умрет в чужой стране...“ 9 паофи: „Радость богов; люди празднуют, ибо повержен противник Ра. Кто родится в этот день — умрет в старости...“ 27 паофи: „Кто родится в этот день — умрет от крокодила...“ 5 Тиби: „Несчастье, несчастье, несчастье, несчастье не приближайся к женщинам; кто родится в этот день — умрет от любви... [133]“

Нередко магические действия не ограничивались произнесением формул и предписывали еще употребление различных снадобий из трав, ладана, хлеба, зерна, иногда с примесью крови того или другого животного, змеи, человека или даже с кусочками трупа [134].

На ряду со всем этим существовали еще многочисленные амулеты; действие их считалось решающим во всех затруднительных случаях.

Глава XII

ЭДФУ. АССУАН

Эснэ [135] — маленький городок с обычными глиняными домиками, узкими улицами и пестрым пыльным базаром. С реки, на западном берегу которой он расположен, он кажется очень живописным. Выстроенный во времена Птолемеев, храм поднимает капители своих

колонн и массивные каменные кровли над тесной путаницей его улиц.

Как и везде, стены святилища покрыты рельефами и пестрят гиероглифическими надписями; здание в значительной степени реставрировано и поддерживается в порядке.

Не расчищенная часть храма Эдфу

Знаменитый храм Эдфу [136] — предмет особых попечений „Управления древностей". Несколько десятков лет назад он весь, до самого верха, был скрыт под слоями мусора, из которого выдавались лишь одни высокие пилоны. Арабская деревня с житницами, скотными дворами, разными хозяйственными постройками и загонами для овец и коз располагалась над крышами храма; теперь все это снесено, мусор расчищен, про-

ведены обширные реставрационные работы; особенно кропотливы и затруднительны были работы по ремонту стены, окружающей храм с запада.

Бесценные рельефы, изображающие борьбу Гора против Сета, были иссечены на всем протяжении ограды. Выстроенная из песчаника, эта гигантская стена в двадцать метров высоты пошатнулась в своем основании и частью выпятилась вследствие оседания фундаментов.

Чтобы не испортить и правильно восстановить барельефы, нужно было перенумеровать все глыбы, из которых состояла стена, и, разбирая ее, класть в горизонтальном положении камень за камнем на прилегающем к храму пустыре. Затем можно было заново переложить фундаменты, и, когда наконец стена была вновь восстановлена, она имела точно такой же вид, как во времена Птолемеев.

Заново пришлось подводить фундаменты так же и под портик в западной части двора. Эти технически крайне трудные работы были блестяще выполнены архитектором Барсанти, применившим сложную систему лесов для поддержки плит потолка, архитравов и поддержки колонн.

Прекрасное здание открыто теперь во всем его величии. Вереницы зал, дворов, переходов дают впечатление полной сохранности памятника.

Восстановленные на местах барельефы, частично реставрированные, местами являют следы вандализма сменявшихся владетелей Египта. Испорчены головы изображений божеств, священных животных, фараонов; у большинства фигур разбиты кисти рук и ступни ног.

Само здание, чарующее красотой форм и пропорций, стройными колоннадами и портиками, невольно захватывает настроением, некогда одушевлявшим строителя этой каменной симфонии.

Кажется, что бег времени остановился в могучих стенах, и нет лучшего способа проникнуть в душу древней египетской культуры, чем простое пребывание в этом храме; он действует на сознание непосредствено и глубоко и невольно заставляет вспомнить старое эстетическое положение о том, что архитектура — это застывшая музыка...

Подгоняемая ветром, дахабиэ, покачиваясь и вздрагивая, плывет вверх по Нилу, стиснутому скалами Джебель Сильсилэ, поднимающимися друг против друга на расстоянии не свыше 300—400 метров.

В этом ущельи вода кажется черной, темно-синей, испещренной зелеными пенящимися змеями течения. В каменных стенах берегов зияют провалы древних каменоломен [1-7], откуда вывозились глыбы на египетские постройки. Высеченные на скалах надписи свидетельствуют о времени работ в этих карьерах и о целях, для которых предназначался вынутый камень. Здесь же находятся изображения богов, блюдущих охрану работ и охраняющих транспорт строительного материала. Под ярко-синим небом отчетливо выступают черные дыры ходов в гробницы и поминальные часовни, скрытые в недрах скал...

Даже здесь, на воде, в густой прибрежной тени жарко; ветер, надувающий паруса дахабиэ, не освежает — он насыщен жаром и кажется дующим из печи.

Дальше, где скалы расходятся, река снова становится шире и тени меньше; солнце льет раскаленный свет, от которого некуда укрыться. Река ослепительно блещет, точно поток расплавленного стекла. Каюта раскалилась, можно сидеть только под тентом, растянутым на носу яхты, где ветер кажется несколько свежее.

Растительность на берегах делается все более скудной и бедной; пепельно желтые полосы пустыни, сверкающие не меньше воды, окутанные дрожанием поднимающегося нагретого воздуха, местами подтягиваются к самой реке. Пространства плодородной земли все уже, и вместо работающих у шадуфов привычных бронзовых фигур арабов и феллахов все чаще попадаются негры, черные, курчавые, сверкающие белизной зубов и белков глаз.

Уже в Ком-Омбо чувствуется другой тон, другой уклад жизни, чем в Египте ниже Сильсилэ. Дома здесь еще более легки, еще более примитивны, а многочисленные негрские семьи зачастую довольствуются своеобразными постройками, больше похожими на загоны, чем на жилье человека.

Солнечная лень разлита по раскаленным улицам; голые фигуры сидят на корточках с трубками в зубах или лежат в тени. Некоторые имеют еще кое-какие признаки одежды в виде коротких передников или рубашек; другие, особенно в границах собственного жилья, с удобством обходятся и без этого.

В Ком-Омбо сохранились два древних храма, посвященных богу Себеку и выстроенных при Птолемеях. Они стоят на крутом берегу реки и частью уже обрушились; тонкий белый песок, заносивший их, теперь расчищен и берег укреплен.

В связи с перевесом негрского населения над арабским и феллахским язык страны меняется, и это чувствует ухо, даже мало знакомое с туземным говором. Берберийское наречие, все больше распространяющееся по мере углубления на юг, не так скоро позволяет к себе привыкнуть.

Приближение к порогам замечается по волнению, заставляющему дахабиэ чаще и сильнее вздрагивать и с плещущим шумом покачиваться на неровных волнах; слышный издалека слабый гул возрастает; зеленая вода делается неровной, бугристой, испещренной белыми клочьями пены; высокие, загибающиеся волны сложной путаницей бегут и сталкиваются друг с другом.

На восточном берегу у подножья скалистых гор появляется вереница глиняных строений; пышно распускается яркая зелень акаций, пальм, мимоз, перцевых деревьев; вдоль набережной белые фасады европейских домов тонут в благоухающих рощах апельсинных, лимонных деревьев, кутаются темной кожистой зеленью олеандров, огромными прозрачными листьями бананов:

— Ассуан.

Пристань полна шума, крика, пестрых красок и солнечного света. Черные и темно-коричневые негры в широкой пестрой фантастической одежде или почти голые; нубианки с бесконечным множеством туго заплетенных косичек, увешенные бусами, с браслетами на руках и ногах, с кольцами в ушах и в носу; феллахи в обычных своих костюмах, покрытые грязью дервиши и закутанные в белое арабы.

Продаются страусовые перья, звериные шкуры, рога, бусы, снизанные из раковин, корзины, сплетенные из разноцветной соломы.

Европейские туристы, одетые в колониальные костюмы, осматривают, покупают, иногда прибегают к помощи хлыста в качестве убедительного аргумента по отношению к следующим за ними по пятам нищим.

За европейским кварталом широко расположились арабские улицы и базары с верблюдами, несущимися вскачь маленькими осликами, сидящими у своих лавочек купцами, пестрыми товарами, толпами туземцев и детьми, кувыркающимися в горячей пыли. Порядок поддерживается полицейскими, вооруженными палками. В маленьких магазинах, завешенных коврами, между обычными яркими вещами почтенные копты продают благовония, прекрасные, тонко сработанные из серебра широкие тяжелые браслеты, перстни и ожерелья.

В частях города, населенных нубийцами, гораздо тише и больше лени. Хозяева сидят на корточках у своих домов-шалашей, обмазанных глиной, курят трубки с длинными чубуками и следят за мелким скотом, бродящим по улицам. Женщины что-то варят, кормят грудных детей или бегут, чтобы попросить бакшиш и предложить для продажи какие-нибудь безделушки. Танцовщицы с бубнами под аккомпанемент дудки исполняют свои несложные пляски в сумраке маленьких шалашей-кофеен, звенят браслетами и ожерельями, дополняющими их костюм в виде короткой бахромы, обмотанной вокруг пояса...

За городом — пустыня, раскалившаяся под солнцем, желтовато-серая, с воздухом, дрожащим от поднимающейся жары, с горячим, раскаленным небом, которое кажется свинцово-белым у горизонта.

Против города, обтекаемый рекой, лежит „остров цветов" (Джезире-эль-Захер) — Элефантина: самый юж-

ный пост древнего египетского царства и резиденция местных феодальных князей. Небольшая кирпичная крепость когда-то охраняла пороги. Здесь же находились базары; происходил обмен товаров между Египтом и Эфиопией. В торговых целях снаряжались отсюда экспедиции в глубину Африки за слоновой костью, золотом, благовониями, драгоценными породами деревьев, страусовыми перьями, звериными шкурами и обезьянами, которых любили в Египте. Иногда привозили также чрезвычайно ценившихся при дворе фараонов карликов из племен центральной Африки. Эти пигмеи были особенной редкостью, так как египетские экспедиции не часто проникали в глубину материка, где, по мнению жрецов, начиналась божественная река, ниспадающая с неба.

На западном берегу Нила, против острова, от исчезнувшей теперь набережной широкая, полуразрушенная каменная лестница ведет вверх к гробницам Элефантинских владетелей. Перед ними в скалах высечены площадки; узкие высокие входы ведут в склепы. Обширные гипостили украшены широкими внизу, суживающимися кверху колоннами; коридор ведет отсюда в небольшую погребальную камеру, где хранился саркофаг с мумией. Покрытые белой краской стены расписаны пестрыми фресками.

Княжеская резиденция Элефантины является теперь местом работ французской и английской археологических комиссий. Образовавшийся над городом холм по всем направлениям иссечен широкими и глубокими траншеями, обнажившими остатки стен, колонн и перекрытий. Скрытые глубоко внизу здания уже очищены от земли, но для того, чтобы осматривать их, надо спускаться вниз.

Открыты целые кварталы; между ними один, некогда заселенный иудейской колонией. Найдены драгоценнейшие папирусы, открыты остатки воздвигнутого Александром II Птолемеем святилища Амона и его гранитные ворота.

Раскопки на Элефантине дали материалы особенно ценные для освещения последних периодов существования Египта.

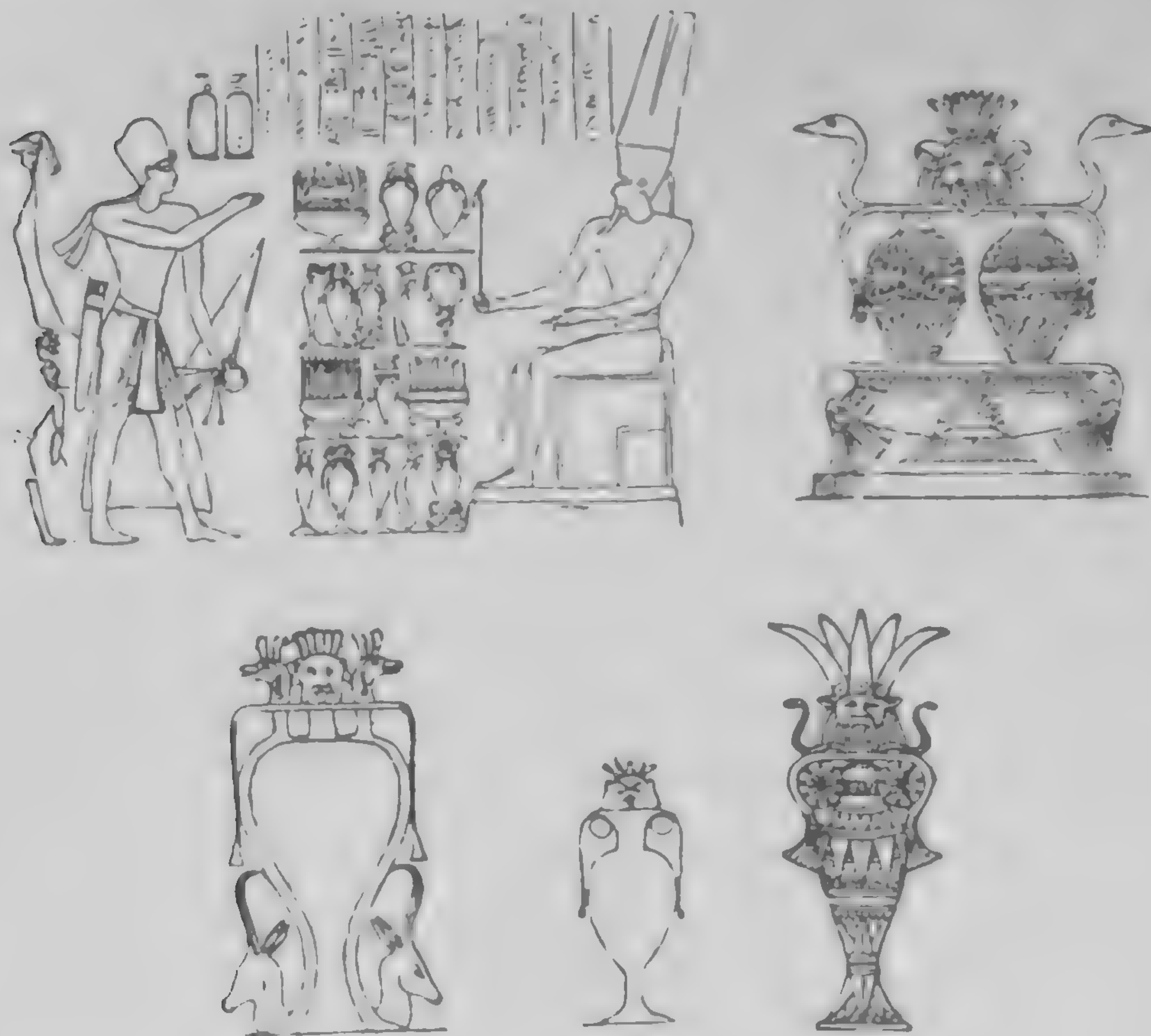
Этот закат угасающей цивилизации был ознаменован последней вспышкой, последним усилием народа к возрождению в так называемую Саисскую эпоху. Тогда новая династия, основанная Псаметихом I, князем Саиса [138], — освободила Египет от власти эфиопов, отразила натиск ассирийцев и, усмирив феодальных князей, восстановила в прежних формах мощь страны.

Национальное возрождение, естественно, заставило египтянина обратить свои взоры назад, к отдаленным моментам блестящего расцвета его родины, чтобы искать там свои идеалы. Отсюда тот архаизм в произведениях искусства, стилях, даже науке и религиозных культах, который связан с глубоким ученым исследованием минувших веков.

Кажется, что творческие силы народа изжиты, источники творчества исчерпаны, и если от этого периода и сохранилось до нас немало прекрасных памятников, истинных шедевров искусства, то все же в них больше старческой мудрости, тонкой техники и научно-исследовательской работы, чем молодого, свежего, непосредственного вдохновения.

Замечателен ригоризм, развивающийся в области религиозных и философских представлений; больше

чем когда бы то ни было защищают теперь все старые верования, все старые представления, как бы пытаясь закрепить уже отжившее прошлое.

Сосуды, украшенные изображениями бога Бэса.

И вместе с тем новое вливается все сильнее, просачивается через все поры, чувствуется, как историческая неизбежность. В Египте создается греческое войско, он пользуется финикийским флотом, эллинистические религиозные идеи странно смешиваются и уживаются рядом с древними традиционными представлениями.

Эпоха возрождения и реставрации — Саисская эпоха — полна противоречий, какого-то глубокого внутреннего разрыва, смятения, предчувствия неизбежности гибели.

И гибель пришла. Персы обрушились на Египет, и побежденная ими страна стала военной добычей Камбиза, обратилась в одну из областей Персидского царства.

Показателем некоторой жизненности страны и еще сохранившейся способности к сопротивлению являются те частые восстания и бунты, особенно жестоким усмирением которых прославился Ксеркс. Любовь к родине проявляется египтянами и в стремлении поддерживать и реставрировать заброшенные национальные святыни. Трогательным памятником этой деятельности является хранящаяся ныне в Берлинском музее надгробная плита какого-то семидесятисемилетнего старика Джед-Гор-Ефонха, восстановившего на свои средства посвященный богу Пта домовый храм в заброшенном Мемфисском дворце фараонов.

Дошедшие до нас интересные материалы свидетельствуют о том, что ненависть к персидскому владычеству была в Египте явлением общим для всех классов. Об этом говорит, например, знаменитый Страсбургский арамейский папирус, содержащий донос, сделанный в связи с вспыхнувшим в Египте восстанием, в котором приняли участие жрецы Элефантины.

„... В 14 году царя Дария, когда наш господин Аршак пошел к царю, вот злое дело, которое учинили в крепости Ием (Элефантины) жрецы Хнума... Есть один колодец, который сооружен внутри крепости и который доставлял всегда достаточное количество воды для питья войску, так что в случае, если люди бывали в осаде.

они пили воду из этого колодца. Эти жрецы Хнума закрыли этот колодец. Если дело будет разузнано судьями..., то господин наш узнает, что оно было так... как мы изложили...“ [139]

Восстания бывали небезуспешны, и предводители их иногда добивались признания себя правителями отдельных областей, пока наконец им не удалось образовать XXIX династию, удачно отразившую персидскую карательную экспедицию Артаксеркса II и продолжившую свою краткую, но славную деятельность в течение двадцати лет. Следующая династия пыталась держаться политики своих предшественников, однако новые удары уже раз навсегда сделали Египет добычей иноземцев.

Страна наводняется персами, финикиянами, греками, сирийцами, представителями различных семитических народов. Мемфисские раскопки Флиндерса Петри (1898 г.) устанавливают обширность квартала, занятого иностранцами, среди которых, по мнению этого исследователя, были даже индусы и скифы.

В Ассуане помещалась большая иудейская колония, имевшая военный характер и состоявшая из лиц, переселившихся сюда после разрушения Иерусалима Навуходоносором. Здесь, на Элефантине, был даже выстроен храм Иегове и существовало некоторое самоуправление; вообще колония представляла собой резко отличное от окружающего самостоятельное целое.

Многочисленные документы и деловая переписка этой колонии представляют высокий интерес для науки. В частности замечательны материалы, относящиеся к разрушению храма Иеговы жрецами Хнума, вероятно, отомстившими за сделанный на них донос

„К господину нашему Багою, наместнику Иудеи, твои рабы: Иедония и его товарищи, священники в крепости Ием...

В месяце Фамузе, 14 года царя Дария, когда Аршак ушел и отправился к царю, жрецы Хнума в крепости Ием заключили следующее соглашение с Вайдрангом, который был здесь правителем: „Храм бога Яху, что в крепости Ием, следует оттуда удалить“. Тогда этот проклятый Вайдранг послал письмо своему сыну Нефаяну, начальнику войска в крепости Сиэне, следующего содержания: „Храм крепости Ием следует разрушить“.

Нефаян привел египтян и других солдат; они явились в крепость Ием с орудиями, вторглись в храм, разрушили его до основания и разбили каменные колонны, которые там находились, равно как и пять каменных врат, бывших в этом храме — они их разрушили — и деревянные двери, и металлические углы этих дверей, и крышу, состоявшую целиком из кедровых бревен... и все другое, что там находилось, они сожгли огнем...

Еще во дни египетских царей отцы наши выстроили этот храм в крепости Ием. Когда Камбиз вступил в Египет, он уже нашел этот храм выстроенным; храмы египетских богов были все разрушены, а в этом храме никто ничего не повредил...

Обрати внимание на получающих твои благодеяния и милости, находящихся в Египте. Да будет послано от тебя письмо к ним относительно храма бога Яху, чтобы он был снова выстроен в крепости Ием, как и раньше....

Относительно золота мы послали и известили. Равным образом обо всем мы сообщили в письме от нашего имени Делае и Шелемае — сыновьям Сана-

валлата, наместника Самарии. Ничего не знает о том, что нам причинено, и Аршак. 20 мархершвана в 17 год царя Дария“ [110].

Недалеко от Ассуана, у порогов, там, где речной берег поднимается острыми скалами, высятся великолепные руины старого коптского монастыря.

Возникший в первые века христианства, он давно заброшен и предоставлен разрушению. Выстроенный из темного крупного кирпича, окруженный фортами и башнями, делающими его похожим на крепость или замок, он тремя этажами поднимается вверх по склону горы. Окружавшие его стены частью разрушились, но укрепленное здание, составляющее центр монастыря, сохранилось довольно хорошо.

Широкие ворота в виде арки, проложенные под массивной башней, ведут во двор, заваленный грудами камней обвалившихся сводов. На обширных террасах размещаются монастырские постройки: в середине — развалины церкви, кое-где сохранившей свою роспись; трапезная и кельи находятся в главном крепостном здании; тут же обширный продолговатый зал с давно обвалившимися потолками; рядом небольшая часовня. Кельи похожи на гробы, темные, узкие, маленькие, с низкими дверями, пробитыми в массивных каменных стенах.

Развалины производят впечатление тихой и печальной торжественности, а в широких перспективах, развертывающихся отсюда, виднеются великолепный Нил, темные скалы порогов, зеленые береговые заросли и за рекой — уходящая в даль бесконечная пустыня...

Наименование „копты" употреблялось арабскими писателями для обозначения египтян-христиан и с XVII века вошло во всеобщее употребление в Европе. Корень этого слова (употреблялось также в форме коптиты) ведет свое происхождение от греческого названия страны — „Египет" [141].

До настоящего времени копты сохранили глубокие черты сходства со своими отдаленными предками, которых они напоминают лицом, характером и общим строением тела. Если теперь, так же, как и феллахи, копты стоят на весьма низком культурном уровне, то прошлое их, хотя и не может быть сравниваемо с великим расцветом древних фараоновских времен, все же представляет значительный интерес и хорошо отражено в их обширной литературе и разнообразных трудах научного, исторического и богословского характера [142].

Быстрая христианизация явилась новым стимулом борьбы Египта с его римским правительством [143]. Жестокие казни и преследования Диоклитиана оказались бессильными, и в 284 году Египет был объявлен самостоятельным. Однако уже через двести лет религиозные раздоры охватывают страну; взаимная вражда обостряется настолько, что принимает характер народных возмущений, подавляемых лишь силой императорских войск.

Все эти бедствия, так же, как и персидское нашествие 619 — 629 гг., заставили страну, окончательно обессиленную и обнищавшую, спокойно и без всякого серьезного сопротивления отдаться в руки арабов, начавших свое великое наступление под зеленым знаменем Магомета.

Новая власть первоначально не была слишком тягостна для населения. Копты обладали массой школ,

имели доступ ко двору, и религия их не преследовалась. Но уже с VIII века давление сделалось настолько тяжелым, что вызвало ряд восстаний, имевших однако своим результатом еще большие притеснения, обрушившиеся на коптов и продолжавшиеся почти до XVI века.

Коптский язык был изгнан из употребления, монахи туземных монастырей обязаны были носить особое клеймо и платить непомерно высокие налоги. Разрушались и сжигались церкви, практиковался насильственный перевод в ислам. В отличие от мусульман коптам разрешалось ездить только на ослах и мулах, и они обязаны были носить особое платье темно-голубого цвета, черные тюрбаны и деревянные кресты на шее весом не менее двух килограммов.

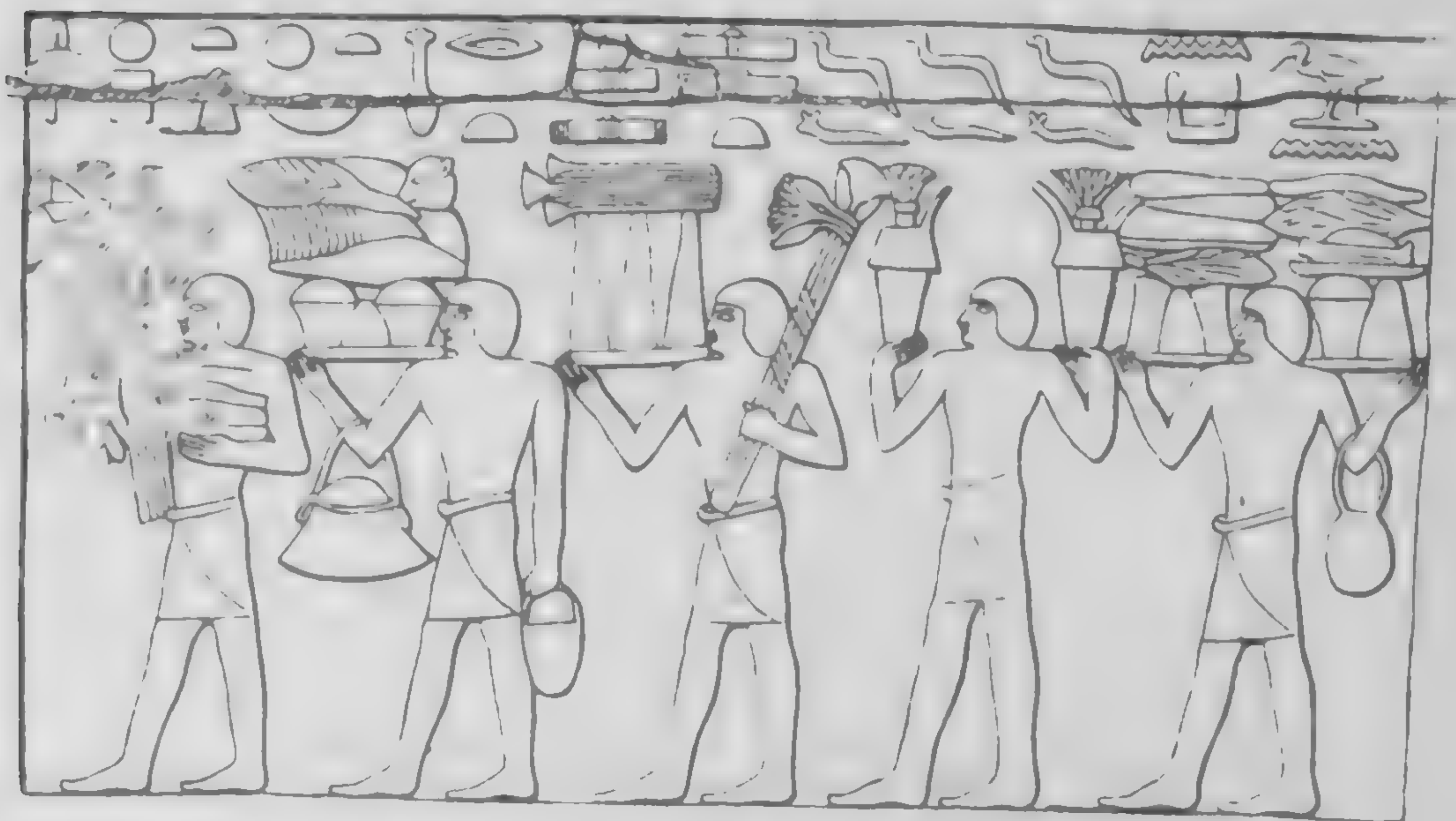
Турецкое владычество несколько облегчило участь коптов. Однако население к этому времени находилось уже в глубоком упадке, язык его был полузабыт, последние следы старинной образованности стерты.

Английская оккупация 1883 года первоначально принята была ими сочувственно. Однако давление захватчиков скоро дало себя знать...

У современных коптов довольно светлый, хотя и смуглый цвет кожи, большие черные блестящие глаза, яркие, несколько толстые губы и курчавые волосы. На руке носят они обычно изображение голубого креста; европейские одежды, своеобразно переиначенные, все больше распространяются между ними, хотя многие продолжают еще сохранять свой старинный костюм.

Истинные потомки бюрократического Египта, копты до настоящего времени сохранили исключительные чиновничьи способности. Даже во времена арабских гоне-

нии правительство должно было пользоваться их работой в этой области; теперь же они наполняют собой все канцелярии страны. Очень деятельные и трудолюбивые, они занимаются разнообразными ремеслами, славятся как тонкие ювелиры и несравненные переписчики. Они занимаются также земледелием и нередко

Процессия жертвоприносителей (из мастабы Гемникаи)

разнообразными торговыми операциями, составляют себе значительное состояние, несмотря на то, что конкуренция с европейскими господами страны очень трудна.

Быстро вырождаясь, копты вымирают, и число их становится все меньше. По сохранившимся сведениям, число их в VI веке достигало 5 миллионов, теперь же оно не превышает трехсот тысяч.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА

Начало изысканий, окончившихся открытием гробницы Тутанхамона, относится еще к 1914 году, когда английский исследователь лорд Карнарвон и американский египтолог Говард Картер получили концессию (исключительное право) на производство раскопок в „Долине Царских Гробниц".

До 1917 г. работы велись с перерывами вследствие обстоятельств военного времени. С этого же года приступлено было к планомерной расчистке и уборке нагроможденных здесь гор щебня. Работы эти, дорогие и утомительные, давали однако весьма умеренные результаты, так что в 1922 г. решено было продолжить их еще на один зимний сезон и затем перенести деятельность в другое место.

В начале ноября 1922 г. после удаления последнего слоя щебня и стоявших на нем остатков древних хижин, служивших жилищем для рабочих, занятых некогда сооружением гробницы Рамсеса VI, наткнулись совершенно неожиданно на высеченную в скале ступеньку ведущей вглубь лестницы.

Ход шел под склон холма, где он был сначала отчасти, а затем вполне перекрытым, образуя подкоп высотой в 3 и шириной в 2 метра. Вся лестница заключала в себе 16 ступеней и подходила к замурованному, заделанному известью входу, на котором были наложены печати царского кладбища.

Подробное исследование установило, что вход был проломан, снова замурован и на этих вновь заложенных частях были помещены печати кладбища; там же, где вход был не тронут, печати носили имя Тутан-

хамона, что давало основание считать гробницу усыпальницей этого царя.

Становилось ясным, что проломы в каменной кладке входа в гробницу Тутанхамона были сделаны грабителями, последовательно два раза проникавшими туда; затем они были заложены и опечатаны представителями охраны кладбища, из чего можно было заключить, что произведенное освидетельствование установило лишь частичное расхищение.

Впоследствии удалось определить, что ограбление имело место через 10—15 лет после погребения фараона, т. е. во время правления Хоремхеба — первого царя XIX династии.

25 ноября была удалена замуровка двери и открыто начало ведущего вниз хода, имевшего около 10 метров длины, 2 метров ширины и 2 метров высоты. Он был весь заполнен щебнем, имевшим целью затруднить доступ к находившемуся в конце его второму входу, также носившему на себе следы работы древних грабителей, и печати, наложенной после закладки проломов. Вход был разобран, и исследователи проникли в комнату размером приблизительно 4 на 8 метров. Среди заполнявших ее вещей оставался лишь узкий проход.

Вдоль западной стены комнаты располагались три больших ложа, бока которых изображают фигуры животных; на первом были львиные головы, на втором — коровьи, на третьем — головы фантастических зверей, представляющих соединение бегемота и крокодила. На ложах, под ними и вокруг них были тесно навалены и нагромождены различные вещи: кровать из черного дерева и плетенья, на ножной спинке которой вырезаны домашние боги; на ней куча великолепно разукрашенных жезлов, колчан со стрелами, луки; из них некоторые украшены изумительной отделкой зернью.

Между кроватью и ложем стояли светильники из бронзы и золота, жертвенный сосуд и ларчик, заключавший в себе усеянное золотыми и серебряными

звездами жреческое облачение из леопардовой шкуры с вызолоченной головой леопарда; большой скарабей из золота и лазурной пасты, золотая пряжка с тончайшими украшениями зернью, массивный золотой скипетр, драгоценные кольца, ожерелья, ювелирной работы воротнички.

Дальше стояли сундук, содержавший алебастровые и стеклянные вазы; черные, украшенные золотом шкафчики, шкатулки, стулья, скамеечки, инкрустированные слоновой костью и черным деревом. В длинном ящике, беспорядочно смятые, лежали одеяния и под ними собрание жезлов, луков и стрел с отломанными наконечниками, вероятно, унесенными грабителями.

Ларцы, кресла из кедрового дерева, сундуки с нижним платьем почти скрывали трон, изумительный по красоте и роскоши отделки.

Около трона скамейка для ног, художественной работы табуреты; в шкафообразном сундуке с двойными дверями, сплошь покрытом толстым листовым золотом с рельефами, изображающими сцены из повседневной жизни царя и царицы, находилась подставка; на ней раньше стояла золотая статуэтка царя, вероятно, похищенная грабителями; великолепное ожерелье лежало здесь же — лишнее доказательство торопливости работы воров, которым, повидимому, помешали.

Вдоль восточной и южной стены лежали в беспорядке разбросанные части украшенных золотом колесниц, покрытых узорами и инкрустациями. Между ними находились богато орнаментированная конская сбруя и разные вещи — алебастровые сосуды, жезлы, луки, опахала, сандалии и проч. В общем комната содержала около 600 — 700 предметов.

Прямо против входа в северной стене находилась замурованная, запечатанная дверь; по обе стороны ее друг против друга стояли, как часовые, две черные статуи царя в натуральную величину в золотых передниках, в золотых сандалиях, с палицей и жезлом в руке, со священным уреем на лбу.

Внизу двери были следы впоследствии заложенного пролома. Под одним из лож, у западной стены комнаты, находилась в стене небольшая правильная дыра; она была проделана в запечатанной двери, но почему-то ее не замуровали подобно прочим.

В этой боковой комнате, сильно пострадавшей от грабителей, вещи были навалены беспорядочными грудами; крышки сундуков и ларцов откинуты; содержимое их разбросано. Повидимому, после ограбления все это было оставлено нетронутым, тогда как в первой комнате вещи были приведены в относительный порядок.

Сохранилось множество предметов огромной художественной и материальной ценности; среди них имеются вещи, подобные находящимся в передней комнате, хотя большую часть составляют предметы более мелкие. Разборка, переноска и консервирование инвентаря передней комнаты заняли несколько месяцев, и к вскрытию запечатанного входа царской погребальной камеры, „Золотого зала", было приступлено только 17 февраля. Оно было произведено в торжественной обстановке, и к участию в нем были приглашены ученые специалисты и официальные лица.

За дверью оказалось помещение, почти все занятое сооружением ящикообразной формы 5 метров длины, 3,3 метра ширины и 2,73 метра высоты. Вокруг него оставался лишь узкий проход шириной приблизительно около 65 сантиметров. Это был наружный царский саркофаг. Сверху он был покрыт золотом, по сторонам находились инкрустации из блестящего фаянса, изображавшие магические знаки, которые должны были сообщить саркофагу крепость и безопасность. На полу вокруг стояли погребальные приношения.

Стены комнаты были покрыты пестрой росписью, чрезвычайно сходной с росписью гробницы фараона Эйе и близкой к Амарнской традиции (стиль Эхнатона).

В восточной стене комнаты низкий не запертый и не запечатанный вход вел в небольшую камеру, заклю-

чавшую величайшие драгоценности гробницы. Здесь стояли наосы и золоченые гробики, содержавшие в себе ушебти, великолепные ларцы и сундуки с драгоценными изделиями, изваяние Тутанхамона, стоящего на черных леопардах, много ладей и моделей кораблей отличной отделки, с полной оснасткой и хорошо сохранившимися парусами.

Посредине редкой красоты большой шкафообразный ларец, покрытый золотом и украшенный карнизом царских змей, заключал в себе канопы (погребальные сосуды, содержащие внутренности умершего, извлеченные при бальзамировании и хранившиеся отдельно).

В восточной стене наружного саркофага помещались большие двухстворчатые двери, запертые засовами и замками; за ними находился второй саркофаг с такими же дверями, только запечатанными. В целях исследования пришлось удалить стену, отделявшую первую кладовую от погребальной комнаты; затем с величайшей осторожностью приступили к разборке огромного саркофага, разделив его на панели, каждая из которых весила около тонны. Таким же способом было разобрано и второе сооружение; над ним находилась надстройка с натянутым на ней огромным полотняным покровом, зашитым бронзовыми золочеными розетками.

Таким образом были вскрыты четыре саркофага, все не тронутые грабителями, с наложенными на них печатями Тутанхамона.

Под ними находился каменный саркофаг из желтого кристаллического песчаника 2,75 метра в длину и 1,47 метра в ширину и высоту. Черная гранитная крышка в полторы тонны весом покрывала его; четыре богини, покровительницы усопших, изображенные по углам саркофага, должны были охранять покой мумии.

Под каменной крышкой и полотняными покровами лежал великолепный человекообразный гроб, деревянный, покрытый золотым чеканным листом, с лицом и руками,

сделанными из бледного золота, заключавшего значительную примесь серебра. Гроб покоился на вызолоченном ложе с изголовьем, украшенным головами львов.

Между стенками внешних саркофагов помещался разнообразный инвентарь культового характера и личные вещи царя. Здесь были великолепные сосуды из прозрачного алебастра, лампы, вазы для благовоний и притираний, все еще сохранившихся и благоухавших; весла для плавания покойного в потустороннем мире, церемониальные жезлы и посохи, религиозные эмблемы, опахала, золотые ларцы, военная серебряная труба, простые глиняные остродонные сосуды, снабженные надписью: „Год пятый, мед (вино) дома Тутанхамона“.

Вскрытию заключенных один в другом трех человекообразных гробов была посвящена зима 1925—26 года. Первый из них, о котором уже говорилось выше, имел длину 2,25 метра. Брови и орбиты глаз золотого лица инкрустированы здесь синей стеклянной пастой, глаза—аррагонитом и обсидианом; жезл и бич в царских руках украшены темноголубым фаянсом, бусами бирюзового цвета, ляпис-лазурью и сердоликом. На священном урее, украшающем спереди головной убор, висел маленький веночек из сшитых между собой лепестков голубого лотоса, еще сохранивших свои цвет и форму,— как думает Г. Картер — последний дар Анхеспаамон, молодой вдовы царя.

В первом гробу, плотно вставленный в него, находился второй, такого же вида. На нем лежал покров и гирлянда из оливковых и ивовых ветвей, голубых лотосов и васильков. В нем заключался последний гроб, длиной около 1,85 метра и весом около 4,5 центнеров чистого золота, представляющий собой подлинное чудо ювелирного искусства.

Материальная ценность золота, потребовавшегося на его изготовление, превышает 500000 рублей. В него инкрустированы бирюза, ляпис-лазурь и сердолик.

Под крышкой золотого саркофага, над лицом и плечами мумии, лежала драгоценная, инкрустированная

цветными камнями маска — точное портретное изображение лица царя.

Пелены и бинты, обвивавшие мумию, были пропитаны благовониями и перевиты золотыми лентами, украшенными священными надписями. Голову мумии покрывал атеф (головной убор в форме короны Осириса), над ним находилась диадема из золота и сердолика, ниже ее — золотая полоса, сдерживавшая царский головной платок, под которым шли опять пелены, тонкие, в роде современного батиста; под ними золотая кованная лента стягивала чепец, украшенный уреем.

Широкие ожерелья и амулеты лежали на груди и на шее. Общее число предметов, находившихся на мумии, достигает 143 — подвески, золотые браслеты, два раскошной отделки кинжала, золотые трубки, в которые были вставлены сильно поврежденные хвосты шакала (необходимая принадлежность царского убора), золотые кованные сандалии на ногах и золотые же футляры на пальцах рук и ног мумии. Голова мумии была обрита, ноздри заткнуты, глаза прикрыты кусками ткани, пропитанной смолами.

Хорошо сохранились длинные ресницы; слегка вздернутая верхняя губа немного открывает зубы. Уши прекрасной формы, череп, широкий с выпуклым затылком, чрезвычайно напоминает череп Эхнатона, подтверждая уже ранее высказанное мнение о их близком родстве.

Царю было 18 лет; он был очень худощав, ростом немного больше 1,64 метра. Он умер и был погребен, вероятно, в июле месяце, потому что только в это время в Египте цветут васильки.

Значение открытия гробницы Тутанхамона для истории Египта, конечно, огромно. Не меньшее значение имеет оно и для истории внешней культуры и искусства. Здесь обнаружены вещи, известные нам раньше только из описаний или по отдельным изображениям.

Наконец многое из найденного представляет неизмеримую ценность как памятники чистой красоты и высочайшей художественной техники, которые с полным правом займут свое место среди шедевров мирового искусства [144].

Не прекращающиеся в Египте раскопки каждый год обогащают науку все новыми и новыми данными. Открытия делаются в самых различных районах, и каждое из них представляет значительную важность не только для египтолога-специалиста, но и для всякого вообще человека, интересующегося историей культуры.

К сожалению, ни объем, ни характер нашей книги не позволяют нам дать хотя бы краткий обзор этих работ и исследований. Нельзя однако не упомянуть об одном из них, которое хотя и не дало таких богатых находок, как гробница Тутанхамона, но тем не менее является открытием первостепенной важности. Это—открытие гробницы Хетеп-Херес, сделанное американским ученым Рейснером в марте 1925 г.

Работы, увенчавшиеся этой находкой, были начаты экспедицией Бостонского музея изящных искусств в 1902 г. Они производились в районе Гизэхских пирамид и охватили почти две трети древнего некрополя.

Первоначально огромные усилия были затрачены на удаление масс песка и каменных обломков, загромождавших улицы этого города мертвых. Результаты работ не были однако значительными. Почти все исследованные гробницы оказались уже разграбленными; исключение представляла лишь мастаба Импи, начальника общественных работ времен Пепи II.

Гораздо продуктивнее оказались работы в восточном кладбище, начатые осенью 1924 г. Здесь были открыты и исследованы глубоко лежащие части поминального храма Хуфу и каменная дорога, соединявшая сооружения пирамид с расположенным в долине храмом.

Большая часть мастаб и небольших пирамид, находящихся на этом кладбище, оказалась расхищенной

Однако среди них удалось найти одно погребение, вход в которое был скрыт в скале, плотно заделан турраxским известняком и завален грудами строительных обломков.

Обнаружено оно было почти случайно фотографом экспедиции, обратившим внимание на толстый слой штукатурки, покрывавшей часть южного края каменоломни.

Когда приступили к исследованию, удалили штукатурку и каменную закладку, удалось обнаружить лестницу, идущую через туннель в глубокую прямую шахту, сплошь заваленную камнем. Во время расчистки, потребовавшей 12 дней работы, на глубине 9 метров в одной из стен колодца была обнаружена ниша, содержавшая в себе остатки жертвенных приношений: здесь помещались 2 кувшина от пива, череп и 3 ноги быка, завернутые в цыновки. На глубине 12 метров попадалось большое количество черепков красной полированной глиняной посуды; такие же обломки были встречены и на глубине 22 — 25 метров; вероятно, это остатки сосудов, применявшихся для приготовления цемента.

На глубине 25 метров находился вход в погребальную камеру. Там стоял совершенно нетронутый алебастровый саркофаг, окруженный множеством различных вещей, положенных в гробницу. Здесь находился великолепный балдахин, составленный из 26 деревянных стержней, обделанных золотом, украшенных иероглифическими надписями имен и титулов фараона Снофру. На носилках, украшенных золотыми иероглифами, надпись гласила: „Мать царя Верхнего и Нижнего Египта, последовательница Гора, спутница правителя, возлюбленная госпожа, каждое слово которой исполняется, дочь бога от плоти его Хетеп-Херес".

Эта Хетеп-Херес, как думает Рейснер, была дочерью последнего фараона III династии Хуни, женой царя Снофру и матерью фараона Хуфу.

Заключающий в себе мумию царицы саркофаг еще не вскрыт; вероятно, он содержит в себе также немало

художественных и исторических ценностей. Однако и те предметы, которые найдены вне его, представляют высокий интерес. Между ними следует отметить золотую столовую посуду, медные кувшины и миски, разнообразную керамику и изящные алебастровые сосуды, некогда заключавшие в себе ароматические масла.

Помимо художественной ценности обнаруженных в гробнице вещей, они представляют для нас совершенно исключительный интерес как исторические материалы для отдаленной эпохи IV династии (2900—2750 лет до нашей эры).

К этому моменту страна приобрела уже характер строго централизованной бюрократической монархии. Развились сложные формы социальной и культурной жизни; общество распадалось на резко разграниченные классы. Однако от этого времени дошло до нас лишь очень небольшое количество памятников.

При такой скудости материалов открытие гробницы Хетеп-Херес приобретает для нас особенное значение, но оно пока не может быть должным образом оценено, т. к. обнаруженные в гробнице предметы еще не исследованы и не изданы [145].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Геродот — сын Ликса, знаменитый историк древней Греции, по справедливости именующийся отцом истории. Происходя из Карийского Галикарнаса, он жил приблизительно между 485 и 425 годами до Р. Х. и принадлежал к партии, боровшейся против правительства тиранов.

За время своей жизни Геродот совершил несколько путешествий в различные страны Европы и Азии, посетил Египет, везде собирая материалы по истории, этнографии, литературе, быту и географии Все это послужило для составления „Истории“ Геродота, которая представляет собою повествование, излагающее собранные им сведения, сопровождаемые критическими замечаниями автора. Весь труд делится на девять книг; первая половина содержит в себе рассказы о возвышении Персидского государства, о Вавилоне, Ассирии, Египте, Ливии и проч. Вторая половина посвящена последовательному историческому повествованию о греко-персидских войнах до занятия эллинами Сеста, т. е. до 479 г. до Р. Х. Особенный интерес представляет для нас II книга „Истории“, посвященная Египту.

[2] После смерти Александра Македонского в 323 году последовал раздел входивших в его монархию стран, и Птолемей, сын Лага, один из видных полководцев умершего царя, получил в удел Египет, под именем Птолемея I он принял в 306 году царский титул. Утвердив свою власть над страной рядом мероприятий, он сделал попытки расширить границы египетских владений за счет Кирены, Сирии и Ликии.

Его резиденция Александрия (город, основанный Александром в 332 году) сделалась крупным просветительным и административным центром. Здесь по инициативе Птолемея было положено основание Публичной библиотеки и Музея, сделавшегося академией наук, куда мыслители, ученые и поэты стекались со всего тогдашнего мира.

[3] Манефон — первосвященник и секретарь египетских храмов во времена Птолемеев I и II.

Большая часть приписываемых ему сочинений потеряна — таковы „Краткая физика“, „О праздниках“, „О старине и благочестии“, „Про-

тив Геродота". Сохранились до нас шесть книг астрономического содержания и особенно важная для науки работа „Египетская история", в которой Манефон на греческом языке изложил прошлое своей родины.

Работа эта однако не пользовалась известностью в древнем мире и сохранилась только в извлечениях у Иосифа Флавия и христианских писателей, Евсевия и Африкана.

Несмотря на значительные неверности и различные искажения, сделанные переписчиками, сочинение Манефона является важнейшим документом, который до последнего времени кладется в основу всех исторических исследований о Египте.

Отрывки Манефона изданы Muller'ом (Fragmenta historicorum, II, 511), Bockh'ом (Berlin, 1845), Lepsius'ом, Unger'ом и другими.

[4] Гиероглифы—греческое название знаков, служивших для начертания древне-египетских надписей.

Египтяне не остановились, подобно китайцам, на выражении понятий рисунками предметов или, подобно ассирийцам, на изображении одних только слогов. Им удалось, сохранив оба эти начала, положить основу и алфавита в нашем понимании. Таким образом египетское письмо распадается на три группы знаков: I—алфавитные (более 24), первоначально они изображали, как и в семитических языках, исключительно согласные буквы. II—силлабические, сначала изображали отдельные понятия, но потом сделались знаками слов и слогов, входивших в них. III—идеографические, т. е. знаки, выражающие целые понятия.

Число знаков, входивших в две последние группы, очень велико (около 700). С течением времени принцип изображения слогов (силлабический) получал все большее распространение, тогда как более ранние периоды предпочитают пользование алфавитными знаками. В позднейшие эпохи в связи с любовью к усложнению появляется так называемое „энигматическое письмо", приобретающее ребусообразный характер.

Между словами, начертанными гиероглифами, ставятся нередко „определительные знаки", облегчающие чтение, они же разделяют их между собою. Письмо располагалось различно: в горизонтальном и вертикальном направлении, и писались гиероглифы то справа налево, то наоборот.

[5] Источниками местного происхождения, кроме Манефона и Гораполлона, следует также считать отрывки Аппиона, Херемона, Германиона и др. Среди источников иностранных особенно важной является, конечно, библия, в частности книга пророков. Дополнением к библейским сведениям служат ассиро-вавилонские летописи, говорящие о походах Саргонитов на Сирию и Египет во времена последней ди-

настии. Далее следует указать Иосифа Флавия, который в своей полемике с Апионом разбирает вопрос об исходе евреев из Египта и является ценным источником для Птолемеевской эпохи. Геродот, помимо записи своих непосредственных наблюдений, представляет весьма большой интерес еще и благодаря материалу, извлеченному им из путешествия Гекатея Милетского.

Нам известны также отрывки из Гекатея Абдерита, путешествовавшего по Египту в начальные годы царствования Птолемея I, труд этот был отчасти использован и Диодором Сицилийским, также писавшим об Египте. Эратосфен Киренский дает нам список царей, подобно ему, представляет интерес сочинение Агафархида Книдского. Для более поздних периодов много ценного материала дает Полибий и наконец Климент Александрийский, собравший немало сведений об египетской культуре, истории и религии. Большая часть этих материалов сохранилась до нас лишь в фрагментах, нередко в пересказе других авторов, целый ряд древних работ, относившихся к Египту, до нас не дошел, тем не менее отдельные ценные указания находим разбросанными еще во многих иных, не приведенных здесь второстепенных источниках.

[1] Денон (барон Доминик-Виван Denon) (1747—1825) — французский гравер, рисовальщик, дипломат, ученый и писатель. Сопровождая в числе других ученых штаб французской армии, высадившейся в Египте, изучал и собирал египетские памятники, оставив нам ценные зарисовки, и издал замечательную по гравюрам книгу: „Voyage dans la Basse et la Haute Egypte" (1802 г.). Впоследствии занимал пост главного директора французских музеев, управлял Севрским фарфоровым заводом и проч.

[2] Доломье (Деодат-Гюи-Сильвен-Танкред-Грате de Dolomieu) (1750—1801) — известный французский геолог и минералог, член Института, мальтийский рыцарь.

Совершив в молодости (19 лет) убийство на дуэли, был приговорен к смертной казни, замененной ему тюремным заключением. В своей камере начал заниматься естественными науками и по освобождении в 1775 г. опубликовал свой первый труд „Recherches sur la pesanteur". Совершил множество путешествий, во время которых собрал ценнейшие минералогические материалы, напечатал много мемуаров и описаний своих путешествий в „Journal de Physique". В 1796 г. занял профессорскую кафедру в „Ecole des mines" и вслед затем, сопровождая Наполеона во время его экспедиции в Египет, проявил себя как талантливый и неутомимый исследователь древностей.

По возвращении из экспедиции был объявлен в Тарсите военнопленным (1799 г.) и два года просидел в Мессинской тюрьме, где на страницах библии написал свою последнюю работу, изданную уже после его смерти „Philosophie mineralogique". Освобожденный в 1801 г., он вскоре умер во время путешествия по Швейцарии

[8] Впоследствии весь материал был вывезен англичанами и теперь хранится в Британском музее.

[9] Картуш — линия в виде эллипса, реже параллелограмма, окружающая имена собственные, главным образом имена царей и названия местностей. Картуши, окружающие наименования взятых городов, изображают зубцы башен; картуши царей представляют идеограмму вечности.

[10] Шамполион (Жан-Франсуа Champollion) — знаменитый ученый, основатель египтологии как науки. Родился в 1790 году в г. Фижаке в Дофинэ. Заниматься египетской историей начал под руководством известного ученого барона Сильвестра де Саси и в 1811 году выпустил первую свою книгу: „L'Egypte sous les Pharaons". Свыше десяти лет в числе других лиц работал над расшифровкой иероглифических надписей знаменитого Розеттского камня и наконец опубликовал свое „Lettre... relative à l'alphabet des hieroglyphes phonetiques" (II, 1822), положившее начало серьезному изучению египтологии. В 1824—25 гг. появились следующие его работы: „Precis du systeme hieroglyphique des anciens Egyptiens ou recherches sur les elements de cette ecriture", „Pantheon egyptien", „Deux lettres à M. le duc de Blacas d'Aulps, relatives au musee royal de Tourin, formant une histoire chronologique des dynasties Egyptiennes".

В 1826 году основал первый египетский музей и в 1831 г. сделался профессором по кафедре новой науки. В 1828—30 гг. совершил путешествие в Египет, во время которого собрал много ценнейших материалов. После его смерти, последовавшей в 1832 году, они были опубликованы в виде 4 томов „Monuments de l'Egypte et de la Nubie" и 2 томов „Notices descriptives, conformes aux manuscrits autographes rediges sur les Lieux par Champollion le jeune" (1844). Тогда же был издан и главный труд Шамполиона „Grammaire Egyptienne".

[11] Denkmaler aus Aegypten und Aethiopien nach den Zeichnungen der von Seiner Majestat dem Koenige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Landern gesendeten und in den Jahren 1824—1845 ausgefuhrten wissenschaftlichen Expedition, auf Befehl Seiner Majestat herausgegeben und erlautert von C. R. Lepsius. Berlin, 1898; Konigsbuch der alten Aegypter; etc.

Одновременно с учреждением Лепсиусом египетского отдела в Берлине Birch устраивает такой же отдел в лондонском Британском музее, а Мариетт организует Булакский музей в Каире.

Работа над памятниками египетской письменности продолжается после Шампольона Эммануилом де Руже; по его указаниям Французский Институт впервые отлил гиероглифический шрифт.

С работами де Руже тесно связана ученая деятельность Бругша, исследовавшего и издавшего множество текстов, словарь, научно разработанную грамматику и историю Египта.

Англичанин Гудвин приступает к изучению гиероглифических папирусов и издает „Melanges egyptologiques" и „Egyptologie"; он же вместе с Бругшем и др. основывает в 1880 году журнал „Revue egyptologique", в то время как Руже редактирует „Requeil de travaux relatifs a la philologie et l'archeologie egyptienne". В Германии выходит журнал „Zeitschrift fur Aegyptische Sprache und Altertumskunde".

Профессор Эберс популяризирует египетскую историю и быт изданием своих общедоступных работ и исторических романов; Дюмихен, Эрман, Курциус, Биссинг, Штейндорф выпускают специальные исследования.

Научная работа в области египтологии развивается и поддерживается учеными всех культурных стран; даже в России, где египтологии уделялось мало внимания, выдвигаются такие крупнейшие ученые, как проф. Тураев, работы которого стали для нас классическими.

[17] Мариетт (Auguste Ferdinand Mariette-Pascha) (1821—81)—знаменитый египтолог. Был учителем в Булони и занимался местной археологией. Случайно увидав выставленный ящик от египетской мумии, он заинтересовался им и стал самоучкой разбирать его надписи; затем он принялся за серьезное изучение древне-египетского языка и истории. Получив командировку в Египет для приобретения коптских рукописей из монастырей, он случайно натолкнулся на следы Серапеума, большая часть добытых при раскопках предметов поступила в Лувр, а сам Мариетт сделался адъюнкт-консерватором музея и снова отправился в Египет. Здесь за удачные работы он получил от хедива титул бея и основал знаменитый Булакский музей.

Первоначально были исследованы Мариеттом Абидос, Дендера, Эдфу, Танис, гора Баркал в Нубии, потом в 1858 году открыты замечательная Mastaba-el-Faraoun и более трехсот частных гробниц древнего царства. В Абидосе обнаружены храмы Сети I и Рамсеса II, храм в честь Осириса, более 200 могил и свыше 15000 надписей и

других памятников. В Фивах Мариетт работал в Карнаке, Мединет-Абу, Дейр-эль-Бахри.

Результаты археологических работ этого исследователя изложены в многочисленных изданиях „Renseignements sur les 64 apis" („Bulletin archéol." 1855—56), „Choix de monuments du Serapeum" (II, 1856), „Sur les mastabas", „Abydos" (1869), „Denderah" (1870—76); „Karnak" (Lpz. 1875), „Deir-el-Bahari" (Lpz. 1877), „Monuments divers" (Paris 1872—79), „Catalogue général d'Abydos etc.", „Les résultats des fouilles entreprises par ordre du vice-roi d'Egypte" (1860), „Aperçu de l'histoire d'Egypte" (1864), „Monuments exposés dans les galeries du musée d'antiquités à Boulak" (1864), „Fouilles exécutées en Egypte, en Nubie et au Soudan" (1867), „Les mastabas de l'ancien empire" (1882—89) etc. etc.

[13] Масперо (Gaston-Camille Charles Maspero) — французский египтолог, родился в 1846 г. В 1881 г. был приглашен на место Мариетта в Египет директором Музея древностей и раскопок. Под его руководством были произведены исследования, обогатившие науку массой новых ценных данных. Состоял также профессором „Ecole des Hautes Etudes" и „College de France". Издал многочисленные труды: „L'archéologie égyptienne" (II — 1889), „Les contes populaires de l'ancienne Egypte" (II — 1889), „Histoire ancienne des peuples de l'Orient" (1875, имеется в русском переводе), „Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie égyptiennes et assyriennes" (журнал под редакцией Масперо, заключающий в себе его многочисленные статьи) и проч. и проч.

[14] Egypt Exploration Fund. Весьма большая работа исполняется также Egyptian Research Account.

[15] Нехеб — Эль-Каб — город Верхнего Египта и его столица в архаическую эпоху. Небнехти-Ра — царь Аменхотеп I.

[16] Аварис — укрепленный пункт на границе Египта и Азии, оплот и главная резиденция гиксосов.

[17] Шарухен — Палестинский город (в колене Симеоновом).

[18] Ментиу — Бедуины Синайского полуострова.

[19] Нахарина — семитическое и египетское название государства Митанни, располагавшегося между Евфратом, Балихом и морем. В буквальном переводе Нахарина — значит „область рек" (Месопотамия).

[20] Посмертная автобиография в гробнице Яхмоса в Эль-Кабе. (Изборник источников по культурной истории Востока, ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина).

[21] Напата — область Нубии, расположенная у четвертого порога.

[22] Сирия—область между Египтом, Аравией и Киликией, в более узком смысле под названием Сирии понимали населенную семитами (арамейской ветви) страну, ограниченную на востоке Евфратом и граничившую на юге с Аравией, на западе с Палестиной, на севере с Киликией и Каппадокией.

[23] См. Breasted — „Ancient Records of Egypt". II, 73, 31.

[24] Заключение браков с родными сестрами было распространено в Египте. В царском доме это делалось для сохранения чистоты „солнечной крови", а также для утверждения прав на престол (Тутмес III, например, нуждался в подобном браке, так как происходил от одной из наложниц своего отца и благодаря этому не считался полноправным наследником).

[25] Кадеш и Мегиддо — крупные города в стране Аморреев, главные опорные пункты в борьбе с Египтом.

[26] Финикия — греческое название восточного побережья Средиземного моря; здесь находился ряд мелких городов-государств с семитическим населением.

Как выгодное географическое положение, так и высоко развитая промышленность, обогащавшая страну, привлекали к ней интерес всех древних завоевателей.

[27] Александр Великий (Македонский) — сын македонского царя Филиппа — родился в Пелле 21 июля 356 г. до нашей эры. Вступил на престол после смерти отца в 336 г., имея около 20 лет от роду. Закрепив за собой гегемонию в Греции, он в 335 году покорил варваров, обитавших в долине Дуная и в Иллирии; затем подавил вновь вспыхнувшее в Греции восстание, разрушил Фивы и, утвердив свое господство в Европе, выступил в поход против персов во главе войска, насчитывавшего 30000 человек пехоты и 5000 конницы. Перейдя Геллеспонт у реки Граника, он дал сражение превосходящим силам противника, разбил их и быстро покорил ряд малоазиатских городов, Карию, Ликию, Памфилию и Фригию он успел занять еще в 334 году, а в следующем году захватил Каппадокию.

В 333 г. были заняты Дамаск, Тир, вся Палестинская область, без всякого сопротивления захвачен Египет, находившийся в то время под властью персидских царей. В том же году при Гангамелле Александр вновь нанес поражение персам и занял Вавилон и Сузы. К управлению завоеванными областями были привлечены туземцы; местные нравы, обычаи и религия благодаря этому не подвергались оскорблениям, и новая власть переносилась сравнительно легко. Воен-

ные и финансовые дела ведали однако македонские и греческие чиновники, благодаря чему в распоряжении Александра оказался неисчерпаемый запас людских, финансовых и продовольственных материалов. В 330 году был занят отчаянно защищавшийся Персеполь, Экбатана и наконец завоевана вся необъятная персидская монархия, до самых ее восточных пределов.

Далее была подчинена Бактрия, и в 327 г. предпринят поход на Индию, покорив себе области до современного Пенджаба включительно, Александр вынужден был отступить вследствие ропота, начавшегося в войсках. В походах 326 и 325 г. Александру однако удалось проникнуть до Инда и спуститься до самого океана.

Столицей новой всемирной монархии был избран Вавилон, в котором Александр и поселился, занятый устроением своей империи и войска. Он умер внезапно, заболев после одного пира, в мае или июне 323 г., 33 лет от роду и был похоронен в выстроенной им Александрии.

[28] До вторжения арабов в Египет на месте современного Каира находилась крепость Вавилон, существовавшая еще в римские времена. На ее развалинах был расположен лагерь арабов и затем, из-за счастливого предзнаменования, заложена на месте шатра калифа мечеть (мечеть Амру). Около нее возник город, получивший название Маср-эль-Фустат, то-есть Город Шатра.

В царствование Фатимидов уже имевший немалое значение город был окружен стенами (973 г.), и так как это совпало с моментом прохождения Марса через меридиан города, то ему и было присвоено арабское название этой планеты — Эль-Кахир, то-есть победоносный.

[29] Капитель — верхняя, так или иначе орнаментированная часть колонны, пилястры или столба, венчающая его и служащая непосредственной опорой архитраву.

[30] Архитрав (или эпистелион) — название применяемых в архитектуре прямолинейных перекладин — перекрытий между колоннами, столбами или косяками; архитравом именуется также иногда и нижняя часть антаблемента, непосредственно опирающаяся на капители колонн.

[31] Во времена Геродота и Диодора Хеопс пользовался репутацией ненавистного тирана. По словам Геродота, „он начал с того, что запер все храмы, запретил жертвоприношения и заставил всех египтян работать на себя. Одним было вменено в обязанность перетаскивать глыбы из каменоломен Аравийской горной цепи к Нилу; другие должны были подвозить эти глыбы на барках и доставлять их к Ливийским горам. Работой были заняты 100 000 человек, которые сменя-

лись каждые три месяца... Десять лет пошло на устройство одной только насыпи и подземных комнат, высеченных в возвышенности, на которой поднимаются пирамиды." (Геродот, книга II, 124—125).

[32] Пирамиды делятся обыкновенно на шесть групп: Гизэхские (числом 9), тянущиеся до Абусира, пирамиды Ливийского плоскогория, Сакарахские, Дашурские, Лиштские и Фаюмские. Гизэхские пирамиды принадлежат фараонам IV династии, Абусирские —V династии; пять Сакарских: Ина — V династии; Тети, Пепи I, Меренре Пепи II—VI династии. Дашурские пирамиды принадлежат, повидимому, III династии и образуют древнейшую группу. Фаюмские относятся к Фиванскому периоду.

[33] „Annales du Service des Antiquites de l'Egypte" VII, pp. 285, 259, etc.

[34] Мемфис — город Пта (Га-ка-пта)(Манофер), столица и сильнейшая крепость древнего Египта, время ее расцвета длится до VIII династии.

Кроме старого города („Белая стена"), здесь находились еще обширные новые кварталы, из которых Анхтауи являлся центром торговли и был особенно любим иностранцами. Потерявший свое значение к концу египетской истории, Мемфис был окончательно заброшен как торговый центр после основания Александрии (32 г. нашей эры). Памятники и храмы его разрушаются в силу эдиктов Феодосия Великого (379—395 г.), и в XIII веке нашей эры Мемфис представлял собой лишь грандиозные развалины, частью разрушавшиеся, частью заносимые речным илом. Посетивший его в XIII веке арабский писатель Абдаллатиф так передает свое впечатление об этих руинах (книга I, IV). „Громадные камни развалившихся зданий покрывают всю поверхность. В некоторых местах стоят еще части стен, сложенные из таких камней; в других остался только фундамент да груды обломков. Я видел арку очень высокой двери, каждая из боковых стен ее состояла из цельного камня, так же, как и главный свод, который обрушился и лежал перед дверью. Чтобы обойти развалины Мемфиса со всех сторон, потребуется не менее полудня пути".

[35] „Мастаба"—арабское слово и в переводе на русский язык обозначает „скамья". Название это было придумано арабами-рабочими во время раскопок, показалось удачным Мариетту, было им введено в науку и удержалось как наименование этого рода могил. По форме своей мастаба представляет сооружение с основанием в виде прямоугольника и наклонными кверху боковыми сторонами, имеющими форму трапеции. Геометрически она могла бы быть названа усеченной пирамидой со сторонами, наклоняющимися к основанию приблизительно на 80°.

Сооружения эти весьма разнятся по величине: площадь некоторых из них достигает 1378 квадратных метров, то-есть имеет стороны 53 и 26 метров. Площадь самых маленьких не превышает 18 квадратных метров, имея таким образом 8 метров длины и 6 — ширины; высота обычно колеблется между 12 и 3 метрами.

Мастаба ведет свое происхождение от земляного холма, насыпавшегося раньше над могилой и затем, вероятно, замененного деревянной надмогильной постройкой. Следы этих древнейших сооружений отразились отчасти в дошедших до нас мастабах, такова, например, притолока, необходимая в деревянном зодчестве и применяющаяся в каменной архитектуре лишь как традиция.

Мастабы располагаются обыкновенно целыми кладбищами, то правильными рядами, как в Гизе, то отдельными группами, как в Саккаре, Абусире, Дашуре. Эти некрополи находятся на западе от городов, приблизительно параллельно Ливийской цепи, тянущейся вдоль Нила, по левому его берегу.

Иные из подобных кладбищ чрезвычайно обширны. Мемфисский некрополь, например, тянется на пространстве почти 45 километров, достигая 4 километров ширины.

36 Страбон — знаменитый греческий географ времен Августа и первых годов правления Тиберия. Родился в Амасее, резиденции Понтийских царей. „География" Страбона знакомит нас с представлениями того времени в этой области, с предшествовавшими состояниями науки и различными ее направлениями. Ближайшим образцом для Страбона служил Полибий, работу которого Страбон продолжал в большом труде „Исторические записки" (в 43 книгах). „Записки" эти однако до нас, к сожалению, не дошли, наоборот, все 17 книг „Географии" почти целиком сохранились в многочисленных списках, из которых самые древние восходят к концу IX века. Две первые книги „Географии" заключают в себе введение, следующие 8 книг (3—10) посвящены Европе, 6 (11—16) Азии и 1 (17) Африке.

37 Геродот, книга III, 28. Помпоний Мела, I, 9. Плиний. Historia natur. VIII, IV, 6.

38 „Дом чистоты" — место бальзамирования трупов.

39 Этот саркофаг до сих пор находится в Серапеуме, надпись на нем гласит: „Амасис — он сделал в качестве памятника для Аписа, Сына Жизни, великий саркофаг из гранита, ибо его величество признал за благо сделать его из дорогого камня".

40 Две части священного квартала города Саиса наз. Резенет и Мехенет.

[41] Надпись со стелы в честь Аписа.

[42] Более подробное описание и история открытия Серапеума даны у Мариетта A. F. Mariette—„Serapeum de Memphis", Paris, 1882.

[43] Бубаст — город в Нижнем Египте, развалины которого находятся к северу от Бель-Бенеа, на холме Тель-Баста. При раскопках, в полном соответствии с показаниями Геродота, обнаружено здесь древнее кладбище кошек — священных животных богини Баст—дочери Осириса и Исиды.

[44] Ихневмон, или египетская мышь — хищное маленькое млекопитающее с длинным телом на низких лапах, похожее на ящерицу.

[45] Геродот, кн. II, 65, 66, 67 etc.

[46] Страбон, книга XVII, 1.

[47] Геродот, кн. II, 67—72.

[48] Диодор, 1, 83.

Диодор Сицилийский — греческий историк, современник Юлия Цезаря и Августа. Родился в Сицилии. Собирая материал для своего исторического сочинения, объехал большую часть Европы и Азии и затем поселился в Риме, где закончил (около 21 года до нашей эры) свою работу, изложенную в 40 книгах и дающую историю всех стран и народов. До нас дошли первые пять книг, заключающие в себе историю египтян, эфиопов, ассирийцев и греков древнейшего периода, а также XI—XX книги, касающиеся персидских войн, (480—301 г. до нашей эры), кроме того, нам известны отдельные части XXXI книги, выписки из которой даны у Фотия.

При составлении своего труда Диодор широко пользовался различными источниками, большая часть их до нас не дошла, это еще больше повышает ценность книг Диодора. Однако, к несчастию, они сохранились до нас в значительно измененном виде, представляющем переработку подлинного сочинения.

[49] Скарабей — жук — символ солнечного бога. Как священная эмблема, скарабеи, изготовленные из камня, фаянса, иногда драгоценных металлов, с выгравированными на них молитвенными формулами, полагались в грудь усопшего вместо сердца.

[50] Некрополь — город мертвых, кладбище.

[51] Графически Ху чаще всего изображается в виде языка пламени, Ба — птицы с человеческой головой, Ка — головы с поднятыми над ней ладонями рук.

[52] Кенэ — главный город в верхне-египетской провинции того же наименования.

[53] Коптский язык является последней стадией и завершением древнеегипетского языка. В нем есть много черт сходства не только с языком „демотическим" последних периодов египетской культуры, но он в значительной степени напоминает также язык нового царства. Сложность древних начертаний уже с II века нашей эры вызывает попытки замены их греческим алфавитом. Постепенно вырабатывается новая манера письма, и от старых начертаний остаются только семь знаков, обозначающих звуки, не существующие в греческом языке.

К XVII веку коптский язык совершенно вышел из употребления и теперь применяется лишь во время богослужений, будучи не менее непонятным для народа, чем богослужебный латинский язык для французов.

Коптская литература, когда-то пережившая пышный расцвет, сохранилась до нас лишь в незначительной части и то в виде фрагментов. Здесь, помимо многочисленных переводов библии и разнообразных богословских трактатов, сохранилось немало произведений юридического характера и наряду с ними большое число исторических романов, волшебных сказок, гимнов, апокрифических сказаний, медицинских и магических сборников.

Изучением коптологии Европа занялась уже с первой половины XVII века, когда впервые были привезены с востока коптские рукописи. Не упоминая самых первых исследователей, укажем все же имена некоторых особенно выдающихся ученых, работавших в этой области. Таковы Пик, Ренодо, Вилькенс, Лакроз, Пейрон, издавший прекрасный коптский словарь и грамматику, Лагард и Ревильо издали массу самых разнообразных произведений коптской литературы. Масперо, Штерн и особенно Штейндорф, так же, как и целый ряд других ученых, много работали как над изучением языка, так и вообще культуры христианского Египта. Среди русских исследователей наиболее выделяются Б. А. Тураев, О. Э. Лемм, В. В. Болотов, епископ Порфирий (Успенский) и др.

Библиография:

Amelineau. — „La geographie de l'Egypte a l'epoque Copte" (Paris 1893). „Monuments pour servir a l'histoire de l'Egypte chretienne" (Paris, 1887—89). „Le christianisme chez les anciens coptes" (Paris, 1887).

Steindorf. — „Koptische Grammatik" (Berlin, 1894).

Lemm. — „Koptische apocr. Apostelacten" (С.-Б., 1890—92).

Schmidt. — „Koptische Schriften aus dem Codex Brucianus". (Leipzig 1892) „История коптов" (перевод Wustenfeld).

Stern. — „Kopten".

Пр. Порфирий. — „Восток христианский“.

Gayet. — „Les monuments Coptes du Musée de Boulak“ (П. 1889) etc, etc.

[54] Абака — плита, лежащая на капители колонны.

[55] G. Maspero. — „Du genre épistolaire“, pp. 50 — 62.

[56] Обычное добавление к царскому титулу.

[57] Chabas. — „Deux papyrus hiératiques“, p. 38.

[58] Breasted. — „Ancient Records of Egypt“. IV, 499.

[59] Breasted. — „Ancient Records of Egypt“. IV, 538.

[60] План Ахетатона впервые был снят французской комиссией и затем воспроизведен Лепзиусом и Присс. См. Jomard. — „Description de l'Egypte“, IV, pp. 308 — 312, Tabouis. — „Le pharaon Tout Anc Amon“. P. 1928, p. 27. Petrie. — „Tell El Amarna“, 18 — 20. Davies. — „Roc tombs at Tell El Amarna“ etc.

[61] Tabouis. — „Tout Anc Amon“, pp. 19, 20.

[62] „Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft“. Borchardt Ausgrabungen, № 52 (окт. 1913), стр. 30 сл. стр. 41, т. 4 пр., стр. 32, т. 3 л., стр. 35 — 38, рис. 14, 15, стр. 33, рис. 12, стр. 42, рис. 16, 17, 18, 23, 24, стр. 29, т. 2 стр. 43, рис. 19, 20, табл. 6, стр. 41, рис. 21, стр. 50, рис. 25.

[63] Подробнее см. Баллод, Ф. В. — „Египетское искусство времени Аменофиса IV“ (Записки Московского Археологического Института, т. XXXV, стр. 1 — 31) Его же — „Очерки истории древнеегипетского искусства“. М. 1924, стр. 155 — 168. Авдиев, В. И. — „Древнеегипетская реформация“. М. 1924, стр. 104 — 123, и пр.

[64] Гимн Атону из гробниц в Тель-эль-Амарне. См. A. Moret. „Des clans aux empires“, v. VI, p. 345 — 347. „Сборник источников по культурной истории Востока“. Ред. Б. А. Тураева и Н. Н. Бороздина, стр. 4—5 etc.

[65] Petrie. „El Amarna“, XXXII, 5 „Revue Semitique“, 1893, p. 49, „Journal Asiatique“, 1891, I, p. 213, 215

[66] Расцвет империалистического Египта XVIII династии характеризуется усилиями фараонов как можно шире раздвинуть границы страны и обеспечить полную безопасность не только исконным своим владениям в Нильской долине, но и всем тем территориям, которые им удалось захватить или подчинить своему влиянию. Они блюдут таким образом Газу, Аскалон, Тир, Сидон, Арвад — „Ступени Востока“, по которым они поднялись к ущелью Маджедло, откры-

вающему путь в Палестину, и перевалу Коджу — дороге в долину Оронтэ и верхнего Евфрата.

Сирия находилась под непосредственной властью фараонов так же, как и морские семитические республики, объединяемые под названием Финикии. Подчинена Египту и Ханаанская земля, также заселенная семитами, однако еще не теми евреями, которые впоследствии образовали здесь свое царство. Передняя Азия от Александрийского до Персидского залива занята различными государствами древними и более новыми. По нижнему течению Оронтэ располагается Алязия, страна Митанни занимает верхнее течение Евфрата, царство Ассура — по среднему Тигру, на нижнем Евфрате — царство Кардуниаша (Вавилон). Все это корреспонденты фараона, некоторые из них — правители подчиненных Египту стран, другие — союзники.

[67] „Journal Asiatique", 1890—92. „Revue Semitique", 1893—94. „Revue des questions historiques", II—IX, 1892—96. A. Moret. „Au temps des pharaons", „Des clans aux empires". Laboris. „Le pharaon Tout Ank Amon" (Tout Ank Amon et les affaires étrangères). Maspero. — „Histoire", v. I, etc.

[68] „Journal Asiatique", 1892, I, p. 272. „Revue Semitique", 1894, p. 110.

[69] „Journal Asiatique", 1891, II, p. 170.

[70] „Journal Asiatique", 1891, II, pp. 297, 318, 325.

[71] Политика римлян по отношению к подчиненным народам, выразившаяся в формуле divide et impera — разделяй и властвуй — не была чужда и фараонам. Вражда и даже военные столкновения между отдельными областями и городами Сирии нередко учитывались как лучший метод укрепления египетского влияния, и центральное правительство не торопилось поэтому с ликвидацией внутренних сирийских конфликтов и осложнений, невзирая на неоднократные жалобы и обращения враждующих сторон.

„Город Тунип, слуга твой, говорит: Мы отправили уже 20 писем царю, нашему владыке, и посланники наши остались у него. Теперь город Тунип, твой город, плачет, слезы его льются и нет никого, кто бы помог им. Мы написали уже 20 писем царю Египта, и ни одного ответа не пришло к нам от нашего владыки" („Revue Sémitique", 1894, p. 16).

[72] Хетты — имя, употребляемое для обозначения северной группы народов древнего востока (Армении, Киликии и пр.). Народы эти не были ни семитами, ни хамитами; относительно их происхождения наука не имеет еще точных данных, так же, как до сих пор не най-

ден еще ключ к чтению оставленных ими иероглифических надписей. Родиной хетов, вероятно, является Каппадокия, где находятся древнейшие памятники их культуры и религии. Движения хетов отсюда на восток и юг были причиной падения вавилонской власти на западе.

Религиозные представления хетов были близки к семитическим. Искусство их более самобытно, чем искусство Сирии, хотя и находилось под значительным ассирийским и отчасти египетским влиянием. До нас сохранились остатки воздвигнутых ими храмов, дворцов и рельефов, довольно грубых. Прикладное искусство стояло более высоко. Хеты умели обрабатывать металлы, резать камни, изготовлять различные украшения.

Государственное устройство хетов нам мало известно. Царства их объединяли в себе различные народы, которые находились частью на положении подчиненных, частью на положении союзников. В порядке управления и во внешности цари хетов пытались подражать владыкам Ассирии.

73 „Journal Asiatique", 1890, II, pp. 335, 348, 321, 344, 328.

74 Сиут (арабское Асиут, древне-египетское Саут, Па-ануб, Па-Вепуат по имени божеств Анубиса и Вепуата, изображавшихся с головами шакалов, в связи с чем находится и греческое название города — Ликополис). В настоящее время Сиут довольно значительный город (более 15 000 жителей), коптский центр с пребыванием епископа; есть много фабрик полотняных, кожаных и глиняных изделий, ведется оживленная торговля хлебом, гранатами, финиками; отсюда же, как из передаточного пункта, идут продукты Судана, особенно страусовые перья. Расположенный недалеко от города некрополь с гробницами номархов подвергался многочисленным исследованиям еще во время Мариетта (см. Griffith. — „The inscriptions of Siut", London, 1889. Erman. — „Zehn Vorträge aus dem Mittleren Reich". Maspero. — „Revue Critique", 1889, II.

75 Абидос (Абту) — один из наиболее древних и прославленных городов Египта, считался священным местом погребения Осириса, изобиловал храмами и являлся религиозным центром. В эллинистическую эпоху Абидос теряет свое значение и уступает его соседнему городу Суи (впоследствии Птолемаида).

76 Миф этот — повторение вечной истории о борьбе добра и зла, формы и хаоса. Осирис — бог солнца и образ Ра, извечный враг Сета — мрака и ночи. В качестве солнечного бога Осирис, как Ра, светит на небе в продолжение двенадцати часов дня. Ночью он попадает во власть убийцы Сета — мрака, но после этой временной

смерти подземный Осирис, солнце ночи — Осирис-Хент-Аменти возрождается снова под именем Горпехруда, то-есть Гора-ребенка (греческий Гарпократ). Эта суточная борьба символизировала жизнь божества, бытие, вечное становление, она символизирует также и человеческую жизнь — жизнь неведомых возрождений. Земное существование человека — лишь одно из обязательных состояний, звено в цепи, начало и конец которого неизвестны. (Подробнее смотри Lefebure. „Le mythe Osirien“. E. Naville. — „La religion des anciens Egyptiens“. A. Moret. — „La passion d'Osiris“, etc.

77 Подлинный указ Сенусерта III (XII династии — 1887 — 1849 гг. до Р. Х.), данный им в 19 году вельможе Ихернофрету. (См. Тураев — „Изборник“, стр. 16 — 17).

78 Гипостиль — архитектурный термин, означающий залу, галерею и всякое другое внутреннее помещение с потолком, поддерживаемым колоннами.

79 Неф — продолговатая часть здания, простирающаяся от входных дверей до противоположной стены храма. В больших храмах помещаются обыкновенно несколько нефов, они разделяются между собой рядами колонн.

Рамсес II Мейямун царствовал в течение 76 лет в конце XIV и начале XIII века до Р. Х. Сын Сети I, соправителем которого он был объявлен с десяти лет от роду, он вместе с отцом участвовал в военных походах, был наместником Эфиопии и руководил операциями против нубийцев.

Занятый всегда военными операциями в Азии, Рамсес резидировал главным образом в Танисе, который он украсил пышными дворцами и храмами. В то же время фараон этот вел самое широкое строительство в своей стране. Он воздвигал новые храмы, реставрировал старые, перестраивал гипостили, дворы и пилоны в знаменитых древних святилищах. В народе Рамсес II был известен под уменьшительным именем Сесу-Ра, переделанного греками в Сесостриса. Многочисленные легенды связывались с его именем. О нем рассказывали как о могучем победителе и изображали его как воплощение могущества и доблести. Многочисленные оды и эпические произведения посвящались ему, статуи его, среди которых есть много колоссов, наполняли Египет. Среди портретных памятников этого царя особенно известны так называемая Туринская статуя, статуя Берлинского музея и другие.

81 Диодор, I, 26, 13.

82 В 1869 году ученый геолог Арселен вместе с Гами и Ленорманом были заинтересованы своеобразными камнями, попавшимися

им на дороге „Долины Царских Гробниц“. Камни эти оказались топорами, резцами и ножами, похожими на те, которые мы относим к неолитической культуре.

[3] В 1889 году Петри удалось при входе в Фаюм, на месте Кагуна, открыть город XII династии. Неподалеку от него найден был целый склад глиняных изделий примитивного характера — кремневых ножей, топоров и скребков. Севернее, в Медуме, около пирамиды царя Снэфру III династии, были откопаны кремневые орудия, находившиеся рядом с изделиями из бронзы. Наконец зимой 1894—95 года в местностях Баллас и Тух, лежащих севернее Фив, Петри и Квибелль обнаружили обширное кладбище, где скелеты небальзамированных покойников лежали окруженные кремнями, вазами и гончарными изделиями, неизвестными в историческом Египте.

Однако даже это открытие, несмотря на всю свою очевидность, не смогло утвердить новое представление о существовании в Египте каменного века. Для примирения новых открытий со старыми теориями были придуманы версии, несостоятельность которых стала очевидной после дальнейших открытий.

[4] Эта точка зрения высказывалась проф. Б. А. Тураевым („История древнего Востока“, стр. 159), Эд. Мейером („Geschichte des Altertums“, SS. 46, 52, 53, 74 etc), Баллодом (Сводка мнений — „Очерки древнеегипетского искусства“, 1924) и другими. Обратная точка зрения, т. е. версия о туземцах и завоевателях, впервые была выдвинута де-Морганом („Recherches sur les origines de l'Egypte“, V, 161, 164. II, 90, 93, 95. „L'age de la pierre et les metaux en Egypte“ etc) и поддержана A. Moret, Quibell и другими учеными. В полной мере вопрос и теперь едва ли может считаться окончательно разрешенным, и обе точки зрения продолжают иметь своих сторонников. Новые открытия однако (раскопки у Нага-Эд-Дер, в Абидосе и проч.) подтверждают изложенное нами мнение о единстве расового происхождения доисторической и исторической культуры Египта и делают его господствующим в литературе.

[5] Происхождение Фив (Уазет) теряется в глубине доисторических времен. Город этот считался земным местопребыванием Осириса и резиденцией одной доисторической династии.

В эпоху своего расцвета Фивы занимали обе стороны Нила и тянулись от Ливийских до Аравийских гор. Столица Египетского государства в период XI—XX династии, Фивы при XXI династии были захвачены и разграблены эфиопами, потом, при последовательных завоеваниях Египта, они разоряются ассирийцами, персами и теряют всякое политическое значение при Птолемее Латире. В 27 году

до нашей эры Фивы были сильно разрушены землетрясением. На развалинах древней столицы ютятся теперь деревушки Гурна, Мединет-Абу, Дейр-эль-Бахри — на левом берегу; Луксор (Эль-Аксорайн) и Карнак — на правом.

[86] Наос — центральное помещение в древних храмах, буквально — корабль. В качестве архитектурного термина употребляется для обозначения внутреннего пространства, выделенного расположенными по его сторонам колоннами. В египетских храмах — каменный шкафообразный ларец для хранения статуи божества.

[87] Пилоны — башни, составлявшие главный фасад египетских храмов; они имели в плане продолговатый четырехугольник и суживались кверху, благодаря чему стены приобретали наклон; завершением их служили желобчатые карнизы, характерные для египетского искусства. Между пилонами помещались триумфальные ворота, которые вели в храмовый двор. Самые пилоны в праздничные дни украшались флагами, прикрепленными к мачтам, вставленным в особые желоба. Расширяя храмовые здания, фараоны пристраивали к ним новые дворы и ставили перед ними пилоны, благодаря чему все приобретало характер грандиозной анфилады разделенных пилонами зал и дворов.

[88] Пилястра — четырехгранный столб, прилегающий одной стороной к стене здания и иногда более или менее вдающийся в нее. Служит или для подкрепления стены, или для поддержания архитрава и арки потолочного свода, или просто для оживления монотонности большого не заполненного пространства. Пилястры снабжаются обычно внизу базой, а сверху капителью, самая же их поверхность иногда украшается различным образом.

[89] J. Capart. — „Thebes splendeurs d'un grand passé. Temple de Karnak“. Шамполион следующим образом говорит о Карнаке: „Все, что я видел в Фивах, все, чему я с таким энтузиазмом удивлялся на левом берегу Нила, показалось мне ничтожным по сравнению с гигантскими сооружениями, которыми я был окружен. Я не буду пытаться описывать личные впечатления, потому что я ими не выражу и одной тысячной части того, что следовало бы... или буду принят за энтузиаста, почти за сумасшедшего. Воображение бессильно падает перед величием зданий и колонн Карнака...“

[90] Бубастиды. Со времен Среднего царства начинаются столкновения Египта с обитавшими на западе племенами, известными под именем „Лаву“. Эти „Лаву“ — ливийцы — имели белый цвет кожи, украшали тело татуировкой и носили своеобразные плащи и пояса. Они были, вероятно, предками туземного берберского населения

северной Африки. Ко времени XIX династии они приобрели характер силы, постоянно угрожавшей Египту. Начинается период нашествий на Нильскую страну; нападения эти однако удачно отражаются фараонами Меренпта, Рамсесом III и другими.

В правление слабой XX династии ливийцы все больше и больше проникают в страну, оседают там, смешиваются с местным населением и покрывают Дельту сетью своих поселений, объединяющихся в княжества. Все возрастающие силы ливийцев позволяют им наконец образовать обще-египетскую династию, известную под именем Бубастидов.

[91] Мут — буквально „мать" — богиня Фив, второй член местной триады (Амон-Мут-Хонсу), считалась матерью, супругой и дочерью Амона — „матерью своего создателя и дочерью своего сына" — и выражала собой божественную предвечность. Именовалась „Владычицей неба", „Царицей всех богов" и „Владычицей озера Ишру" по имени озера при ее храме, построенном Аменхотепом III близ великого Карнакского храма. Изображалась богиня в виде женщины с коронами и грифом на голове (последний — ее иероглифическое изображение).

[92] Лувр — древний дворец французских королей, построенный на месте охотничьего замка. Постройка дворца была начата Франциском I в 1541 г., по проекту и под руководством архитектора Леско, расширение его продолжалось до 1857 года. Одно из самых роскошных и величественных зданий в мире, Лувр состоит из отдельных дворцов и корпусов, созданных в различные эпохи и в разных стилях, и занимает площадь более чем в 195 000 кв. метров.

С 1793 года Лувр был обращен в хранилище художественных и исторических сокровищ, принадлежащих Франции. В настоящее время там размещаются следующие музеи: египетских древностей, ассирийских и финикийских, этрусских и греческих ваз, античных мраморов, средних веков и эпохи возрождения, новейшей скульптуры, живописи (одно из лучших мировых собраний), оригинальных рисунков великих мастеров, гемм, эмалей и ювелирных изделий, античных бронз, произведений прикладного искусства средних веков и эпохи возрождения; этнографический музей; морской, гравированных медных досок.

[93] G. Maspero. — „Revue de l'art ancien et moderne", 1906.

[94] Гиератические позы — установленные священными предписаниями условные положения, в которых изображались боги, цари и сановники.

[95] „Papyrus Sallier" Британского музея.

[96] Maspero. — „Du genre épistolaire", pp. 49, 67.

Описание ран, бывших следствием трения каски и панцыря.

[98] Папирус Анастази III, табл. V, стр. 5, табл. VI, стр. 2; папирус Анастази IV, табл. IX, стр. 4, табл. X, стр. 1. E. de Rougé — „Discours d'ouverture“, pp. 34 — 35. Maspero — „Du genre épistolaire“, pp. 41 — 42.

[99] Здесь говорится о колеснице для грузов, части которой плохо соразмерены.

[100] Папирус Анастази III, табл. VI, строки 2 — 10. Maspero — „Du genre épistolaire“, pp. 42 — 43.

Относительно характера частного египетского дома мы имеем довольно полное представление. Что касается архитектуры вообще, то вся она как в целом, так и в частностях, как в периоды сравнительно примитивные, так и в моменты самого пышного расцвета позволяет заметить ряд особенностей, развившихся из деталей древнейших построек, сооружавшихся из тростника и нильского ила. Первоначальной основой египетского дома был камыш, связанный в пучки, расположенные горизонтально и вертикально. Промежутки между ними заполнялись влажным илом, которым также обмазывалась вся постройка. Плоская настилка, изображавшая крышу, носила характер террасы и, давя своей тяжестью на стены, легкие и неустойчивые, придавала верхней их части вид карниза, выгнутого наружу. В позднейших типах постройка покрывалась штукатуркой и расписывалась яркими красками.

Постепенно развиваясь и совершенствуясь, египетская архитектура перешла к зданиям более фундаментальным и наконец создала свои замечательные монументальные сооружения, воздвигнутые из громадных каменных глыб. Древние традиции и навыки однако отразились здесь в сохранении формы выгнутого карниза, в орнаментальной тесьме, некогда действительно связывавшей основные пучки камыша, даже в методах возведения стен.

Замечательный саркофаг Микерина из темно-серого базальта представляет нам изображение древнеегипетского деревянного дома. Черты его настолько характерны, что дают самые твердые основания для суждения об исходных точках развития египетской архитектуры. См. Randall Maciver — „El Amrah and Abydos“, pp. 22, 42, pl. 10, 11, 16. Флетчер — „История архитектуры“ I, 26. Maspero — Steindorff — „Aegyptische Kunstgeschichte“, S. 2, etc.

Фиванские погребения распределены группами вдоль северной окраины бывшей столицы в пустыне на левом берегу, от востока к западу, слегка заметно уклоняясь к югу, расположены по склонам каменистых возвышенностей: могилы Дра-Абу-Нега, Ассасифа, Шейх-

Абд-эль-Гурнэ, Гурнэт-Мурай и Баб-эс-Султанат. Гораздо севернее этой цепи кладбищ, в горах, находится Бибан-эль-Мелюк (Долина Царских Гробниц). В Дра-Абу-Нега покоятся фараоны XI, XII, XVII и начала XVIII династии, в Шейх-Абд-эль-Гурнэ и Гурнэт-Мураи — XVIII и XIX династий, в Долине Гробниц — XVIII, XIX и XX династий, в Ассасифе — XVIII, XIX, XXII и XXVI династий и Птолемеи etc. См. Jomard „Description des hypogées de la ville de Thèbes", Rhind — „Thebes, its tombs and their tenants", etc.

[1] Рамсес III — один из наиболее видных фараонов XX династии. Царствование этого фараона было заполнено войнами с аморреями, идумеями, финикийскими пиратами и проч. Два раза приходилось отражать ему натиск ливийских орд, все настойчивее надвигавшихся на Нильскую долину. Вместе с тем возникло много внутренних осложнений. Против фараона был составлен придворный заговор, который однако был во-время ликвидирован, затем началось революционное движение в низах, выразившееся в бунтах и восстаниях, поднятых рабочими фиванского некрополя. С именем Рамсеса III, одного из последних могущественных фараонов в Египте, связывалось представление о победоносности и сказочном богатстве.

[4] Так, например, фараоны Яхмос, Аменхотеп I, Сети I, Тутмес II, Аменхотеп III, Аменхотеп IV, Рамсес II Великий и другие. Рамсес II, повидимому, менял место своего вечного упокоения больше трех раз. Таким же образом в разное время были снесены в гробницу Аменхотепа II тринадцать царей, мумии которых были там найдены.

О погребении Эхнатона см. Davies — „The rock tombs of El Amarna", „Tomb of Queen Tiyi", Gayet — „Itinéraire de la Haute Egypte", Laboui.—„Le pharaon Tout Ank Amon" etc.

[5] Всего Геродот различает три способа бальзамирования. Следующие два способа, более дешевые, изображаются им так:

II. „Наполняют клистирные трубки кедровым маслом и впрыскивают его в живот трупа, не делая никакого разреза и не извлекая внутренностей. Масло впрыскивают в задний проход и не выпускают назад. Затем кладут труп на установленное число дней (т. е. на 70 дней) в соль. В последний день выпускают кедровое масло из живота. Свойство этого масла таково, что оно, вытекая наружу, увлекает за собой содержимое живота и растворившиеся внутренности. Соль растворяет и мясо, так что у покойника остаются только кожа и кости. После этого бальзамировщики возвращают труп родственникам, так как ничего больше с ним не делают".

III. „По третьему способу бальзамируют покойников из самого бедного класса населения. Способ этот следующий. Редечным маслом

промывают живот (кишечник) покойного и затем кладут его в соль на 70 дней. По истечении этого времени труп возвращается". (Геродот, кн. II, 86 — 89).

[106] Диодор Сицилийский, кн. I, 91.

[107] К сообщению Геродота о кедровом масле, будто бы растворявшем кишечник, некоторые ученые (Чермак, Кюхенмейстер) вносят дополнение предположения, что масло это впрыскивалось в кишечник вместе с раствором едкого натра. С этим мнением не соглашается проф. П. А. Минаков, считающий, что такая инъекция должна была бы разрушить и стенки брюшной полости, что обезображивает труп и не могло быть желательным ни бальзамировщикам, ни родственникам покойного. Исследование египетских мумий показало, что внутренности действительно извлекались иногда через задний проход, но не с помощью каких-либо разрушающих ткани веществ, а оперативным путем. В таких случаях были находимы большие разрезы в области промежности, очевидно, сделанные для более удобного извлечения наружу внутренностей и для введения в труп ароматических смол и других бальзамирующих веществ (П. А. Минаков „Консервирование (бальзамирование) и мумификация трупов". М. 1921, стр. 32).

[108] По „Книге Бытия" срок бальзамирования равнялся 40 дням. Рассказывая о смерти и погребении Иосифа, автор говорит: „...И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование; и оплакивали его египтяне 70 дней".

70 дней являются таким образом периодом, в течение которого заканчивались все действия, связанные не только с мумификацией, но и с погребением трупа.

[109] См. П. А. Минаков, „Консервирование (бальзамирование) и мумификация трупов", стр. 31 — 33.

[110] Maspero — „Livre de l'embaumement, mémoires sur quelques papyrus du Louvre". Moret — „Au temps des Pharaons". Taboun op. cit. etc.

[111] „Книга Мертвых", гл. XVII, XLIX, LXV, LXXVI, LXXXIII. Chabas, „Mélanges égyptologiques", „L'enfer égyptien". Drioton, „Les confessions negatives". A. Moret, op. cit., etc.

[112] E. Naville, „La religion des Anciens Egyptiens". „Livre des Morts". Brugsch, „Religion und Mythologie". Naville „La destruction des hommes par Ra" (Transaction of society of Bibl. archeol. IV).

[113] A. Moret „Rituel du culte divin", De Rougé. — „Etudes sur le rituel funéraire" (1860). Тексты пирамид Меренре, Тети, Пепи I, etc.

[114] Эти особенности царского убора возникли еще во времена глубокой доисторической древности и сохранялись до последних эпох существования Египта.

[115] Анубис по египетской мифологии, бог, родившийся от Осириса и Нефтис, принявшей вид Исиды, супруги Осириса. Изображается с головой шакала, увенчанной двойной короной Верхнего и Нижнего Египта. Анубис считался проводником усопших в подземное царство и взвешивал их дела на весах во время загробного суда.

[116] Naville. — „The temple of Deir El Bahari“. Mariette. — „Deir El Bahari“.

[117] См. Тураев. — „История Древнего Востока“, т. I, 283 — 284. Breasted. — „Ancient Records of Egypt“, V. II, 671, 711, 270 — 281.

[118] Год у египтян начинался с первым появлением Сириуса на утреннем небе и летним поворотом солнца. Благодаря тому, что Сириус в каждые четыре года опаздывает на сутки, год его приблизительно равняется нашему году в 365¼ суток, таким образом египетский гражданский год был меньше солнечного на ¼ суток. Через 1460 лет разница достигала целого года. Период в 1460 лет был известен как период Сириуса. Когда солнцеворот расходился с началом египетского года больше чем на полмесяца, месяцы передвигались на один назад.

[119] Надпись на гробнице визиря Рехмара (XVIII династии). „Journal des Savants“, 1900 (traduction Sethe, commentaire Maspero). Тураев и Бороздин.—„Изборник“, ч. I.

[120] Вават и Куш —северная и южная Нубия, Пунт—юго-восточный берег Африки, близ современного Сомали, или юго-западное побережье Аравии, на месте современных Геджаса и Иемена.

[121] Папирус (Cyperus Papyrus или Papyrus antiquorum) — многолетнее тростниковое растение из семейства осоковых (Cyperaceae), растет по берегам рек и болот северной Африки, на почве, богатой илом. Корни растения, длинные и толстые, распространяются под водой, в иле, а крупные трехгранные стебли поднимаются над ее поверхностью на 2,5 3 метра. На верхушке стебли несут громадный густой пучок соцветий из длинных тонких, сложных колосьев (до ста и более в пучке)

В древнем Египте папирусом пользовались для самых разнообразных целей.

Наиболее важным, конечно, было употребление папируса в качестве писчего материала. Сердцевину, толщиной в кисть руки, разрезали на продольные полосы, которые плотно укладывали на гладкую

доску, поперек, под прямым углом, клался другой слой сердцевины, затем все помещалось под пресс и высушивалось на солнце. Получалась прочная длинная страница светло-желтого цвета, если папирус был молод, или темно-желтая, если он был стар; последний сорт предпочитался египтянами, наоборот, римляне больше пользовались светлыми сортами.

Страницы склеивались в длину и свертывались в свитки; таким образом получались иногда чрезвычайно длинные полосы, доходящие до десятков метров (например, так называемый „Великий Папирус" Harris — в Лондоне, состоящий из 71 страницы).

Строки идут вдоль узкой стороны, но в официальных документах, написанных демотическим письмом, находим и продольные строки, во всю длину свитка, доходящие до нескольких метров.

Употребление папируса было известно египтянам еще со времен Древнего царства, как от этого периода, так, в особенности, от последующих сохранилось весьма большое количество сочинений и документов, написанных на папирусе и теперь хранящихся в различных музеях.

[122] Maspero. — „Histoire", II, p. 253. Erman. — „Geschprach eines Lebensmüden mit seiner Seele". 1896. Maspero. — „Causeries d'Egypte", p. 125.

[123] Maspero. — „Les contes populaires", p. XLVII, 108, 113.

[124] Ibidem, p. p. 34, 35, 28, 153, 133 etc.

[125] Из папирусов этого рода наиболее известны:

Медицинский папирус Эберса (времен Аменхотепа I) — научная работа с огромным количеством рецептов и завершительной теоретической частью. Ebers — „Papyrus Ebers — Das hermetische Buch über die Arzneimittel der alten Aegypter". Leipzig 1875.

Берлинский папирус Бругша (XIX династии) — медицинская ценность ниже предыдущего. По мнению Эрмана, здесь встречаются рецепты, сходные со средневековыми. Brugsch. — „Notice raisonnée d'un traité médical du XIV sc." 1863.

Папирус Hearst — выборка для пользования хирурга (Reisner — „The Hearst Medical papyrus". University of California Publications, 1905.

Малый Берлинский папирус — книга для матерей и кормилиц. Этот сборник содержит в себе мало медицинских рецептов и много магических заговоров.

Гинекологический и ветеринарный сборник из Кагуна (симптомы, диагнозы и лечение). Сборник популярного характера.

Из трактатов математических:

Шесть Кагунских фрагментов (задачи на деление и извлечение корня). Griffith — „The Petrie Papyri. Hieratic Papyri from Kahun and Gurab". London, 1898.

Папирус Московского музея изящных искусств (задачи на вычисление объема геометрических тел, усеченной пирамиды и проч.). B. Touraeff. „The volume of the truncated pyramid in egyptian mathematics". „Ancient Egypt". 1917.

Большой папирус Rhind Британского музея — справочная книга по теоретической и прикладной математике. Бобынин. — „Древняя египетская математика в эпоху владычества Гиксосов". Журн. Мин. Нар. Просв. XXIII, 1909, etc.

126 Геродот, II, 82.

127 Там же, 84 — „посредством рвотного и клистиров".

128 Pleyte. — „Études sur un rouleau magique de Leyde", p. 142.

129 Ibidem, p. 78.

130 Папирус Берлинского музея.

131 Диодор, I, 71.

132 Там же, 49.

133 Papyrus Sallier IV pl. I, VI, VII, IX, XIII etc.; G. Maspero. „Les contes populaires". Introduction, p. I, XLIX etc. Wiedemann. — „Magie und Zauberei" S. 6.

134 G. Maspero. — „Mémoire sur quelques papyrus du Louvre", p. 155 etc.; „Causeries d'Égypte". Études de Mythologie, II, 196. Moret. — „Au temps des Pharaons". Revue Poulenc. „La médecine au temps des pharaons" (Dr J. Guiart).

135 Эсне (Сне, Esneh) — город в Верхнем Египте на левом берегу Нила, между Кене и Ассуаном, в 15 километрах к югу от развалин Фив. Крупный торговый центр и рынок верблюдов-дромадеров, хлопчатобумажных тканей, шалей, гончарных товаров и прибывающей из центральных африканских областей слоновой кости, страусовых перьев и прочего.

Город стоит на развалинах древнего Энит (Сне), именовавшегося у греков Латополем; жители его, по рассказу Страбона, поклонялись богине Хатор и рыбе Latus. Храм богини, выстроенный в глубокой древности, был затем перестроен Птолемеями и римскими императорами; одна из иероглифических надписей храма относится к императору Децию.

136 Эдфу — название местности, в которой находился центр второго верхне-египетского нома Тхесу-Гор. Город этот назывался по-египетски Дебут, по-коптски Атбо; греки именовали его Великим Аполлинополем. Наиболее выдающимся памятником Эдфу является

храм, существовавший уже в древнейшие эпохи Египта, но перестроенный заново Птолемеями.

История строительства его при этих фараонах указывается на стенах храма следующим образом: в 237 году он был заложен Птолемеем III и закончен вчерне в 212 году, в 142 г., при Птолемее IX, в него была внесена статуя Гора, но постройка храма еще продолжалась, к южной стороне присоединили две залы с колоннами, гипостильный двор и колоссальный пилон с вратами, обитыми бронзой. Постройка была закончена лишь при Птолемее XIII Дионисе и Клеопатре Трифене в 57 году и длилась таким образом 180 лет.

Храм Эдфу — один из самых полных памятников египетской архитектуры. Его ось направляется от юга к северу. За великолепно украшенным пилоном следует большой четырехугольный двор с 32 колоннами, на стенах его надписи о построении и размерах; за ними расположен гипостильный зал с 18 колоннами, направо помещение для библиотеки с изображенным на ее стенах иероглифическим каталогом книг. Налево комната для молитвы царя, потолок здесь украшен астрономическими изображениями. Следующее помещение с 12 колоннами именовалось залой процессий, в стороне от нее — храмовая лаборатория с иссеченными на стенах рецептами различных мазей и благовоний. Наконец через зал, где находился жертвенник, вступали в Святая Святых, с трех сторон которой, вдоль стен, помещались десять часовен, посвященных различным богам. Многочисленные надписи и изображения на стенах посвящены истории борьбы Гора с его врагами. Надписи заключают в себе гимны, отчеты, календари, устав местных праздников, царственные записи и т. д.

[137] Как в Аравийской пустыне, так и возле Ассуанских порогов прекрасные граниты, сиениты, порфиры и долериты выступают над поверхностью земли. Разработка этих пород велась здесь уже в древнейшие времена. От Ассуана до Эль-Каба тянутся огромные каменоломни тонкого красного ровнозернистого песчаника, служившего прекрасным материалом для постройки храмов. В Фивах гробницы царей вырублены в Ливийских известковых скалах, плотно лежащих над верхним мелом. Материал для пирамид доставляли известняковые каменоломни Массараха и Гурраха на противоположном берегу Нила. У Гелуана против Мемфиса и возле Сиута добывали алебастр. Южнее Александрии находятся богатые залежи натровой соли. В Джебель-Оллаги в Нубии имеются золотоносные рудники, а близ Джебель-Себира еще в древности разрабатывались смарагдовые копи, так же, как добывались сапфиры и топазы.

[138] Саис (египетское Са, Саи) — главный пункт 5-го нома Нижнего Египта. Существовал еще в глубокой древности, при первых

династиях. В текстах пирамид упоминается как важный религиозный центр; в то же время здесь процветала ткацкая промышленность и изготовлялись полотна, употреблявшиеся для культа и при бальзамировании.

Саисский храм богини Нейт считался одним из обширнейших в Египте, и жрецы его пользовались высоким авторитетом как ученые. Крупные греческие философы и мудрецы (Солон, Платон и др.) являлись сюда для беседы и для посвящения в мистерии богини. Общий упадок государства в эпоху смут мало отразился на Саисе, его князья охраняли порядок в своей области и наконец объединили вновь весь Египет под властью так называемой „Саисской династии" Псамметихов. Основание Александрии не подорвало значения Саиса: он продолжал оставаться влиятельным религиозным центром и существовал еще в XV веке нашей эры. В настоящее время город лежит в развалинах, его исследование и раскопки ведутся до наших дней со времен Карстена Нибура (1762—77 гг.), впервые обратившего внимание на руины Саиса.

139 Арамейский документ из Иудейской колонии на Элефантине (перевод П. К. Коковцева). Папирус относится к царствованию Дария II, вероятно, к 411 году, упоминаемый в документе Аршак — персидский сатрап.

140 Обращение к персидской власти оказалось действительным. Мы имеем папирус Берлинского музея от имени Багоя с ходатайством перед наместником Египта, сатрапом Аршаком, о восстановлении храма Яху. Подробнее о Иудейской колонии на Элефантине смотри: Euting. — „Notice sur un pap. égypt. araméen". Mémoires Acad. Inscr. Belles Lettres. XI. П. К. Коковцев (Записки Восточ. Отд. Арх. Общ., XVI). Мееркант — „Древности Восточные", II. Sayce-Cowley. — „Aramaic papyri discovered at Assuan". London, 1906. Sachau. — „Aramäische Papyrus und Ostraca aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine". Leipzig, 1911 (2 тома). Lods, N. Peters, Meyer и другие также писали по этому поводу. На русском языке см. проф. Тураев — „История древнего Востока", т. II. СПБ. 1913, стр. 219, 243—245. Волков. — „Иудейская колония на Элефантине" (под ред. проф. Тураева) etc.

141 Египет. Название получено от греков, у которых оно означало северную часть Нильской долины до первого водопада, с прилежащими оазисами Ливийской пустыни. Самое название „Египет" греки, вероятно, переделали из древнего местного названия Мемфиса — Гакапта, египтяне же называли свою страну „Кеми", что в первичном обозначении соответствовало черной земле — чернозему. Семиты именовали Египет Мицраим, то есть укрепления. То же

название перешло и к персам в форме Мудрайя. Северную свою область древние египтяне именовали Па-то-Мер, южную — Па-то-рес, переделанные составителем библии в Па-тру-сим.

[142] Из них особенно замечательны: „Хроника Иоанна, епископа Никиу", „Хронограф Петра абу-Сакира ибн-Рахиба" XIII века, „История Александрийских патриархов, аввы Севира епископа Эгимунейского" и проч.

[143] Сохранив для Египта специфические формы его государственного устройства, Рим поставил во главе местного управления всадника с титулом Praefectus Aegypti, которому была присвоена высшая военная и административная власть. Этот префект находился в непосредственной зависимости от императора, а сама провинция была изъята из ведения сената и объявлена личным владением цезаря.

Для поддержания порядка в стране в ней были расквартированы римские легионы; число их при различных императорах менялось.

Покровительствуя религии, римские императоры достраивают великий Дендерахский храм и храм Эдфу и возводят новые. В то же время, стремясь держать в своих руках жречество, они объединяют его под управлением великого жреца Александрии и всего Египта, избиравшегося непременно из числа римлян. Официальным языком признавался греческий, но в некоторых случаях допускался и туземный.

[144] Отчет об открытии имеется в сокращенном русском переводе: Г. Картер и Мейс.—„Гробница Тутанхамона", Москва. ГИЗ, I (1927), II (1928). Carter and Mace. — „The tomb of Tut Anc Amen", London, 1923, II v.

[145] Reisner. — „Hetep-Heres, Mother of Gheops". (Bulletin of the Museum of Fine Arts May, 1927. Boston) и краткое сообщение Авдиева— „Воскресающий древний Египет". („Печать и революция". 1928 г., кн. 4).

БИБЛИОГРАФИЯ

Brugsch. — „Die Aegyptologie", Leipzig, 1891.

Breasted, James. H. — „Ancient Records of Egypt" (Hist. doc. fr. the earl. times to the persian conquest). Chicago, 1906 (5 vol.)

Брестед, Д. Г. — „История Египта с древнейших времен до персидского завоевания". Перев. Викентьева. Москва, 1915 (II т.)

Баллод, Ф. В. — „Очерки древнеегипетского искусства", Москва, 1924. „Египетское искусство времени Аменофиса IV" („Записки Моск. Археологического Института". т. XXXV).

Capart, J.—„L'art Égyptien" (Paris, 1909). Thebes.—„La gloire d'un grand passé" (Bruxelles, 1925); „Notes sur les origines de l'Egypte", 1890.

Carter, H. and Mace, A. — „The tomb of Tut Ank Amen". London, 1923 (II v.)

Картер и Мейс.—„Гробница Тутанхамона", Москва, ГИЗ, I, 1927; II, 1928.

Chabas, F. — „Mélanges égyptologiques", Chalon sur Saône, 1862 — 1873; „D'aprés les sources égyptiennes," Ch. s. S. 1872.

Champollion. — „Monuments de l'Egypte et de la Nubie", 1835 — 1872.

N. de Garis Davies.—„The Rock tombs of El Amarna" (6 vol.) London. 1903 — 1908.

Ermann. — „Die Aegyptische Religion", Berlin, 1909; „Geschprāch eines Lebensmüden mit seiner Seele" (1896); „Aegypten and Aegyptisches Leben im Altertum". Tübingen, 1885.

Naville, Ed. — „The temple of Deir-El-Bahari" (7 volumes), London. 1899.

Mariette, A. F. — „Denderah" (Paris, 1869—75). Karnak (Lpz., 1875). Abydos (1880). Serapeum de Memphis (Paris, 1882).

Maspero G. C. — „Etudes Egyptiennes" (1879). „Causeries d'Egypte" (1907); „Etudes de mithologie et d'archeologie egyptiennes" (1893—1916). „Les contes populaires de l'Egypte ancienne" (Paris, 1889); „Du genre epistolaire chez les anciens Egypt." (1872). Maspero-Steindorf. — „Aegyptische Kunstgeschichte" (Leipzig, 1889).

Moret, A.—„Le Nil et la civilisation Égyptienne" (1926); „Au temps des pharaons" (1908); „Des clans aux empires" (1923).

De Morgan, J.—„Recherches sur les origines de l'Egypte" (1897—99, II vol.); „L'age de la perre et les métaux" (1896, IV).

Meyer, Ed. „Geschichte des Alten Aegyptens", Berlin, 1887.

Минаков, П. А.—„Мумификация и консервирование (бальзамирование) трупов", Москва, 1924.

Flinders Petrie, W. M.—A „History of Egypt", London, 1894—1901 (9 vol.); „The Royal tombs at Abydos" (1902 — 1906, v. I — III).

Sethe, Kurt. — „Beiträge zur ältesten Geschiche Aegyptens" (1906); „Urkunden des alten Reichs". (Leipzig. 1903, II B.)

Spiegelberg, W.—„Geschichte der Aegyptischen Kunst", Lpz., 1910.

Sachau.—„Aramäische Papyrus und ostraca aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine" Leipzig, 1911 (II B).

De Rougé. — „Etudes sur le rituel funeraire" (1866).

Reinach, Solomon. — „L'Antropologie" (1897).

Wiedemann.—„Religion der alten Aegypter" (Münster, 1890).

Pleyte-Rossi. — „Papyrus de Turin" (1869 — 76).

Taboui. — „Le pharaon Tout Ank Amon, sa vie et son temps". Paris, 1928.

Тураев, Б. А.—„История Древнего Востока", СПБ., 1913; „История древнеегипетской литературы"; Тураев (ред.) и Бороздин. — „Древний мир". Сборник источников по культурн. истории", ч. I. Москва, 1917.

Wilkinson. — „Manners and customs of the ancient Aegyptians", London, 1878. „La Revue Sémitique", 1891, 1893, 1894, 1898; „Revue critique", 1889, 1890 — 93; „Journal Asiatique", 1890, 91, 92, 93; „Journal des savants", 1883, 1900; „Proceedings of the Society of Bibl. Archaeol", 1890; „Annales du Service des Antiquités de l'Egypte", IV, VII; „Zeitschrift für aegyptische Sprache", 1890 — 93, etc, etc.

СОДЕРЖАНИЕ